

ОБЩЕСТВО - СРЕДА - РАЗВИТИЕ

Научно-теоретический журнал № 2(3)'07

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕСТВО

Феномены социального развития

Виноградов В. Д., Петров А. В.

Российская демократия и неолиберальные реформы: структурно-исторический контекст развития гражданского общества 3

Пилявский В. П.

Нормативно-правовые основы предпринимательской деятельности в жилищно-коммунальном комплексе мегаполиса 10

Бодунова О. Г.

Идейно-психологические мотивы преступлений террористической направленности в России 18

Массовая культура

Трещев В. В.

Основные формы продукции в музыкальной индустрии 29

Ляшко А. В.

Выставочный фастфуд: осмысляя аппетиты современной художественной жизни 37

Инновации в образовании

Демченко Е. Н.

Любительское музицирование в Императорском училище правоведения 45

Праслова Г. А.

Взаимодействие традиций и инноваций в методике историко-педагогической подготовки педагогов-музыкантов 50

Научный поиск

Юсфин А. Г.

Путь к гармонии между людьми, народами, культурами и религиями на основе перинатального музыкального воспитания ... 63

СРЕДА ОБИТАНИЯ

Осмысление ноосферы

Субетто А. И.

Науки о Земле как приоритетная область знаний в системе ноосферного образования 69

Природная среда

Ермолаев В. С., Иночкин М. В.,

Пузык И. П., Пузык М. В.

Парниковый эффект: диоксид углерода и антропогенный фактор..... 77

Социальная среда

Карпов А. В.

Туберкулез в России: прогноз на будущее..... 83

ЛЕКСИКОН

Исупов К. Г.

Космос русского самосознания

Двойник 88

Детскость 91

Другой 94

НОВОСТИ

Дробышева М. Н.

«Балканское театральное пространство» на петербургских берегах ... 98

Артемьева Т. В., Микешин М. И.

Международная конференция «Карл Линней в России: к 300-летию со дня рождения». Санкт-Петербург, 15–16 июня 2007 г. 100

Summary 103

Сведения об авторах..... 105

ФЕНОМЕНЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 316
ББК 60.5

В. Д. Виноградов, А. В. Петров

РОССИЙСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ: СТРУКТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА*

Рассматриваются вопросы развития институтов гражданского общества как одной из базовых сущностей процесса демократизации России. Структурно-исторический контекст российских реформ определяет существенную специфику развертывания процесса демократизации и формирования институтов гражданского общества. Именно поэтому его изучение важно для современных социально-политических исследований и должно приниматься во внимание теми, кто стремится перейти от политической риторики к реальному анализу особенностей современного развития России и роли институтов гражданского общества в его осуществлении.

Одной из важнейших составляющих процесса реформ и демократизации России в 1990-е гг. – начале XXI в. является процесс формирования институтов гражданского общества. Проблемы становления и развития гражданского общества в нашей стране исследователи связывают преимущественно с сиюминутными вопросами функционирования системы негосударственных организаций, оставляя практически без внимания структурно-исторический контекст реформ. На наш взгляд, возможности решения проблем да и сами перспективы гражданского общества в России определяются вовсе не сиюминутной политической риторикой, а куда более сложными процессами становления российской демократии в ходе неолиберальных реформ и, шире, трансформационными процессами в системе современных обществ и мировом хозяйстве, формирующими структурно-исторический контекст либерализации и демократизации.

В последней трети XX – начале XXI вв. система современных обществ и международных отношений в экономическом плане характеризуется

* Материалы статьи подготовлены при содействии РФФИ (проект 06-06-80311-а).

резко возросшей мобильностью капитала, проявляющейся в практически неограниченных возможностях международных финансовых институтов манипулировать финансовыми и информационными потоками, формируя выгодные для себя экономические и политические условия накопления капитала. Данный период характеризуется также новым этапом научно-технического прогресса – «информационно-коммуникационной революцией», – основным «носителем» которого становятся транснациональные корпорации. Поскольку основные конкурентные преимущества в современной производственной системе определяются уже не столько возможностью эффективного управления текущими издержками, сколько более гибкой системой организации производства, ориентированной на быстрое внедрение инноваций, то ведущие индустриально развитые страны «центра» мировой экономической системы, стремясь укрепить и повысить свою конкурентоспособность, все больше ориентируют производство на создание товаров, обладающих созданной знанием стоимостью, и развитие интеллектуального капитала корпораций. При этом и традиционные производства «индустриальной эпохи» с громоздкими материальными активами, и, все чаще, даже самые современные высокотехнологичные производства посредством транснациональных корпораций переносятся в страны «периферии» мировой геосоциальной системы. Тем самым, на новом социально-историческом этапе структурной трансформации современной мировой экономики и системы современных обществ, ведущие индустриально развитые страны по-прежнему пытаются сохранить свое привилегированное положение относительно остального мира в процессе распределения совокупного мирового дохода. Подобное положение поддерживается на основе монополизации процесса создания инноваций и монополизации производства образцов потребления. Кроме того, эти страны по-прежнему активно регулируют финансовые, товарно-сырьевые и информационные потоки в современной мировой экономике. Не менее важным аспектом глобального регулирования остается идеология.

В подобных структурно-исторических условиях еще в 1970-е гг. новый импульс получила либеральная идеология, проявившаяся, в частности, в возродившейся «рыночной» риторике среди большинства экономистов и политиков практически во всех странах мира. Либеральную идеологию политики ведущих индустриально развитых стран, и, прежде всего, США, стали активно использовать для сохранения своего геополитического влияния в мире и усиления собственной экономической мощи. Последняя четверть XX в. стала эпохой установления глобального неолиберального порядка, который явился геополитическим фоном для обоснования возможности и необходимости использования ведущими индустриально развитыми странами новых механизмов регулирования мирового хозяйства. Установление этого порядка осуществлялось с помощью различных подконтрольных развитым странам международных экономических и политических организаций, таких как МВФ, ВТО, ОЭСР и др., подталкивавших национальные правительства развивающихся стран к проведению неолиберальных реформ в русле основных положений Вашингтонского соглашения, в русле политики монетаризма, фритредерства и призывов к тотальной либерализации всех сфер

социальной жизни. Следует согласиться с И. Валлерстайном в том, что подобная стратегия «перехода от доктрины развития к принятию условий Вашингтонского соглашения была очень выгодна для американцев и позволила им усилить экономическое и в особенности финансовое вмешательство в политику стран третьего мира. Таким образом США смогли компенсировать потери от снижения прибыльности своих главных отраслей»¹.

Однако либеральная идеология также разделяется и активно поддерживается социальной элитой стран, стремящихся к реализации политики «догоняющей» модернизации. Одной из причин этого является убежденность в том, что якобы единственным способом противостоять монополизации использования научно-технических достижений развитыми странами может стать создание благоприятных, то есть максимально либеральных, условий для привлечения в развивающиеся страны транснациональных корпораций и международных финансовых институтов. Либерально настроенные представители социальной элиты полагают, что лишь такая политика позволит «приобщиться» к плодам научно-технического прогресса, привлечь крупные инвестиции, сформировать новые рабочие места и тем самым создать благоприятные возможности для наращивания объема производства (в том числе и высокотехнологичной продукции) и повышения конкурентоспособности в мировой экономике. Тем самым либерализм, приобретая некоторые особенности в зависимости от исторически обусловленного характера и способа включения общества в современную мировую экономическую систему, становится важнейшим элементом идеологии и, соответственно, политики, осуществляемой тем или иным государством в рамках указанной мировой системы. Особенности идеологии и политики, таким образом, определяются способностью того или иного общества к восприятию либеральной идеологии, но с учетом сложившихся внешних и внутренних структурных социально-исторических условий. В связи с этим одной из основных проблем реформирования в странах «догоняющей» модернизации становится противоречие между стремлением к тотальной либерализации, вызванной внешними структурными обстоятельствами трансформации мировой экономики и системы современных обществ, и проведением политики, ориентированной на соблюдение национальных интересов, на формирование условий для самостоятельного развития.

Государство в России с начала 1990-х гг., в отличие, например, от Китая, попыталось воспользоваться «готовым» политическим рецептом в виде модели неолиберальной «догоняющей» модернизации. Данный «рецепт» был разработан на Западе для стран с периферийной экономической и политической системой (например, для стран Латинской Америки) исключительно с целью сохранения их зависимого от традиционных индустриально развитых стран положения в мировой экономике на возможно более длительный период времени. Что и повлекло за собой соответствующие последствия для курса социально-политических реформ в российском обществе, который оказался фактически сведен к попыткам слепого следования основным постулатам идеологии неолиберальной модернизации. Следование этим постулатам достаточно быстро приве-

ло страну к совершенно иной модели социально-политического развития, отличной от декларируемой в начале процесса преобразований. В рамках подобной модели либерализм и демократизация превратились лишь в одну из формально декларируемых целей развития, а не стали сущностью и средством политики государства, которая в 1990-е гг. стала все больше ориентироваться на интересы олигархических группировок, монополизировавших процесс принятия решений и фактически отстранивших большую часть общества от возможности принятия активного участия в их выработке, реализации и, соответственно, в распределении национального дохода.

Однако сложившаяся в ходе осуществления нелиберальных реформ ситуация вовсе не означает полное отрицание возможности демократизации российского общества и расширения гражданской инициативы. Безусловно, современный научный да и политический лексикон невозможно представить без категории демократии. Хотя ее употребление и интерпретация в истории социальной мысли довольно разноплановы. Сегодня насчитывается несколько сотен ее вариантов, подтипов. Данное положение можно считать обоснованным, ибо демократия как институт, как процесс претерпевала существенные изменения в историческом измерении: от родового классического «народовластия» – до современных технологий, процедур принятия политических решений. Античная идея и практика «правления множества» предполагала, что для общего блага править должны те, кто может править наилучшим образом, а «худшие» должны отстраняться от участия в управлении. Как показал политический опыт, вся проблема заключается в том, как определить и выбрать «наилучших» в отличие от «наихудших».

Триада принципов эпохи Просвещения «свобода, равенство, братство» лежит в основании европейской демократии и ее последующих модификаций. Однако под лозунгом «равенства возможностей» идея свободы превратилась в либерально-экономическую. Идея равенства трансформировалась в господство неравенства между людьми, социальными группами, нациями, государствами. Реализация идеи братства, таким образом, оказалась законсервирована до «лучших времен». А «остатки» демократии европейского образца свелись к декларированию свобод и прав человека, что и зафиксировано во Всеобщей декларации прав человека после Второй мировой войны.

Теоретические поиски новых демократических возможностей ограничивались пределами либеральной, плюралистической, американской модели. Классическая концепция демократии как «народовластие», как «общий интерес», «общая воля» в условиях неравенства возможностей уступила место «процедурным технологиям», «игре институтов», «организованным неопределенным взаимодействиям». Права и свободы человека, провозглашаемые квинтэссенцией западной модели в качестве мирового межкультурного идеала, превращаются в символ технологических избирательных процедур. При этом воздействие политико-технологического манипулирования на «свободных и обладающих всеми правами» граждан приводит к омертвлению активности большинства населения. Данная тенденция проявляется во многих государствах, называющих себя демократическими, в которых так называемый «барьер явки» на выборы достиг 20 %. Сегодня

мы являемся свидетелями постоянно возникающих противоречий и конфликтов между отдельными государствами, группами государств вследствие глобализационных явлений неолиберального типа, когда «всеобщая свобода» способствует возрастанию «права на неравенство» во всех сферах, права на «легитимное насилие»². Сама демократия как технико-процедурный инструмент используется в качестве удобного средства в борьбе за власть, за персонифицированное и коллективное господство. В этой связи в литературе высказывается тезис о «вырождении демократии», о ее кризисе, что логически ведет к «умиранию демократии» в современном обществе³. Вывод пессимистичный, но вполне закономерный.

В сегодняшней России развитие и укрепление демократии провозглашается одной из стратегических задач. Цель благородная, если вспомнить, что элементы парламентской демократии в России появились после принятия императорского манифеста 17 октября 1905 г. По сути дела это был первый конституционный акт, в котором провозглашались принципы участия населения в принятии политических решений. Правда, следует оговориться, что у нас с тех пор было принято несколько конституций, в том числе и самая «демократическая» в 1993 г. Только многие статьи конституций не выполнялись правителями. «Демократический разгул» либерального типа конца 80–90-х гг. XX в., целенаправленно привнесенный извне на просторы советского, а потом российского государства и отрицавший все отечественные теоретические и практические ценности и достоинства прошлого, привел к распаду первого и к всеобщей деградации второго. Время «упоения» прелестями западной демократии быстро сменилось манипулятивными процедурами застрельщиков российской демократии, что привело к материальному и социальному расщеплению народа. Властный и материальный ресурсы оказались в руках «максимального меньшинства», в то время как «максимальное большинство» вынуждено было перейти с режима созидания на режим выживания. Заимствованный тип западного демократического государства превратился в жестокого коррумпированного Левиафана. Само понятие демократии стало ассоциироваться с диким капитализмом американского образца конца XVIII – начала XIX вв. Понятно, что «такая» демократия стала удобной и выгодной «кормушкой» для представителей социальной элиты.

Возникают тревожные вопросы, связанные с развитием демократии как социальной и политической проблемы. С одной стороны, звучат настойчивые призывы «внедрять» демократию в российском государстве, иначе, дескать, Россия вернется к своему самодержавному или советскому прошлому. С другой – высказываются сомнения и даже отрицание в отношении демократии западного типа, как некоей «сверхценности», «сверхцели» политического устройства. Ибо эта демократия по сути дела превратилась в инструмент реализации и утверждения американского образа жизни в мировом масштабе. При этом идеологи такой демократии не стесняются в формулировании идеи – «да, американцы будут жить так, как они привыкли и как им нравится» и хотят, чтобы все другие народы и государства на земле жили по американскому образцу. То есть эта демократическая «квазирелигия», претендующая на универсальность, не признает национальных особенностей, исторических традиций иных

народов. С помощью данного инструмента предлагается формировать и утверждать «единый и неповторимый» социальный порядок в мире.

В русской теоретической традиции в центре «социального порядка» всегда находилась проблема «совершенного человека». Когда мы говорим о служебном характере демократии, то прежде всего имеем в виду, что она обязана обеспечивать социальный цикл не западного образца «деньги – товар – больше денег», а другой – более традиционный, гуманный и справедливый: «человек – производство – более совершенный человек». Прискорбно это констатировать, но в центре внимания современного российского государства находится функционирование социального цикла западного образца. Пренебрежение интересами человека, нации, народа фактически обесмысливает существование самого государства, делает его чужеродным. Например, невозможно уразуметь парадоксальный факт, что в условиях построения подражательной демократии в России, государство сидит в буквальном смысле на мешке с золотом в виде стабилизационного фонда и не знает, куда его деть. Всевозможные объяснения властвующим по поводу данного явления никого не удовлетворяют. Известно, что у каждого человека, у каждого государства должна быть какая-то, пусть даже иллюзорная, цель, выходящая за рамки повседневности, которая придает смысл его жизнедеятельности на перспективу. Складывается впечатление, что подобная цель стратегического характера на сегодняшний день отсутствует. Существуют лишь предложения по разработке программ развития отдельных направлений – образование, здравоохранение, жилье, сельское хозяйство – и их реализация во временной неопределенности. Как тут не вспомнить слова И. А. Ильина: «Государство, пытающееся быть демократией ценою своего государственного бытия, – есть нелепое и обреченное явление»⁴.

Трудности переживаемого периода заключаются не только в том, что наше государство не оставляет надежды выглядеть демократическим, как большинство западных стран, а в том, что «эталонная» западная демократия не находит востребованных устоев для своего «воцарения» в России. Кроме всего прочего, она мало адекватна политической палитре современного мира. Со всей очевидностью наступает момент истины, когда либеральный лозунг недавнего прошлого «Заграница нам поможет» следует перефразировать на противоположный «Заграница нам уже никогда не поможет». Да и не хочет, чтобы Россия стала процветающим самостоятельным государством со своим прошлым, настоящим, будущим.

Возникает вопрос – что же дальше? Существуют ли альтернативы либерально-демократического развития России? В последнее время дискуссии по этому поводу разворачиваются на страницах журналов, на конференциях и семинарах⁵. Предлагается несколько проектов переустройства нашего Отечества. Они носят эволюционный характер и рассчитаны на длительную перспективу. Есть даже антидемократический проект, имеющий системный характер, где предлагается совокупность мер, которые бы учитывали национальную специфику, исторические традиции, негативный опыт прошлого и сегодняшнего дня России... Высказываются и обосновываются также и идеи, которые в перспективе в результате их реализации смогут привести наше государство к цивилизационному прорыву... Однако в любом случае развитию институтов гражданского

общества как одной из базовых сущностей процесса демократизации России альтернативы нет и быть не может. Структурно-исторический контекст российских реформ определяет существенную специфику и развертывания процесса демократизации, и формирования институтов гражданского общества. Именно поэтому его изучение важно для современных социально-политических исследований и должно приниматься во внимание теми, кто стремится перейти от политической риторики к реальному анализу особенностей современного развития России и роли институтов гражданского общества в его осуществлении.

¹ Валлерстайн, И. Геополитические миро-системные изменения: 1945–2025 годы // Вопросы экономики. – 2006. – № 4. – С. 75.

² Панарин, А. С. Глобальное политическое прогнозирование. – М., 2000. – С. 5.

³ См.: Бузгалин, А. Альтерглобализм: в поисках позитивной альтернативы // Политический класс. – 2005. – № 27. – С. 47–48; Решетников, М. Демократия, терроризм и гражданское общество: тенденции, противоречия, исторические иллюзии // Телескоп. – 2004. – № 26. – С. 2–6.

⁴ Ильин, И. А. О сущности правосознания. – Мюнхен, 1956. – С. 118.

⁵ См.: Андреев, Д. Антидемократический проект как неизбежность // Политический класс. – 2005. – № 29. – С. 27–37; Третьяков, В. Т. Нужен ли нам Путин после 2008 г.? – М., 2005; Русская доктрина // Политический класс. – 2005. – № 21. – С. 78–91.

УДК 338.465
ББК 65.9

В. П. Пилявский

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОМ КОМПЛЕКСЕ МЕГАПОЛИСА

Изложены проблемы, возникающие в ходе реализации программы реформирования отрасли ЖКХ. Показано, что основным препятствием для реализации программы является несовершенство нормативно-законодательной базы сферы ЖКХ.

Показаны основные направления совершенствования законодательства, регулирующие важные аспекты экономической деятельности в жилищно-коммунальном хозяйстве и создающие условия для развития предпринимательства.

Неудовлетворительное состояние жилищно-коммунального комплекса (ЖКК) страны свидетельствует о том, что за последние годы не были созданы ни материальная база модернизации отрасли, ни реальные механизмы, способные реализовать процесс реформирования. В связи с этим возникают опасения за перспективы реформ в ЖКК, необходимость которых общепризнана, как признан и тот факт, что российский жилищно-коммунальный комплекс давно тормозит развитие экономики.

При проведении реформы жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) как основы ЖКК (кроме ЖКХ в ЖКК входят отрасли транспорта и связи) необходимо учитывать макроэкономические аспекты. Реформа доходов населения должна рассматриваться как обязательное условие эффективного проведения в жизнь реформы ЖКХ (как и всех других реформ, связанных с доходами населения, в том числе образования, здравоохранения, пенсионной сферы).

Взятый в настоящее время руководством страны курс на снижение уровня бедности должен быть расширен: задача борьбы с бедностью должна решаться в рамках полномасштабной реформы доходов населения Российской Федерации.

Задача данной реформы предполагает разработку и реализацию серии общегосударственных мер, таких как:

- структурная переориентация экономики на внутренний рынок и потребительский сектор с соответствующими институциональными преобразованиями;

- внесение изменений в систему налогообложения доходов, имущества;

- реализация программ поддержки малого и среднего предпринимательства;

- реализация программы борьбы с бедностью;

- поддержка программы создания рабочих мест;

- поддержка программы доступа к высшему и среднему специальному образованию детей из малообеспеченных семей;

- пересмотр политики доходов в сферах образования, науки, здравоохранения, охраны правопорядка;

- создание условий для повышения мобильности рабочей силы (в том числе в рамках реформы ЖКХ).

Последовательная реализация данных мероприятий позволит в течение 12–15 лет не только снизить уровень бедности до 12 %, как предполагает правительство, но и сократить разрыв в доходах богатейшей и беднейшей социальных групп в 6–8 раз.

Важным условием успешной реализации реформы ЖКХ является построение полноценных рыночных отношений в сфере ЖКХ. Вхождение предпринимательских структур в сферу эксплуатации коммунальных систем стимулирует возникновение конкуренции в сфере предоставления услуг ЖКХ (в том числе и для организаций иных организационно-правовых форм). Первый опыт функционирования частного бизнеса, который начинает сейчас приходить в сферу ЖКХ (в частности, таких крупных компаний, как «Российские коммунальные системы», «Межрегиональная инвестиционная строительная коммунальная компания», «Интеррос», «Российские коммунальные инвестиции» и др.), показывает, что в первую очередь средства вкладываются не в модернизацию, а в отдельные краткосрочные инвестиционные проекты, связанные с реабилитацией инфраструктуры и текущим ремонтом. Во многом это объясняется тем, что частные компании в сфере ЖКХ работают в основном на правах аренды, что, как показывает практика, не способствует долгосрочным капитальным вложениям.

Жилищно-коммунальный комплекс страны – это мощный рынок, нуждающийся в крупных финансовых вливаниях. На этот рынок привлекается и иностранный капитал. Росстроем подписан меморандум о сотрудничестве со швейцарской компанией «Эй-Би-Би», которая уже приступила к разработке технической документации по строительству систем водопроводно-канализационного хозяйства в Московской и Ростовской областях, Ставропольском крае, городах Владикавказе, Пскове и Курске.

Есть и другие примеры. Так, в Краснодарском крае только в Анапу, Новороссийск и Туапсе в соответствии с проектами развития муниципальной инфраструктуры, подготовленными Европейским банком реконструкции и развития, необходимо вложить не менее 25 млн долл. Это позволит снизить издержки и сделать услуги предприятий водо-

снабжения и канализации экономичными и более качественными. Привлечение «длинных» кредитов на 20 лет под низкие проценты, да еще и с отсрочкой первых платежей, – это очень удачное решение для Краснодарского края.

Помочь привлечению денег мог бы распространенный в мире механизм концессий, позволяющий предпринимателям эксплуатировать инфраструктуру ЖКХ, которую запрещено приватизировать. По оценке Всемирного банка, в 1990-х гг. концессионеры реализовали в развивающихся странах более 600 транспортных проектов на 125 млрд долл., а французская «Suez» управляет концессионными проектами в сфере ЖКХ на 30 млрд долл.

Государство в лице Минэкономразвития готово раздать инвесторам-концессионерам почти всю госсобственность, которую нельзя приватизировать, а зачастую и сдать в аренду, в том числе автодороги, трубопроводы, аэродромы, электростанции и электросети, железнодорожный и городской транспорт, порты, объекты коммунального хозяйства.

При этом следует различать понятия «аренда» и «концессия». Существенным различием следует считать трактовки юридической природы прав арендатора и концессионера. Согласно статье 606 Гражданского кодекса (ГК) РФ арендатору предоставляется (передается) имущество во временное владение и пользование или во временное пользование. В том случае, когда арендатору имущество передается во владение и пользование, он становится титульным владельцем арендованного имущества. Когда имущество передается только в пользование, его владельцем остается арендодатель.

Российское концессионное законодательство, в отличие от ГК, предоставляют концессионеру не имущество как таковое, а право пользования или исключительное право пользования имуществом. В данном случае право пользования, тем более исключительное право пользования, – это вовсе не аналог одноименного арендного права. Оно сопоставимо лишь с титульным арендным владением и пользованием, но в действительности полнее, весомее, «качественнее» арендных прав. Кроме того, в рамках концессии концессионеру может предоставляться право пользования на несуществующее имущество, которое по договору концессии должно быть создано концессионером.

Другим существенным отличием является общепринятое в концессионном договоре положение, согласно которому право собственности на имущество концессионера, приобретенное или созданное им для концессионных целей, подлежит безвозмездной передаче концеденту (государству или иному публично-правовому образованию) по истечении срока действия договора. Арендным отношениям такое правило неизвестно.

Еще одно отличие аренды от концессии становится очевидным из статьи 613 ГК РФ, согласно которой передача имущества в аренду не является основанием для прекращения или изменения прав третьих лиц на это имущество. В концессионной практике имущество, право пользования которым предоставляется концессионеру, должно быть предварительно очищено от любых чужих прав на него. Это означает, что в концессию передается, как правило, казенное имущество государства или муниципальных образований.

В экономическом плане аренда не отвечает требованиям инвестиционного проекта (тем более – условиям проектного финансирования), которым как раз полностью соответствует современная концессия. Традиционно аренда – это найм имущества, должное состояние которого обязан поддерживать арендодатель. Это не выход для российской экономики, отчаянно нуждающейся в немедленном притоке капитальных вложений. И хотя арендным договором тоже можно предусмотреть обязанности арендатора по приумножению и обновлению арендованного имущества, подлинный инвестиционный проект может быть реализован только в концессионной форме с предоставлением концессионеру индивидуальных рентных, налоговых, валютных режимов.

Как планируется, концессионеров, которые возьмутся модернизировать или строить не подлежащие приватизации объекты, будут отбирать на конкурсе. С победителями государство подпишет концессионный договор на срок от 7 до 99 лет. Расторгнуть его досрочно можно будет только через суд.

Без концессий в ЖКХ деньги просто не привлечь, а поскольку инвестор придет только на условиях возврата вложений, государство будет вынуждено вводить рыночные отношения в эти секторы, что подстегнет их развитие.

Бизнесменов это не отпугивает. Дочерняя компания «Veolia» французской «Veolia Water» предпочла бы концессию аренде водоканалов в нескольких городах Центральной России, а «Комплексные энергетические системы» (дочерняя компания СУАЛа), арендующие на Урале объекты коммунальной энергетики, были бы не прочь взять в концессию не только их, но и более серьезные энергетические объекты. Однако концессии не панацея, которая сразу утолит инвестиционный голод российской экономики, необходимы стабильные условия, четкость правоприменения, адекватные действия налоговых и правоохранительных органов.

Между тем реализация уже первых проектов в регионах свидетельствует о перспективности работы частных компаний в ЖКХ. По существующим оценкам, доходность на вложенный капитал будет колебаться в пределах 5–7 %. При этом создаются возможности для вовлечения в рынок ЖКХ и предприятий смежных отраслей (речь, в частности, идет о компаниях, специализирующихся на замене теплотрасс, производстве измерительной аппаратуры для коммунального комплекса, а также на производстве и поставках специализированных труб – рынок с ежегодным оборотом в несколько десятков миллиардов долларов).

При этом частные компании, действуя в сфере ЖКХ, способны:

- выйти на уровень безубыточности при действующем уровне тарифов за счет повышения эффективности хозяйственной деятельности;
- вовлечь в экономический оборот огромный пласт муниципальной и государственной собственности, увеличив тем самым капитальную базу экономики страны;
- более эффективно, осторожно и вдумчиво инвестировать в отрасль.

В связи с этим крайне актуальна проблема разработки механизмов, делающих рентабельным вложение государственных и частных средств в долгосрочные проекты коренной модернизации ЖКХ. Первоочередной задачей в этом плане становится принятие закона о концессионных механизмах в ЖКХ. В частности, в настоящее время в профильных ко-

митетах Государственной Думы рассматривается законопроект «Об инвестиционных соглашениях в сфере коммунального хозяйства», предусматривающий привлечение частного капитала в сферу ЖКХ на основе использования таких механизмов, как концессия или передача в управление бизнесу на продолжительный срок коммунальной инфраструктуры. Представляется, что уже на стадии первичного обсуждения любых законопроектов, связанных с реформированием ЖКХ, необходимо тщательное их рассмотрение в обеих палатах парламента и доработка с учетом мнения региональных и местных органов власти, многие из которых уже имеют конкретный опыт взаимодействия с бизнесом при осуществлении проектов в коммунальной сфере. Необходимо также содействие со стороны государства распространению позитивного опыта работы частного бизнеса, в том числе малого и среднего, в конкретных регионах и муниципальных округах.

Необходимо признать, что на сегодняшнем этапе жилищно-коммунальная отрасль не в состоянии обойтись без государственных целевых программ модернизации ЖКХ. Напротив, эта функция государственной политики в данной сфере должна быть усилена на весь период реформирования. Государство, во-первых, выступает в роли посредника между инвесторами и производителями, например, в ходе инвестиционных конкурсов при продаже пакетов акций приватизированных предприятий, во-вторых, устанавливает правила игры путем законодательной регламентации, в частности определения налогового режима, в-третьих, вкладывает капитал в социально ориентированные, удовлетворяющие общественные нужды проекты.

Инвестиционные программы, связанные с разгосударствлением собственности, не слишком привлекательны для вкладчиков ввиду незащищенности вложений. Инвестор не может контролировать использование привлеченных средств, которые чаще всего идут на поддержание традиционного, экономически неэффективного производства. Отсутствие расчетов окупаемости вложений не позволяет ему судить о возможной прибыли и риске. Кроме того, объем запрашиваемых инвестиций чаще всего в несколько раз превышает уставный капитал предприятия.

Тем не менее, акции с успехом распродаются на инвестиционных конкурсах. Очевидно, инвесторы руководствуются иными резонами, например желанием присовокупить приобретенные на аукционе акции к купленным на других условиях и сформировать контрольный пакет.

Идея передачи объектов ЖКХ в управление частным предпринимательским структурам уже реализована во многих странах. В нашей стране крупнейший российский проект по привлечению частного бизнеса в ЖКХ – ОАО «Российские коммунальные системы» (РКС). Суть проекта состоит в том, что РКС учредит в регионах дочерние структуры, которые в той или иной форме получат в управление снабжающие ресурсы предприятия ЖКХ. Перейти к заключению соглашений на условиях концессии РКС обещает после разработки и принятия соответствующего законодательного акта.

Таким образом, становится очевидным, что успех процесса реформирования ЖКХ целиком зависит от серьезного изменения нормативно-законодательной базы, регламентирующей его работу.

Рассмотрим основные направления, по которым необходимо проводить изменения нормативно-законодательного обеспечения реформы ЖКХ с целью ее реального продвижения за счет обеспечения рыночных условий хозяйствования, привлечения в сферу ЖКХ предпринимательских структур при условии соблюдения социальных интересов¹. Итак, необходимо предпринять следующие действия.

1. Повысить степень участия государства в проведении реформы.

Внести в Жилищный кодекс норму «универсальная жилищно-коммунальная услуга» по обязательному предоставлению минимального набора жилищно-коммунальных услуг в населенных пунктах Российской Федерации, гарантирующую стандартный уровень жизнеобеспечения граждан.

2. Изменить налогообложение и тарифное регулирование в ЖКХ. Создать благоприятный инвестиционный климат в сфере ЖКХ.

2.1. Предусмотреть в налоговом законодательстве, затрагивающем деятельность в сфере ЖКХ, нормы, снижающие налоговую нагрузку для предприятий всех форм собственности, осуществляющих крупные капитальные проекты в жилищно-коммунальной сфере (льготы по налогу на имущество организаций для фондов ЖКХ, льготы по налогу на прибыль, освобождающие инвестиции от НДС при условии использования современных технологий и оборудования при проведении реконструкции инфраструктуры ЖКХ).

2.2. Принять закон «О тарифном регулировании организаций коммунального комплекса». Цели закона, определенные в качестве базовых, следующие:

- формализация ответственности органов местного самоуправления за развитие инженерных инфраструктур;
- обеспечение устойчивого развития инженерных инфраструктур городских поселений, обеспечивающих потребности, в том числе, и жилищного строительства;
- создание условий для привлечения частного менеджмента и частных инвестиций в коммунальный сектор на основе концессионных механизмов (при сохранении основных фондов инженерной инфраструктуры в публичной собственности), минимизация инвестиционных рисков.

3. Упорядочить правовое регулирование отношений собственности в жилищно-коммунальном хозяйстве на уровне муниципалитета, инвестора и населения. Стимулировать создание объединений собственников жилья.

3.1. В целях совершенствования механизмов создания объединений собственников жилья (в том числе товариществ) и управления жилищным фондом целесообразно внести изменения в законодательство, касающиеся решения вопросов содержания общей собственности объединения собственников жилья, перевода ее в долевую собственность членов объединения.

3.2. Разработать и законодательно оформить механизмы стимулирования создания объединений собственников жилья (а также ассоциаций объединений собственников), а именно:

- механизм передачи нежилых помещений из муниципальной собственности в собственность объединения (по объектам муниципального жилищного фонда, переданного в ТСЖ);

- проведение властями капитального (выборочного капитального) ремонта жилых помещений при передаче их из муниципальной собственности в собственность объединений;
- субсидирование объединений жильцов (создание второго уровня адресных субсидий);
- определение тарифов поставщиками централизованных услуг только после консультаций с ассоциациями объединений жильцов;
- механизмы кредитования собственников помещений многоквартирных домов для оплаты капитального ремонта имущества, находящегося в долевой собственности (сегодня управляющие компании готовы предоставлять собственникам рассрочку на оплату капитального ремонта, но их возможности ограничены, а гарантий возврата инвестиций нет);
- оказание властями финансовой помощи жилищно-коммунальным предприятиям (в случае ее необходимости) лишь после консультаций с ассоциациями жильцов.

3.3. Внести в Жилищный кодекс перечень организационно-правовых форм объединений собственников жилья.

3.4. Принять закон «О сервейинговых (управляющих) компаниях в жилищной сфере». Государство, вставая на сторону потребителя услуг ЖКК, совершенно не защищает интересы бизнеса, а именно частных управляющих компаний, для которых:

- отсутствует защита инвестиций в случае, если собственники решили переизбрать управляющую организацию в период, когда вложенные инвестиции не возвращены инвестору;
- нет гарантий возврата задолженности собственников, если услуги подрядчиков были оплачены управляющей компанией, а собственникам была предоставлена рассрочка в случае переизбрания собственниками данной организации;
- законодательно не предусмотрена ответственность собственников за техническое состояние дома в случаях, если собственники отказались принять предложение управляющей компании о сборе средств на проведение капитального ремонта, либо отказались вносить деньги на иные необходимые для полноценного содержания объекта работы (например, за содержание дополнительных квадратных метров земли, закрепленного за собственниками и т. д.). В настоящее время существует практика, когда Жилищная инспекция пытается возложить ответственность за это на частные управляющие компании;
- не существует четко урегулированного порядка и сроков передачи жилых объектов от одной управляющей организации другой, не установлена ответственность за нарушение сроков, в результате жилые дома могут передаваться несколько месяцев;
- не прописаны права и обязанности управляющих компаний, надзорные органы считают, что управляющая компания отвечает за все, не принимая во внимание экономические ограничения;
- не предусмотрены случаи и условия для расторжения или изменения договоров с собственниками.

4. Принять закон «Об обязательном страховании жилья».

5. Внести изменения в Жилищный кодекс, предусматривающие ответственность собственников за непринятие решений и неоплату необходимых работ в доме.

6. Разработать меры по законодательному регулированию и контролю деятельности локального естественно-монопольного сектора ЖКХ.

Анализ этих предложений показывает, что они охватывают проблемы различных предпринимательских структур – от государственных до частных и государственно-частного партнерства, а также проблемы некоммерческих организаций, занимающихся предпринимательской деятельностью (товариществ собственников жилья, жилищно-строительных кооперативов и др.). Изложенные выше предложения в случае их реализации способны решить эти проблемы на законодательном уровне и тем самым ускорить реформу ЖКХ.

При этом жилищно-коммунальная сфера из «тормоза экономики», коим она является в настоящее время, постепенно превратится в сферу динамичного развития, социальной стабильности и технического прогресса.

¹ Экономические проблемы реализации реформы жилищно-коммунального хозяйства регионов : Аналитический доклад / Под ред. С. М. Миронова. – М., 2004. – 49 с.; Пялавский, В. П. Изменение нормативно-законодательной базы жилищно-коммунального хозяйства – основа успешного реформирования отрасли // Современное экономическое и социальное развитие: проблемы и перспективы : В 2 т. Т. 1. Ученые и специалисты Санкт-Петербурга и Ленинградской области – Петербургскому экономическому форуму 2006 года. – СПб., 2006. – 210 с.

УДК 340.0(8)
ББК 67.3(2)

О. Г. Бодунова

ИДЕЙНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В РОССИИ

В современном мире терроризм является одной из сложных, острых и актуальных проблем. В статье анализируются архивные материалы Российской империи, объясняющие причины становления той или иной организации на путь террора.

Феномен терроризма известен человечеству с той поры, когда власть над другими людьми стала приносить определенные материальные выгоды и превратилась в этой связи в предмет вожеланий индивидов, стремившихся войти во властные структуры любыми путями. При этом их не останавливали моральные барьеры, традиции, интересы других людей. Цель оправдывала средства, и поэтому лица, жаждущие власти, не останавливались перед применением самых жестких и крайних мер, включая утрашение, открытое насилие, убийства, терроризм.

Терроризм, в течение веков использовавшийся в качестве незаконного, но радикального и эффективного оружия в политической борьбе, превратился в XX столетии в серьезную проблему для всего мирового сообщества. Он пересек границы отдельных государств, его масштабы достигли огромных размеров, а конкретные проявления, опирающиеся на современные достижения науки и техники, приобрели такие общественно опасные формы, что терроризм иногда называют чумой XX века, – так велика исходящая от него угроза и разрушительные для человечества последствия. Никто сегодня не застрахован от всепроникающей опасности терроризма – ни простые граждане, ни самые защищенные из политических и государственных деятелей¹.

Проблема борьбы с терроризмом в России в настоящее время стала одним из важнейших направлений обеспечения государственной безопасности. В современной науке существует множество противоречивых подходов и оценок причин совершения террористических актов, а также попыток дать универсальное определение понятию «терроризм» и выявить место мер борьбы с ним.

Сегодня в России понятия «террор», «терроризм» до сих пор используются для дефиниции явлений разного характера, в которых, однако, имеется объединяющий их мотив, а именно – насилие. При этом неважно, к какого рода террору историки относят те либо иные события: к революционному концу XIX – начала XX вв., к белому или красному времен гражданской войны, политическому террору эпохи Сталина, или к уголовному и религиозному терроризму. Факты террора столь многочисленны и впечатляющи, что можно говорить даже о его роковой роли как в истории России, так и других стран.

При ясном понимании на уровне обыденного и правового сознания возрастающей опасности терроризма единство в вопросе его научного определения отсутствует. Последнее приводит к тому, что в некоторых источниках господствует не правовое, а обыденное понимание этого явления². Дефиниция данного феномена осложняется и полиаспектностью его проблематики: правовой, политической, социальной, психологической, философской, исторической, религиозной, технологической и др.³

Следует отметить, что еще в дореволюционной России понятие «террор» использовалось для дефиниции оппозиционного насилия, т. е. насилия, исходящего от оппозиции правительству. «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона содержит статью о якобинском терроре эпохи Великой французской революции и «белом терроре» роялистов в 1815–1816 гг. Слово «террор» в этом издании производилось от французского *la terreur*. Во втором, дополнительном, томе этого же словаря, изданном в 1907 г., появилась статья «Террор в России», в которой последний обозначен как «система борьбы против правительства, состоявшей в организации убийства отдельных высокопоставленных лиц, а также шпионов, в вооруженной защите против обысков и арестов»⁴. Авторы этой статьи явно имели в виду борьбу Департамента полиции с революционерами, а также гибель полицейских от рук последних.

В словаре В. И. Даля «терроризм» определяется как «устрашивание, устрашение смертными казнями, убийства и всеми ужасами неистовства»⁵.

В «Кратком политическом словаре», изданном в 1971 г., террор трактуется как политика устрашения, насилия и расправы с политическим противником вплоть до физического уничтожения⁶.

«Словарь иностранных слов», изданный в 1983 г., «террор» понимает несколько иначе: как политику устрашения, подавления политических противников насильственными мерами⁷. Вышедший на 10 лет позже «Словарь иностранных слов» (под ред. И. В. Лехина и др.) определяет «террор» как «применение насилия вплоть до физического уничтожения противника». Слово «терроризировать» трактуется как «преследовать», «устрашать насилием и репрессиями». Здесь же: «террорист – участник террористических актов», «террористический – свойственный террору, внушающий ужас, страх»⁸.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова «терроризм – это физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, по отношению к политическим противникам»⁹.

Категория «устрашение насилием» в этих формулировках является основной, кроме того, многие исследователи отмечают ее как обязательный признак терроризма. По мнению Г. М. Миньковского и В. П. Ревин-

на, такой подход к проблеме не позволяет адекватно оценить истинные масштабы явления, программировать и организовывать борьбу с ним, так как понятие «терроризм» охватывает и действия с такой мотивацией, как корысть, месть, экономическая конкуренция, иррациональная мотивация психических больных и прочие¹⁰.

Хотелось бы отметить, что угроза безопасности обществу истекает не только из фактов коррупции, торговли наркотиками, распространения ядерного, химического и биологического оружия, проблемы перенаселения планеты, информационной войны, террористических, экологических, экономических и политических проблем, но также из нестабильного психологического состояния населения, его нравственной деградации.

К сожалению, состояние российского общества в этой связи оставляет желать лучшего. Граждане, зажатые в тиски негативных процессов, по-разному воспринимают реалии жизни, и каждый из них стремится преодолеть трудности самостоятельно или с помощью других. Хорошо, когда это заканчивается положительно, без каких-либо существенных последствий. Однако может возникнуть и ситуация, когда человека просто используют в чьих-либо корыстных целях, итогом чего становятся двойные стандарты в мышлении и поведении людей, ложь, апатия, цинизм и, конечно, терроризм. В последнее время было опубликовано большое количество хранившихся в архивах Российской империи программных документов террористических организаций, выступлений осужденных на судебных процессах. В этих документах, как правило, имеются факты, объясняющие причины перехода той или иной группы к методам террора, что создает возможность изучения мотивации терроризма в политических организациях прошлого.

Человек сложен и в массе своей отнюдь не однозначно добр, как утверждали просветители XVIII в. Разные люди являют различные пропорции добра и зла, ума и чувства, общительности и автономности, самоуверенности и робости. При этом несомненно доминирование определенных свойств личности. Причины, создающие бунтарские характеры, пишет Ф. М. Лурье, могут быть очень разные: зависть ко всему и вся, комплекс неполноценности, авантюризм, желание любым способом обогатиться или как-нибудь выделиться из общей массы, жажда власти и т. д. Данный перечень можно значительно увеличить, но главное состоит в том, что такие характеры весьма жалки в нравственном смысле: чем больше в человеке страсти и фанатизма, тем легче он может преступить через моральные запреты¹¹.

«Вначале было слово». Слово, а точнее несколько фраз, были написаны весной 1862 г. в камере тверской полицейской части студентом Московского университета Петром Зайчневским – так начинается большинство исторических исследований, посвященных революционно-террористическому движению в России. Особый интерес для исследователей личность Зайчневского представляет по причине написания им прокламации «Молодая Россия», где впервые в России убийство открыто признавалось нормальным средством достижения социальных и политических изменений. Мы начнем свое исследование с мотивации террористических идей этого человека на основании имеющихся в нашем распоряжении документов.

П. Г. Зайчневского как одного из идеологов терроризма можно отнести к первой категории в классификации мотивов о необходимости совершения актов терроризма – *во имя Родины и народа*. В этой связи он писал, что террористы должны действовать «...с полной верой в себя, в свои силы, в сочувствие к ним народа, в славное будущее России, которой вышло на долю первой осуществить великое дело социализма...»¹². Идеологи терроризма, по нашему мнению, были уверены в том, что посредством убийства самодержца и его «приспешников» они могут изменить политическую ситуацию в империи, не понимая, что на место убитого императора и других высокопоставленных лиц придут новые продолжатели прежней политики. А. И. Герцен по этому поводу писал, что «все это страшное дело, поставившее Российскую империю... на край социального катаклизма, ...сводится на юношеский порыв, неосторожный, несдержанный, но который не сделал никакого вреда и не мог сделать. ...Крови от них не пролилось, а если и прольется, то это будет их кровь – юношей-фанатиков»¹³. По воспоминаниям Н. П. Голубевой известно, что П. Г. Зайчневский даже в бреду на смертном одре кому-то все доказывал, что недалеко то время, когда человечество одной ногой шагнет в светлое царство социализма¹⁴.

К категории мотивации терроризма во имя Родины и народа можно отнести также мотивы деятельности Дмитрия Каракозова. 4 апреля 1866 г., наслушавшись радикальных суждений в кружке своего двоюродного брата Н. И. Ишутина, Д. В. Каракозов стрелял в Александра II, открыв тем самым эпоху терроризма в России. Обстоятельства покушения хорошо известны историкам. Нас интересует в данном случае влияние, которое это неудачное во всех отношениях покушение оказало на русскую революционную мысль и, в частности, на развитие террористической идеи.

В прокламации «Друзьям-рабочим!», которую Каракозов распространил накануне покушения (один ее экземпляр обнаружили в кармане террориста при аресте), революционер объяснял мотивы своего поступка: «Грустно, тяжело мне стало, что... погибает мой любимый народ, и вот я решил уничтожить царя-злодея и самому умереть за свой любезный народ. Удастся мне мой замысел – я умру с мыслью, что смертью своею принес пользу дорогому моему другу – русскому мужику. А не удастся, так все же я верую, что найдутся люди, которые пойдут по моему пути. Мне не удалось – им удастся. Для них смерть моя будет примером и вдохновит их...»¹⁵ Таким образом, в мотивации своего поступка, Каракозов не только проникся идеями о совершении преступления – убийства царя – во благо Родины (крестьянства), но и готов был сам умереть «за свой любезный народ».

Некоторые исследователи-психоаналитики в качестве мотива террористической деятельности выделяют *влечение отдельных людей к смерти* (некрофилия). В частности, Ю. М. Антонян отмечает: «Я полагаю, что одним из таких мотивов, если иметь в виду терроризм, влекущий человеческие жертвы, выступает влечение отдельных людей к смерти, к самоуничтожению, столь же сильное, как и влечение к жизни. Иного и не может быть, поскольку влечение к смерти в известном смысле адекватно влечению к жизни, а у конкретного человека могут наличествовать обе

амбивалентные тенденции». Влечение к смерти (некрофилия) объединяет значительную группу людей, «которые решают свои главные проблемы, сея смерть, прибегая к ней или максимально приближаясь»¹⁶.

Здесь выделяется и такой мотив террористической деятельности, как *самопожертвование*. Он реализуется в следующих вариантах:

а) субъект стремится к гибели при совершении преступления и все делает для этого; причем он может хотеть такой «славной» смерти, чтобы напоследок привлечь к себе внимание, которого он до того был лишен;

б) человек вполне понимает, что обязательно погибнет, но сознательно жертвует собой ради «высокой» идеи. Индивид идет на весьма рискованное для него террористическое преступление, но при этом его сознание не охватывает реально существующий мотив самоубийства¹⁷.

Такие, по нашему мнению, верные характеристики позволяют считать личность Д. В. Каракозова психически ненормальной. Явных доказательств психической болезни террориста не существует, однако есть свидетельства его современников об употреблении Каракозовым наркотиков в предшествующий покушению период¹⁸. Это не удивительно, потому что во второй половине XIX в. в России распространилась наркомания в виде морфинизма¹⁹. Наркоманию Каракозова подтверждает выписка из обвинительного акта по делу террориста: «При задержании выстрелившего, ...сверх пистолета, отобраны:

1) фунт пороха и 5 пуль;

2) стеклянный пузырек синильной кислоты, порошок в 2 грана стрихнина и 8 порошков морфия»²⁰.

Таким образом, в террористическом движении, по всей вероятности, бывали случаи участия наркоманов.

Представляется интересным мотив, высказанный народовольцем Андреем Желябовым: «...служил я делу освобождения народа. Это мое единственное занятие, которому я много лет служу всем своим существом», – заявил он при допросе в суде²¹.

Однако А. Желябов не исключал и мирных средств достижения своей цели. На процессе по делу об убийстве императора Александра II, совершенном 1 марта 1881 г., он говорил: «...я буду резюмировать сказанное. Моя личная задача, цель моей жизни – было служить общему благу. Долгое время я работал для этой цели путем мирным и только затем был вынужден перейти к насилию. По своим убеждениям я оставил бы эту форму борьбы насильственной, если бы только явилась возможность борьбы мирной, т. е. мирной пропаганды своих идей, мирной организации своих сторонников. В своем последнем слове, во избежание всяких недоразумений, я сказал бы еще следующее: мирный путь возможен; от террористической деятельности я, например, отказался бы, если бы изменились внешние условия»²².

На политических процессах второй половины XIX в. в качестве «оправдания своих поступков революционеры пытались обелить себя с помощью понятия «мечь». Как правило, мотив *мести* выражался по отношению к политическим, государственным или религиозным фигурам в связи с их деятельностью, однако бывали и случаи мести простым людям, представлявшим нацию, которой принадлежала государственная власть, или нацию, с которой ведется борьба, например, за спорную тер-

риторию. Объектами такой мести могли выступать верующие, принадлежавшие к враждебной конфессии, ее церкви, священные символы и т. д. В первую очередь это относилось к «южным» территориям Российской империи. «Отказ от мести в этих регионах, – пишет В. В. Цмай, – являлся позором. Обязанность по исполнению кровной мести возлагалась на старшего мужчину в роду. Время исполнения кровной мести значения не имело»²³. Для таких личностей гибель родных от рук властей расценивалась как оскорбление рода, которое являлось достаточным основанием для кровной мести.

Достаточно широкий спектр причин приводил молодых людей к терроризму. Многие из мотивов мести были чисто личного характера и возникали из-за психических проблем и конфликтов, а не от приверженности революционной идеологии. «Создается впечатление, – пишет А. Гейфман, – что одной из наиболее распространенных причин участия в насилии с политической окраской была *неспособность признать собственные неудачи или контролировать свой гнев*»²⁴.

Следует отметить, что использовать мотив мести террористы стали после процесса над Верой Засулич. К концу XIX в. некоторые из них прибегали к беспорядочному насилию по сугубо личным мотивам. В одном случае некий рабочий Андреев, уволенный с предприятия, выразил свое недовольство социально-политическими порядками нападением на представителя правящего режима – армейского генерала, приехавшего на концерт в Павловск²⁵.

Верность изложенным выше принципам продемонстрировал С. Г. Нечаев в своем «теоретическом убийстве». Убийство нечаевцами И. Иванова по причинам разногласий в подпольной организации вполне можно квалифицировать как месть человеку, посягнувшему на авторитет решений Нечаева. По мнению О. В. Будницкого, так в России был совершен первый «успешный террористический акт»²⁶.

Немаловажным мотивом терроризма второй половины XIX в. являлась *самозащита*. Ее приверженцем был крупнейший идеолог народничества П. Н. Ткачев. К концу 1860-х гг. его взгляды сложились в концепцию политико-социальной революции в России²⁷. До конца 1870-х гг. Ткачев признавал террор лишь в отношении шпионов. Начавшуюся в России террористическую борьбу он рассматривал как симптом осознания революционерами «необходимости непосредственно революционной деятельности». По справедливому замечанию Е. Л. Рудницкой, «Для Ткачева террор – лишь частичное средство, ...лишь одно из средств, а совсем не... цель и главная задача революционной деятельности...» Подлинной же целью является захват власти организацией революционеров, а террор ценен постольку, поскольку он помогает решению этой главной задачи²⁸.

После царевубийства тон в статьях Ткачева, опубликованных в эмигрантском революционном издании «Набат» и почти целиком посвященных терроризму, заметно меняется. В публикации «Казнь тирана и ее последствия» он писал: «Казнь палача, революционный терроризм в самое короткое время сделали то, чего при других способах и приемах революционной борьбы мы не могли бы добиться в течение десятков, сотен лет. Этот путь и только этот путь не замедлит привести нас к желаемой цели – к освобождению народа и к отмщению за святую кровь замучен-

ных палачами наших сестер и братьев. Поэтому теперь, более чем когда-нибудь, необходимо, чтобы все честные люди... организовались и тесно сплотились под кровавыми знаменами революционного терроризма...»²⁹

Кроме того, П. Н. Ткачев в статье «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России» утверждал: «...самодержавие довело нас до такого положения, которое по сознанию верноподданнейших из верноподданных продолжаться долее не может, ...если оно потрясло наше экономическое состояние, расстроило наши финансы, ввергло большинство населения в бедность и нищету, ...водворило во всех отраслях общественного управления систему хищничества и грабежа и т. п. – то такие же чувства должно оно возбуждать к себе во всяком человеке, ...чувства негодования, озлобления, презрения, ненависти и мщения»³⁰.

Явным сторонником самопожертвования для других и самозащиты для себя являлся организатор террористических актов и создатель «боевой организации» партии эсеров Б. С. Гершуни. На начальном этапе создания специализированной террористической группы он уделял значительное внимание подбору кадров террористов. «Не принимая личного участия в террористических актах, он разъезжал по России и за границей... и искал людей, готовых жертвовать собой. С редким умением и ловкостью подчиняя своей воле намеченных им исполнителей его планов, он в то же время неотступно следил за поддержанием в таких лицах возбужденной экзальтации...»³¹

По воспоминаниям Б. Савинкова, Б. С. Гершуни, составляя проект «боевой организации», не исключал возможности называть акты терроризма актами самозащиты. Вот цитата из проекта Устава его организации: «Цель боевой организации заключается в борьбе с существующим строем посредством устранения тех представителей его, которые будут признаны наиболее преступными и опасными врагами свободы. Устраняя их, боевая организация совершает не только акт самозащиты, но и действует наступательно, внося страх и дезорганизацию в правящие сферы, стремится довести правительство до сознания невозможности сохранить далее самодержавный строй»³².

Самозащиту в качестве мотивации своих поступков выбрал для себя известный террорист, член «Земли и воли», С. Кравчинский (С. Степняк). 4 августа 1878 г. на Михайловской площади в Петербурге Кравчинский заколол кинжалом шефа жандармов Н. В. Мезенцова. Сподвижник Кравчинского, А. Баранников, выстрелом из револьвера ранил сопровождающего Мезенцова подполковника Макарова. Затем террористы скрылись в экипаже, кучером которого был третий участник теракта А. Михайлов. С. Кравчинский показал мотивы убийства в своей брошюре «Смерть за смерть»³³: «...убийство – вещь ужасная. Только в минуту сильнейшего аффекта, доходящего до потери самосознания, человек, не будучи извергом и „выродком“ человечества, может лишиться жизни себе подобного. Русское же правительство нас, социалистов, нас, посвятивших себя делу освобождения страждущих, нас, обрекших себя на всякие страдания, чтобы избавить от них других, русское правительство довело до того, что мы решаемся на целый ряд убийств, возводим их в систему. Оно довело нас до этого своей цинич-

ной игрой десятками и сотнями человеческих жизней и тем наглым презрением к какому бы то ни было праву, которое оно обнаруживало в отношении к нам»³⁴.

Этот пример свидетельствует о том, что многие террористы считали террор защитой от существующего строя и искали в нем спасение.

Достаточно часто самопожертвование как мотив встречался у так называемых неудачников. Это связано в первую очередь с тем, что организационно-террористическая деятельность требовала от революционеров существенного изменения их образа жизни. Поэтому революционные лидеры делали ставку на людей не устроенных в жизни, т. е. на тех, у кого она не сложилась. Таким неудачникам, собственно, уже нечего было терять, их ничего в жизни не держало. Организаторы террористических групп давали этим людям возможность умереть, «став героями» (например, такие изгои составляли основу организации С. Г. Нечаева «Ад»).

Подобный факт приводит Н. Д. Литвинов. Некто А. К. Соловьев, сын «коллежского регистратора лекарского помощника придворного ведомства», получил за счет Ораниенбаумского дворцового правления хорошее образование в петербургской гимназии, а затем окончил два курса юридического факультета Петербургского университета. Попытка начать самостоятельную работу преподавателя закончилась для него увольнением. Попав в поле зрения анархистов, А. К. Соловьев попытался «уйти в народ», но «оказался по своей физической неловкости совершенно неспособным к мастерству». Он попытался создать семью, но и здесь у него ничего не получилось. Во время пребывания в с. Воронино Соловьев женился на троюродной сестре революционера Ю. Н. Богдановича Е. Челищевой. Однако один из сподвижников по революционному движению, А. Михайлов, сообщил молодой жене какой-то «компромат» на мужа, после чего она уехала в Санкт-Петербург, а Соловьев «отправился в народ», не задерживаясь долго ни на одном месте. Наконец он прибыл в Петербург в надежде отыскать жену, где видимо попытался решить семейный вопрос, но здесь попал в руки террориста А. Д. Михайлова и был завербован для совершения террористического акта против Александра II³⁵.

Такое положение дел предполагало, что человек как личность со своими ценностями и мировоззрением стремится самоутвердиться в обществе, и каждый выбирает путь такой самореализации.

Во второй половине XIX в. в обществе шел быстрый процесс изменения семейных отношений. Стремящихся к самоутверждению девушек и женщин становилось все труднее удерживать дома. Доступ к высшему образованию для них был ограничен, места в официальной политической жизни не было, поэтому реализация интеллектуального потенциала для женщины не представлялась возможной. В противоположность официальной политике революционные воззвания пропагандировали принцип *равенства мужчин и женщин*, что в большей степени относилось к мотиву *самоутверждения*. Лидеры революционных организаций старались использовать принцип равенства, следуя ему неукоснительно: женщины участвовали в подготовке террористических актов наравне с мужчинами. Подтверждение этому удалось найти в процессе нечаевцев. Особенность процесса заключалась в том, что перед судом предстали во-

семь женщин³⁶. Присутствие женщин на политическом процессе в качестве обвиняемых впервые случилось не только в России, но и в Европе после Великой французской революции.

Кстати говоря, женщины в террористическом движении России выполняли разнообразные функции: вели агитационно-пропагандистскую работу, содержали конспиративные квартиры, принимали участие в разработке операций по проведению террористических актов³⁷.

В этой связи хорошо известна террористка Софья Перовская, которая непосредственно руководила подготовкой и осуществлением цареубийства 1 марта 1881 г.

Принимая активное участие в организации и подготовке террористических актов, женщины – участницы народовольческого движения 1870–1880-х гг. – сами все же не особенно часто были их непосредственными исполнителями. Кроме выстрела Засулич, можно, пожалуй, назвать покушения входивших в «Народную волю» М. Кутитонской – на забайкальского губернатора Л. И. Ильяхевича и М. Калюжной – на начальника Одесского жандармского управления, полковника А. М. Катанского³⁸.

Терроризм преследовал явления публичного характера. Создание культа «револьвера и динамита», идеализация террориста – «героя нашего времени» – привели к тому, что еще не сформировавшаяся личность принимала чужую систему ценностей. Массовая психология особенно сильно влияла на подростков, которые неоднократно были замечены в совершении терактов. Многие из них участвовали в насилии вследствие экономических тягот, нищеты. Соблазн быстрого получения денег способствовал участию подростков в вымогательствах, экспроприациях (иногда от безысходности). Мотивами здесь выступали *нажива и самоутверждение*.

Молодые люди мстили всем, кого они подозревали в несправедливом отношении к себе. Чаще всего это были учителя и директора учебных заведений. Плохие оценки, отчисление приводили к тому, что несовершеннолетние ученики с особой жестокостью мстили своим «врагам». При этом в ход шли самодельные бомбы, серная кислота, револьверы.

Для других подростков «новая жизнь» была увлекательной игрой, полной тайн и секретов, опасности и приключений. Так, например, 8 марта 1898 г. несовершеннолетний экстремист А. Уфимцев, начитавшись в нелегальных брошюрах идеализированных описаний действий террористов 1880-х гг., подговорил своих друзей взорвать бомбу в Знаменском монастыре г. Курска, «надеясь совершить нечто замечательное, связанное с опасностью, ...что может привлечь общее внимание», т. е. уничтожить икону Богоматери и таким образом «поколебать веру в эту чтимую святыню»³⁹.

В большей своей массе *мотивы самоутверждения* и желание *наживы* совмещало студенчество. В конце XIX – начале XX вв. в России получило широкое распространение высшее образование, что привело к увеличению в крупных городах студенческой молодежи. Именно она приняла активное участие в революционно-террористическом движении⁴⁰.

Российское студенчество, писал Н. Д. Литвинов, в силу своего социального положения, восприимчивости к новым идеям, условий жизни чаще всего являлось объектом экстремистского «инъектирования» антигосударственными идеями, что превращало его затем в субъект антиго-

сударственной деятельности. Низкий уровень экономического благосостояния значительной массы студентов – их называли «недостаточными студентами» – объективно способствовал формированию различного рода организационно-вспомогательных объединений: студенческих столовых, библиотек, различного рода касс и обществ взаимопомощи. Именно эта тяга к объединению была использована в революционно-террористической деятельности путем переориентации сложившихся организационных форм⁴¹.

Следует заметить, что студенчество в Российской империи испытывало большие материальные затруднения. Вузам приходилось материально поддерживать учащихся, выделяя значительные суммы на выплаты стипендий. Студент, замеченный в революционной деятельности, мог лишиться такой финансовой поддержки. Желание студентов быть финансово независимыми толкало их на совершение разного рода преступлений, в том числе и антигосударственных.

Таким образом, психология террористической деятельности имеет свою специфику, иногда малопонятную. Эффективность борьбы общества с терроризмом зависит от понимания того, что думают террористы и почему они так поступают. Можно сказать, что в основе терроризма как социального феномена лежит противоречие, например, противопоставление собственного «Я» всему сообществу или противоборство с целой государственной системой.

¹ Петрищев, В. Е. Заметки о терроризме. – М., 2001. – С. 5.

² Емельянов, В. П. Терроризм и преступления террористической направленности. – Харьков, 1997. – С. 5.

³ Змеевский, А. В. Терроризм. Научные скоординированные усилия мирового сообщества / А. В. Змеевский, В. Е. Тарабрин // Международная жизнь. – 1996. – № 4. – С. 14.

⁴ См.: Энциклопедический словарь. – СПб., 1907. – С. 753.

⁵ См.: Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. – М., 1955. – С. 401.

⁶ Терроризм и контртерроризм в современном мире: аналитические материалы, документы, глоссарий / Под ред. акад. О. А. Колобова. – М., 2003. – С. 5.

⁷ См.: Словарь иностранных слов. – М., 1983. – С. 494.

⁸ Словарь иностранных слов / Под ред. И. В. Лехина, С. М. Локшиной, Ф. Н. Петрова. – М., 1993. – С. 640–641.

⁹ См.: Словарь русского языка / Под ред. С. И. Ожегова. – М., 1953. – С. 735–736.

¹⁰ Чухвичев, Д. В. Терроризм: история и современность // Труды Московской государственной академии. № 1. – М., 1997. – С. 114.

¹¹ См.: Лурье, Ф. М. Нечаев. Созидатель разрушения. – М., 2001. – С. 8.

¹² Утопический социализм в России / [Сост., авт. вступ. ст. биогр. справок и примеч. А. И. Володин, Б. М. Шахматов]. – М., 1985. – С. 331.

¹³ Герцен, А. И. Молодая и старая Россия // Герцен, А. И. Собрание сочинений : В 30 т. Т. XVI. – М., 1961. – С. 202.

¹⁴ Голубева, М. П. Воспоминания о П. Г. Зайчневском // Пролетарская революция. – 1923. – № 6–7. – С. 28.

¹⁵ Шилов, А. А. Из истории революционного движения 1860-х годов // Голос минувшего. – 1918. – № 10–12. – С. 161.

¹⁶ Антонян, Ю. М. Терроризм : Криминол. и уголов.-правовое исслед. – М., 1998. – С. 255.

- ¹⁷ Там же. – С. 257.
- ¹⁸ См.: Литвинов, Н. Д. Террористические организации: формирование и деятельность. – М., 1999. – С. 75.
- ¹⁹ Энциклопедический словарь. Т. XIX А. – СПб., 1896. – С. 916.
- ²⁰ См.: Покушение Каракозова : Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. Т. 1. – М., 1928. – С. 6–7.
- ²¹ Савинков, Б. Воспоминания террориста. – М., 1991. – С. 5.
- ²² К 25-летию. 1881–1906 гг. Дело 1-го марта 1881 г. Процесс Желябова, Перовской и др. : Правительственный отчет / Со статьей и примеч. Л. Дейча // Свободный труд. – СПб., 1906. – С. 332–343.
- ²³ Цмай, В. В. Некоторые аспекты концепции насилия в арабо-мусульманской культуре // Антропология насилия / Отв. ред. В. В. Бочаров и В. А. Тишков. – СПб., 2001. – С. 290.
- ²⁴ Гейфман, А. Революционный террор в России 1894–1917 гг. – М., 1997. – С. 217.
- ²⁵ Кропоткин, П. А. Русская революция и анархизм. – Лондон, 1907. – С. 51.
- ²⁶ Будницкий, О. В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. – Ростов н/Д., 1996. – С. 45.
- ²⁷ Утопический социализм в России / [Сост., авт. вступ. ст. биогр. справок и примеч. А. И. Володин, Б. М. Шахматов]. – М., 1985. – С. 367.
- ²⁸ См.: Рудницкая, Е. Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев. – М., 1992. – С. 139, 145.
- ²⁹ Набат. – Женева, 1881. – 20 июня. – С. 2.
- ³⁰ Набат. – Женева, 1881. – 1 сентября.
- ³¹ Литвинов, Н. Д. Террористические организации: формирование и деятельность. – М., 1999. – С. 72.
- ³² Савинков, Б. В. (В. Ропшин). Воспоминания террориста. Конь бледный. Конь вороной : Автобиограф. проза. – М., 2002. – С. 71.
- ³³ Ларин, А. М. Государственные преступления. Россия. XIX век. – Тула, 2000. – С. 370.
- ³⁴ См.: Степняк-Кравчинский, С. М. Смерть за смерть (Убийство Мезенцева) / С прил. стихотворения А. А. Ольхина «У гроба» и со вступ. ст. В. Петровского. – Пг., 1920. – С. 13–20.
- ³⁵ Литвинов, Н. Д. Террористические организации: формирование и деятельность. – М., 1999. – С. 78.
- ³⁶ См.: Нечаев и нечаевцы: Сборник материалов. – М.; Л., 1931. – С. 14.
- ³⁷ См.: Литвинов, Н. Д. Террористические организации: формирование и деятельность. – М., 1999. – С. 82–83.
- ³⁸ См.: Женщины-террористки в России. – Ростов н/Д., 1996. – С. 3–5.
- ³⁹ См.: Гейфман, А. Революционный террор в России 1894–1917 гг. – М., 1997. – С. 248.
- ⁴⁰ За сто лет (1800–1896) : Сборник по истории политических и общественных движений в России : В 2 ч. / Сост. В. А. Бурцев. – Лондон, 1897. – С. 144.
- ⁴¹ Литвинов, Н. Д. Криминологическая характеристика государства в структуре антигосударственного терроризма. – Воронеж, 2000. – С. 62.

УДК 78.03
ББК 85.13(0)

В. В. Трещев

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ПРОДУКЦИИ В МУЗЫКАЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ

Восприятие музыки в современную эпоху тесно связано с работой музыкальной индустрии. В статье осуществляется опыт систематизации основных форм продукции этой индустрии через категории «концерт», «сингл», «альбом». Выделяются уникальные черты каждой формы, обуславливающие определенную стратегию восприятия. Проводится компаративный анализ, рассматриваются вопросы взаимопроникновения форм друг в друга и конкуренции между формами в свете динамики материальных носителей записанной музыки.

Музыкальная индустрия, порожденная массовой культурой XX столетия, превратила музыку в неотъемлемую часть повседневной жизни людей. Редкий носитель современной культуры откажется от роли человека слушающего. Вездесущий слушатель поддерживает существование великого разнообразия музыкальных стилей и традиций: от «золотого фонда» симфонической классики до «молчащих» пьес Джона Кейджа, от привязчивого поп-шлягера до японского харш-нойза. Самые радикальные и экспериментальные направления способствуют суб- или контркультурной консолидации. Музыкальное искусство в таком проявлении уже нельзя назвать элитарным самовыражением одиночек – достаточно погрузиться в соответствующую среду слушателей, чтобы обнаружить, как велико число таких «одиночек» в мире. Иными словами, вся музыка давно стала массовой, в большей или меньшей степени. На смену оппозиции «массовое – элитарное» приходят новые категории.

Численный состав публики, представленность музыкальных произведений в средствах массовой информации позволяют выделить музыку широкой и узкой аудитории¹. Максимум внимания к широкоаудиторной музыке делает ее «универсальной в использовании», прослушивание и понимание узкоаудиторной музыки доступны «ограниченным кругам ценителей и „фанатов”». «Узко- и широкоаудиторная музыка историчес-

ки привязаны друг к другу, являясь друг для друга контекстами». Единство этих контекстов стало одним из принципов функционирования музыкального рынка.

Тема соотношения музыки и рынка начала привлекать внимание ученых уже в середине XX в., особую популярность она приобретает в немецкой музыкальной социологии 1950–1970-х гг. Например, Х. Кауфман заостряет внимание на прикладной сфере использования музыки. Ценность музыкального произведения определяется рынком, основанным на отношениях «композитор – заказчик». Так называемое автономное произведение пока не имеет потребительской стоимости и стремится стать самой стоимостью². Последователь Т. Адорно В. М. Штро переносит в музыкальную среду марксистские категории базиса, надстройки и производственных отношений. Согласно его позиции, музыка является товаром, фетишем в глобальном смысле, превышающим рамки собственно рынка пластинок³. В конце 1980-х гг. французский экономист Ж. Атали именуется XX столетие «эрой повторений», так как под влиянием массмедиа и звукозаписывающей индустрии происходит постоянное воспроизводство музыки; человек вынужден работать для покупки записей, времени на прослушивание которых ему не всегда хватает⁴.

Музыкальная индустрия стремится контролировать любое прослушивание музыки и делает это не только через рынок. Даже если слушатель избежал непосредственного акта потребления (например, не покупал музыкальный диск, а воспользовался фонотекой товарища для перезаписи), он попадает под действие определенных культурных штампов и стратегий поведения, определяемых музыкальной индустрией. Его восприятие музыки и в этом случае остается целенаправленным, в отличие от восприятия случайного характера, например, при фоновом режиме прослушивания радио. С точки зрения некоторых исследователей, домашняя перезапись вообще является свидетельством перехода на качественно новый уровень отношения с индустрией. «Переставая быть клиентом для производителей музыки, индивидуум не перестает быть потребителем музыкального продукта, напротив, от „пассивного потребления” переходит к „активному потреблению”»⁵. Именно такой целенаправленный слушатель будет интересовать нас в дальнейшем.

В социальной практике множество вариантов действий слушающего музыку, обусловленных его музыкальным вкусом, финансовым положением, возрастными и другими индивидуально-личностными особенностями, сводится к лимитированному ряду целей-ориентиров, выполняющих формообразующую функцию производственной деятельности музыкальной индустрии. Каждая форма оправдывает определенные ожидания слушателя и в свою очередь ожидает от последнего выполнения определенной последовательности действий⁶. На данном этапе в качестве основных форм продукции музыкальной индустрии в мировой практике выделяются *концерт*, *сингл* и *альбом*. Индустрия стремится к их комплексному функционированию, настаивает на взаимодополняющем характере их отношений друг с другом. Однако право выбора всегда остается за человеком – возможность использования всего комплекса не отменяет ориентации на что-то одно. Следовательно, в аналитических

целях каждая форма может быть рассмотрена в отдельности как стремящаяся к обособлению и доминированию над другими формами.

Из приведенного ряда несколько выпадает *концерт* в силу своей непринадлежности к результатам прогресса звукозаписи. Радикальные отличия между концертом, с одной стороны, и синглом и альбомом – с другой, вполне сводимы к оппозиции «живое исполнение – запись», получившей достаточное освещение в научной литературе. Так, А. Н. Сохор, разделяя слушателей на публику концертно-театрального события и публику аудиовизуального события, подчеркивает непосредственный характер музыкальной коммуникации (с исполнителем) на концерте⁷. В этом случае сингл и альбом выступают примерами опосредованной музыкальной коммуникации. К. Брее и Й. Бонтинк разграничивают концерт и запись как естественный и искусственный каналы (пути) музыкальной коммуникации. Ю. Капустин – как контактную и дистантную форму художественного общения⁸. Немецкий социолог К. Блаукопф также делает акцент на дистанционном факторе: живая музыка рождается близко от слушателя, но «является как бы издали», несет в себе «переживание трансцендентного». Записанная («техническая») музыка рождена вдали, вне слушателя, но становится для него «доверительно-близкой», «повседневным фоном»⁹. Согласно пространственно-временному критерию и критерию уникальности, концерт происходит *здесь и сейчас* (и больше никогда), он ограничен и пространством, и временем. Запись при наличии соответствующей аппаратуры готова к воспроизведению *всегда и везде* (и бесконечное количество раз), сохранив временную ограниченность, она обладает пространственной открытостью. Концерт обеспечивает возможность *соучастия*, отношения к музыке как к процессу, запись – как к вещи¹⁰. Подобный сущностный статус концерта определяет следующую стратегию: слушатель готов поехать на концерт в другой город, испытывать не всегда безопасное давление громкого звука на свой организм, старается не опоздать к началу, несмотря на поздний час, менее предрасположен к тому, чтобы покинуть концерт до его окончания (чем остановить на середине ту же запись). Иными словами, индивид сознательно ущемляет свою свободу действия и отдает себя в распоряжение афиши.

Сингл и *альбом* выступают крайними полюсами разнообразных форм тиражирования музыки записанной. Они предлагают слушателю вещно-временные варианты закреплённости музыки, обладающие формально схожими чертами (последовательный набор музыкальных номеров (треков) одного исполнителя, объединённых названием и обложкой). Но это только на первый поверхностный взгляд. Функциональные особенности выделенных структурных компонентов обеспечивают альбому и синглу статус самобытных форм. *Сингл*¹¹ состоит из одной-двух композиций, если это собственно сингл, и трех-четырех – если макси-сингл¹². Название и обложка в большинстве случаев носят номинальный характер: в двупесенных синглах название совпадает с трек-листом, отсутствует специальное оформление¹³. В трек-листе первая позиция отведена заглавному треку.

Альбом представляет собой полноценную программу¹⁴, созданную исполнителем в течение длительного временного отрезка (от нескольких месяцев до нескольких лет). Трек-лист не просто фиксирует заранее обус-

ловленный порядок песен, а стремится к созданию определенного настроения, регулирует смену эмоциональных состояний слушающего. И название, и оформление альбома специально продумываются. В основе бытования сингла лежит концепт песни как самостоятельно бытующего артефакта, максимально отчужденного от своего создателя, акцент делается на единичный результат творчества (группа, написавшая *песню*). Альбом тяготеет к концепту комплексного произведения искусства, которое нельзя воспринимать без отсылки к субъекту творческой деятельности (группа, создавшая *альбом*).

В мировой практике отбора музыкального материала для тиражирования сингл выступает критерием-ориентиром. Традиционным требованием звукозаписывающих компаний для знакомства с новым исполнителем является демонстрационная запись, содержащая три его самых удачных произведения. Сам исполнитель пока никого не интересует, идет оценка синглового потенциала созданных им композиций – написал ли он песню, которую будут покупать. По итогам демоверсии выпускается сингл, а после нескольких успешных синглов компания предлагает исполнителю контракт на выпуск альбома. По результатам продаж альбома может быть выпущено еще несколько синглов. Для исполнителя сингл является первой, а иногда и единственной формой тиражирования: группы-однопесенники разваливаются после периода чрезмерной популярности первого сингла (они просто не успевают сочинить новые композиции)¹⁵, группы-безальбомники прекращают свое существование по причине низкой продаваемости их синглов. Сингл предполагает следующую стратегию – многократное прослушивание одной вещи, поэтому классический сингл содержит в качестве дополнения к песне-хиту (*a-side*), ее инструментальную, укороченную (например, *radio-edit* – версию для радио, которая не должна превышать трех с половиной минут) или ремикшированную версию (*b-side*)¹⁶.

Альбом составляется с учетом материала, уже выпущенного на синглах. Сюда включаются все заглавные композиции синглов (*a-sides*), некоторые номера из «нехитовых» *b-sides* и нереализованный на синглах материал. Большая часть *b-sides* выпадает из содержания целостных произведений исполнителя. Любители синглов могут быть ориентированы либо только на отдельные композиции (в этом случае синглы приобретаются из-за *a-sides*, альбом могут не покупать вовсе), либо на все творчество исполнителя вне зависимости от «хитовости песни» (в этом случае приобретаются все синглы и собственно альбом). Люди, предпочитающие альбомы, чаще всего не приобретают синглы, а ждут переиздания *b-sides* в виде отдельного сборника (такие переиздания осуществляются крайне редко: раз или два при жизни группы, а зачастую уже после ее распада). Некоторые приверженцы альбомов принципиально не слушают *b-sides*, считая составляющий их материал «второсортным», по определению хуже альбомных треков.

Возможность восприятия музыки через концерт, сингл и альбом способствует взаимовлиянию этих основных форм, что отражается как на поведении слушателя, так и на действиях исполнителя. *Сингловое начало* в альбоме часто проявляется при выборе названия – по собственному желанию или по рекомендации звукозаписывающей компании группа

называет альбом по одной из песен (чаще по самому популярному синглу). Однако некоторые исполнители, создавшие востребованные аудиторией синглы, не способны записать целостный альбом, и на поверку он оказывается «сборником хитов», где каждый номер хорош в отдельности, но никак не укладывается в совокупность, постоянно выбиваясь из нее. С точки зрения семиотики, полноценный альбом – это текст, обладающий семантическим единством, связь между значащими элементами текста (треки в трек-листе) легко воссоздается слушателем. При чрезмерном преобладании синглового начала альбом распадается на отдельные составные части, слушатель испытывает значительные затруднения при построении обусловленных трек-листом связей между такими частями, семантическое единство текста разрушается. Такая форма восприятия музыки, как *прослушивание альбома*, влияет на действия некоторых посетителей рок-концертов, которые вместо бурной эмоционально-двигательной реакции на происходящее занимают сидячие места и спокойно слушают звучащую со сцены музыку, порой даже с закрытыми глазами. Сюда же можно отнести популярный в 1970-е так называемый «театр грампластинок» – публичное воспроизведение различных альбомов.

Концертное начало характерно для процесса записи малобюджетного альбома. Ради экономии студийного времени группа дает «концерт без зрителей» – все музыканты играют одновременно без использования (или при минимальном использовании) возможностей студийной записи (наложения эффектов, инструментальных тем, обработки сигналов). Целью является просто качественная фиксация материала, чему способствует использование специальной аппаратуры и отсутствие необходимости реагировать на зрителей. Сам факт присутствия публики оказывает влияние на исполнение любой музыки, даже симфонической. Непроизвольный (покашливание) и произвольный (аплодисменты, крики «браво») шум в зале определяют динамический диапазон (чем тише в зале, тем тише оркестр может сыграть *pianissimo*), длину и характер пауз¹⁷.

История конкуренции рассмотренных форм продукции музыкальной индустрии тесно связана с историей материальных носителей для звукозаписи. До появления рынка музыкальных записей публичный концерт, берущий свои истоки в сопровождавшихся музыкой ритуалах древности, в течение трехсот лет (начиная с XVII в.) доминировал как единственная форма всего целенаправленного восприятия звучащей музыки. Массовое производство граммофонов, начавшееся в 1897 г., предоставило первую серьезную альтернативу концерту – шеллачную грампластинку. В 1903 г. такая пластинка 78 об/мин стала двусторонней, а в 1926 г. началось производство проигрывателей для пластинок, записанных с помощью микрофонов электрическим методом.

Потенциально все эти пластинки были синглами – время звучания одной стороны не превышало трех минут для пластинки диаметром 175 мм и пяти минут при диаметре 300 мм. Категория «альбом» для обозначения записанной музыки первоначально имела совсем другое значение. Record albums или record books (дословно – альбом или книга музыкальных записей) – так назывались появившиеся в конце 1910-х и состоящие в силу хронометража из нескольких пластинок издания целого симфонического произведения или сборника вокальных номеров одного испол-

нителя¹⁸. Пластинки объединялись вместе, как листки в альбомном или книжном переплете, иногда вкладывались в дополнительный общий конверт для всего «альбома». Издаваемый как книга музыкальный материал наметил основные тенденции для дальнейшего развития феномена альбома: собственно альбом, воспринимающийся как целостное произведение, и альбом-сборник, распадающийся на отдельные треки.

С переходом на более дешевый и механически прочный винилит пластиночный рынок предоставил два варианта замены для record albums 78 об/мин. В 1948 г. американская фирма Columbia выпустила долгоиграющую пластинку¹⁹ 33 об/мин диаметром 300 мм с временем звучания одной стороны до тридцати минут. В 1949 г. ее конкуренты, Capitol и RCA, занялись производством пластинки 45 об/мин диаметром 175 мм с временем звучания одной стороны пять минут. В 1951 г. стало ясно, что для издания целого симфонического произведения продукция Columbia является оптимальной, т. к. лишает слушателя необходимости менять диски каждые десять минут. Columbia, Capitol и RCA обменялись технологиями тиражирования пластинок всех видов, за пластинкой 45 об/мин закрепился статус материального носителя синглов. Категорию «альбом» в ее современном понимании стали ассоциировать с LP 33 об/мин только в 1960 г., этому предшествовало становление в 1950-х описанной выше схемы тиражирования записей одного исполнителя (сингл/синглы – альбом – сингл/синглы)²⁰.

Значительную роль для закрепления лидирующих позиций вещных форм продукции музыкальной индустрии сыграл осуществленный в 1957 г. переход к стереофонической записи. Стереопластинки буквально «заставили сидеть дома» вчерашних посетителей концертов, предоставив им новый уникальный опыт. «Стереозвук... окружает, обволакивает. Раньше звук исходил из одной точки, как это предполагается визуальной культурой с ее фиксированной точкой наблюдения. Появление высококачественной записи поистине стало для музыки... призванием многогранности и многоплановости единого опыта... Стереозвук – это звук с глубиной... Вместе с ним пришла и глубина музыкального переживания... Все, что воспринимается с глубиной, становится необычайно интересным и важным, потому что „глубина” означает „во взаимодействии”, а не „в изоляции”. Глубина означает озарение – не точку зрения, а прозрение: мысленную вовлеченность в процесс...»²¹.

Ускорению динамики развития альбомной культуры способствовало внедрение в звукозапись пленки. Бобины предоставили слушателю возможность меньшего участия в непосредственном приобретении музыки. Если раньше изготовление пластинок составляло прерогативу звукозаписывающих компаний, то теперь любой желающий мог в домашних условиях не только самостоятельно переписать музыку с виниловой пластинки, но и создать собственный музыкальный продукт. Сфера влияния синглов уменьшалась – при перезаписи они соединялись в альбомы-сборники. Результатами записи на пленку преимущественно оказывались не отдельные песни, а их альбомная совокупность²². С появлением в 1970-х компакт-кассет и плееров Sony Walkman культура пленочных альбомов достигла своего расцвета.

Музыкальной индустрии ничего не оставалось, как начать выпуск кассетных копий синглов. Переход на цифровые носители (CD, CD-R) в

1990-х гг. также не отменил сингловую форму. Сохранилась даже, правда в номинальном варианте, дифференциация синглов на 7-, 10- и 12-дюймовые, изначально обусловленная диаметром виниловой пластинки. Выжил сингл во многом благодаря преданности коллекционеров винилу: так, на конец 2004 г. каждый восьмой проданный сингл был издан именно на LP²³.

Новый виток в истории развития и соотношения существующих форм продукции музыкальной индустрии прогнозируется на ближайшие десятилетия. Эпоха цифровых технологий уже в конце 90-х гг. XX в. породила новый формат для хранения музыкальной информации – mp3-файл. Этот способ кодирования информации путем «сжатия» позволяет помещать на одном компакт-диске не один альбом, а практически все альбомы группы. Это привлекает слушателя экономией затрат на приобретение записей и места для их хранения. Бесплатный доступ к самой разнообразной музыке в mp3 через Интернет, постепенное снижение стоимости пользования самой Всемирной паутиной могут привести к развалу существующей системы музыкального тиражирования. Пользователь получает возможность самостоятельного выбора материала для прослушивания, не ограниченного рамками сингла или альбома. Исполнитель лишается необходимости контактировать со звукозаписывающей компанией – достаточно просто выложить свои новые композиции в сеть. Сохранение материального носителя (пластинки или компакт-диска) с коллекционно-архаичной дифференциацией на альбомы и синглы вполне вероятно, однако ведущими формами станут прослушивание mp3-файлов и концерт.

¹ Здесь и далее в абзаце цитируются положения концепции В. И. Николаева. См. Николаев, В. И. К социологии музыки: тезисы доклада на семинаре сообщества профессиональных социологов «Социология потребления музыки, музыкальных аудиторий и музыкальных вкусов». – Режим доступа: <http://www.sociolog.net/seminar.html> (версия от 14.02.06).

² Чередниченко, Т. В. Тенденции современной западной музыкальной эстетики. К анализу методологических парадоксов науки о музыке. – М., 1989. – С. 186–187.

³ Там же. – С. 72–73.

⁴ Шейко, А. В. Императивы технологического развития и будущее музыкальной индустрии // От массовой культуры к культуре индивидуальных миров: новая парадигма цивилизации / Отв. ред. Е. В. Дуков, Н. И. Кузнецова. – М., 1998. – С. 256.

⁵ Там же. – С. 261.

⁶ Как будет показано далее, такие формы определяют действия не только слушателей, но и самих исполнителей.

⁷ Сохор, А. Н. Вопросы социологии и эстетики музыки. – Л., 1980. – С. 107–108.

⁸ Капустин, Ю. В. Музыкант-исполнитель – публика (социологические проблемы современной концертной жизни). – Л., 1985. – С. 8.

⁹ Иванченко, Г. В. Психология восприятия музыки: Подходы, проблемы, перспективы. – М., 2001. – С. 173.

¹⁰ Орлов, Г. А. Дерево музыки. – Вашингтон ; СПб, 1992. – С. 90–91.

¹¹ От англ. single – отдельный, единичный.

¹² Пока не анализируется феномен EP (extended play): в 1950-х гг. термин был введен для обозначения грампластинок расширенного звучания, на современном этапе употребляется одновременно как синоним понятиям макси-сингл и мини-альбом и для обозначения переходной формы между ними.

¹³ Например, был выпущен в прозрачном конверте сингл группы Buzzcocks (1977) «Orgasm Addict / What Ever Happened To?» со следующим трек-листом: 1. Orgasm Addict. 2. What Ever Happened To?

¹⁴ Количество композиций и время звучания могут варьироваться – пятипесенные альбомы некоторых исполнителей достигают часа (например, в стилях эмбиент и пост-рок), другие группы способны в семнадцать минут уместить двадцать пять треков (например, в стилях хард-кор и грайнд-кор).

¹⁵ На сингле может выйти случайная запись того, кто даже не представляет себя музыкантом. Достаточно вспомнить начало карьеры Элвиса Пресли. Будущий «король рок-н-ролла» планировал стать полицейским, первую пластинку с единственной песней он записал на собственные деньги как подарок маме. На этом все могло закончиться, однако глава фирмы звукозаписи инициировал трансляцию песни по радио и в результате продал несколько тысяч пластинок всего за неделю.

¹⁶ Би-сайдом может являться и другая, менее удачная композиция.

¹⁷ Назайкинский, Е. В. Оценочная деятельность при восприятии музыки // Восприятие музыки : Сб. статей / Ред.-сост. В. Н. Максимов. – М., 1980. – С. 220–221.

¹⁸ Album cover album: A book of record jackets / Ed. By Storm Thorgerson & Roger Dean. – Limpsfield (SY), 1977. – P. 8–11.

¹⁹ Long play – аббревиатура, образованная из этих слов (LP), позже стала наименованием виниловой пластинки вообще.

²⁰ Согласно «пакту» 1951 г. на пластинках 33 об/мин выпускали преимущественно симфоническую музыку и джаз, «сорокопятки» оставались для молодежной поп-музыки. Виниловый выпуск симфонического произведения был даже более целостным, чем собственно альбом, – в нем отсутствовало деление на треки. Именно благодаря джазовым пластинкам LP приобретает структуру трек-листа.

²¹ McLuhan, M. Understanding Media: The Extensions of Man. – N.Y., 1964. – P. 247. Цит. по: Орлов, Г. А. Дерево музыки. – Вашингтон ; СПб, 1992. – С. 250.

²² В Советском Союзе, например, на этой основе в начале 1980-х гг. возникла целая культура записанных на магнитную пленку альбомов, составившая альтернативный канал музыкальной индустрии по отношению к официальным изданиям фирмы «Мелодия», старательно избегавшей выпуска музыкальных произведений рок-групп.

²³ Кутишенко, Д., Сокол, Н., Фролов, А. Vinyl Forever! Ч. 1. – Режим доступа: <http://www.pitch.ru/publications/index004.htm> (версия от 30.01.07).

УДК 316.733
ББК 71.04

А. В. Ляшко

ВЫСТАВОЧНЫЙ ФАСТФУД: ОСМЫСЛЯ АППЕТИТЫ СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Статья посвящена изменениям, которые переживает в современной культуре такая традиционная форма презентации искусства, как художественная выставка. Основным материалом исследования выступает выставочная жизнь Петербурга последних лет. Осмысляется общая мимикрия художественной среды, на примере работы Государственного Русского музея дается оценка выставочным проектам ведущих музеев города.

Художественную культуру российских мегаполисов последнего десятилетия характеризует все возрастающее количество, частота и анонсируемая значимость событий. Открытием нескольких арт-мероприятий ознаменован фактически каждый день жизни города: традиционные искусства и новейшие художественные практики активно представляют свои достижения как избранной, так и широкой публике. Причем редкое событие претендует на камерность, большинство из них тяготеет к статусу крупного художественного форума (фестиваля, биеннале, конкурса), призванного реализовать высокую миссию, недоступную предшественникам, подвести итоги или открыть новое направление в мире искусства. Одной из форм художественной презентации, переживающих своеобразный бум, в отечественной культуре стала выставка.

Постиндустриальное общество сегодня осознает и осваивает уникальные возможности художественно-образного мышления, его способность выявлять и экспонировать смыслы. В современной культуре искусство, технологии художественного производства и презентации все реже рассматриваются как некая элитарная среда, «сфера изящного». Все более активно они включаются в сложные социокультурные комплексы, выполняя функцию эффективного творческого компонента. В связи с этим, стратегии художественной презентации, сама форма выставки искусства активно востребована как в выставочной индустрии (промышленные, образовательные, имиджевые и др. выставки), так и более широко. В

отечественной культуре такая ситуация только начинает складываться. Художественная выставка еще в большой степени сохраняет свое внутривыставочное значение как пространство презентации искусства. Вместе с тем, определенность места выставочного действия, а вместе с ним и его социокультурного значения, постепенно утрачивается. Выставочное действие становится не только всеуместным событием городской повседневности, оно активно меняет свои привычные черты, маркируя изменения современной художественной культуры в целом.

Анализируя события отечественной художественной жизни последних лет, в первую очередь петербургской, рассмотрим динамику выставки как институциональной формы. Идея проведения аналогий между современными социокультурными явлениями и системой фастфуда не нова, она серьезно проработана как теоретиками современной культуры, так, прежде всего, и самими художниками. В данной статье апелляция к принципам фастфуда позволит связать воедино противоречивые сюжеты современной выставочной культуры.

Места проведения художественных выставок сегодня активно множатся. Музеи наращивают площади для временных экспозиций¹, возникают новые выставочные залы и возрождаются существовавшие прежде, открываются различные культурные центры; в Петербурге сегодня действует около сорока художественных галерей, с периодичностью раз в две-три недели предлагающих новый художественный проект. При таком изобилии выставки, расположенные близ путей магистрального движения горожан, более востребованы, а не попавшие в этот (в прямом смысле) «мейнстрим» – обделены публикой. (Так, например, в 1980-е гг. активно посещавшийся ленинградцами Выставочный зал на Охте сегодня пустует). Более того, временные экспозиции произведений искусства выходят из-под традиционной сени музейных и выставочных залов, сами «идут к зрителю». Они располагаются в местах «легкого и быстрого доступа»: в кафе, клубах, кинотеатрах, клубных пространствах, бизнес-центрах, торговых центрах² и просто на улицах города, стенах домов, во дворах и т. п. Зачастую сегодня художник или куратор ищут нетрадиционное место для экспозиции не с целью реализовать специфический замысел, сообщить арт-объектам особые смыслы, а именно в поиске зрителя. Искусство в современной культуре за счет развития средств массовой коммуникации стремится к абсолютной доступности, оно незамедлительно, почти без затрат времени и сил поступает к зрителю, слушателю, читателю в его личный компьютер. В связи с этим «культурный поход» в музей, концертный зал, библиотеку откладывается, а часто вовсе утрачивает смысл для широкой публики. Дабы обеспечить удобный путь зрителя к искусству, организаторы художественных проектов всячески стремятся его оптимизировать. Галереи «селятся» рядом друг с другом или музеями, объединяются в арт-центры, музей в одном здании открывает несколько разноплановых выставок³. Таким образом, за одно посещение расчетливый зритель может познакомиться с 5–6 выставочными проектами. По такому же правилу объединяются в одном торговом комплексе бутики или работают на одном фуд-корте несколько фирм быстрого питания. Также искусство нередко становится «сопутствующим товаром»: художественная выставка разворачивается в

месте продаж дорогой мебели (по этому принципу работает с художниками галерея дизайна «Бултхауп»), одежды и т. п. Удачно применяется в выставочной практике и другой маркетинговый принцип – бесплатная развозка зрителей. Например, в ходе фестиваля «Современное искусство в традиционном музее» несколько проектов, расположенных в разных петербургских музеях, объединяет маршрут специального автобуса.

Все эти действия по территориальной оптимизации выставок направлены на экономию времени. Принцип «сжатия времени» – главный принцип фастфуда – оказывается одним из ключевых и в современной выставочной практике. Петербургские выставочные залы работают как хорошо отлаженный конвейер по подготовке и выпуску очередного выставочного продукта. ЦВЗ «Манеж» последние пять лет проводит около двадцати только художественных выставок за год⁴. Выставочный зал Петербургского союза художников – до сорока⁵. Ежедневно в городе открыты примерно 15–20 художественных выставок. При этом смена «ассортимента» производится в достаточно высоком темпе: средняя продолжительность выставки в галерее – одна-две недели, в музее – от трех недель и редко превышает четыре месяца.

Здесь сказываются «законы рынка», не позволяющие простаивать экспозиционным помещениям, а так же имиджевая политика: некоторая соревновательность между музеями города в значимости и количестве представляемых ими выставочных проектов. Важны и другие причины.

Играет роль высокая мобильность авторов. Это мобильность карьерного роста, в котором выставки, их количество и статус места проведения подтверждают компетенцию художника. Выставки – вехи пути художника, они формируют репутацию автора, определяют его место в художественной иерархии, наконец, устанавливают цену на его работы. Сегодня этот выставочный рейтинг всячески форсируется. Персональная выставка (даже в музее!) зачастую не является ни показателем уровня мастерства, ни данью творческому пути, а, как правило, опосредована волей и финансовыми возможностями художника либо курирующих его лиц. Выставочное событие часто утрачивает уникальность в биографии художника, становится этапной процедурой. Сегодня автор, «набирая» количество выставок, может одновременно участвовать в нескольких проектах, причем в самых разнообразных амплау. Идейные противоречия художественной жизни, борьба различных ее направлений, утверждение художником собственной позиции, кажется, не имеют силы. Художник успешно включается как в масштабные официальные выставочные мероприятия, так и в альтернативные акции, имеющие подчеркнуто неформальный характер.

Другая составляющая темпа выставочной жизни – сильно возросшая в современном искусстве скорость самого художественного производства. Произведение в искусстве последнего столетия, по словам Б. Гройса, не создается, а предъясняется, «художнику в наше время достаточно назвать искусством случайный фрагмент реальности, чтобы он тем самым стал художественным произведением»⁶. Спустя век после реди-мэйдов М. Дюшана границы репрезентации продолжают включать в себя новые средства выражения. Художник может воспроизвести фрагмент мира, разложить его на части и заставить их функционировать, выставить имитацию или прототип и т. д. Работа в классических видах и жанрах

изобразительного искусства, произведения которого на сегодняшний день все-таки являются основным материалом петербургских выставок, также значительно интенсифицируется, игнорируя классическую последовательность действий и технологические требования материалов.

Темп современной выставочной жизни связан и со скоростью производства выставок. Сегодня в Петербурге продолжают экспонироваться проекты, являющиеся итогом долгой, иногда многолетней коллекционерской, научной, реставрационной или менеджерской работы, представляющие сложное художественное и техническое решение. Наряду с этим заметное большинство современных выставок не отягощены ни предварительными исследованиями, ни внимательной разработкой экспозиции, достаточно легковесны, порой элементарны. Минимализм экспозиционного решения и аскетизм средств, распространенные особенно в небольших выставочных залах, далеко не всегда оказываются оправданными. Остро ощущается отсутствие выверенной, профессиональной развески, найденной драматургии света, продуманного, соответствующего тематике выставке этикетажа, визуального и содержательного качества сопутствующих текстов и информационных материалов, то есть «сделанности» экспозиции. Выставка часто «держится» исключительно на идее – оригинальной, остроумной, порой скандальной или популистской теме, – определяющей выбор материала.

Темпу выставочного производства сопутствует и темп его потребления.

Необозримость характеризует выставочное пространство Петербурга. Заинтересованный зритель смотрит лишь малую часть художественных проектов, ежедневно представляемых в городе. Сама художественная выставка сегодня больше не является местом абсолютной видимости и «просматриваемости». На коллективных выставках обременительное изобилие экспонатов делает невозможным их восприятие. Как-то В. Вальран подсчитал, что на «Невской выставке» 1975 г., в которой приняли участие 88 независимых художников, а посетителей пускали партиями на сорок минут, «на каждую картину приходилось в среднем шесть секунд»⁷. Сегодня большие выставки, объединяющие 500–600 участников, требуют несколько часов еще более активного посекундного внимания зрителя и при этом редко задерживают его на это время. Масса просмотренных на выставке произведений превращается тем самым в визуальный шум. Ситуация необозримости усугубляется в случае включения в экспозиционное пространство экрана, экрана как объекта (медиаарт, видеоарт, видеоинсталляция) или как организующего элемента экспозиции (документальный кино-, видеоряд). Как правило, посетитель выставки не в состоянии за традиционное время посещения выставки просмотреть представленные его вниманию видео- и киноработы от начала и до конца, а следовательно, и не стремится к их полному просмотру⁸. Большинство представляемых проектов и не требуют проникновения, внимательного погружения в смысл увиденного. Зрителю необходимо усвоить концепт выставочного мероприятия и проследить его развитие в экспозиционном пространстве, выявить смысловые нити и пройти по ним. То есть выставка чаще требует заинтересованного и непременно соучастника, провоцирует посетителя на действия, нежели на «чистое» смотрение. Навык *созерцания* оказывается не востребован и постепенно девальвирует-

ся. Художественная выставка воспринимается / потребляется зрителем в движении, с легкостью и быстротой, как одно из многих зрелищ, которые в избытке поставляет современная визуальная культура.

Идея выставочного бистро легла в основу концепции галереи «Дверь», расположенной в арт-центре «Пушкинская, 10». На лестничной площадке между этажами встроена стандартная металлическая дверь. Дверь никуда не ведет, за ее коробкой глухая стена, на которую закреплен лист оргстекла. Вот в этой импровизированной витрине, площадью примерно 2,5 м² и разворачивается деятельность галереи. Данный выставочный проект – своеобразный «экономвариант», сберегающий время куратора и зрителя, не требующий смотрителя и гардероба. Вместе с тем, как ни парадоксально, «Дверь» не уступает по содержательности многим крупным выставочным акциям Петербурга.

Темп выставочной жизни обеспечивается и выверенным художественным «ассортиментом».

В петербургских выставочных залах сегодня представлены самые разные направления искусства от традиционного до актуального. При этом можно выявить ряд тем выставочных проектов, которые пользуются неизменным интересом зрительской аудитории, пришлось «по вкусу» большинству, наподобие гамбургеров MacDonald's и крылышек KFC. Удачный выбор концепции выставки обеспечивает ее успех, дает возможность сделать ее сиквел⁹, превратить в периодическое мероприятие, не нуждающееся в рекламе, с постоянной аудиторией и авторским коллективом, командой коммерческих партнеров. Примером могут послужить «Рождественские выставки» проводимые с 1998 г. в музее Ахматовой в Фонтанном доме («Под Вифлеемской звездой», «Рождественская ель как авторское произведение», «Свет Рождества», «Дары волхвов», «Петербургское Рождество»). Другой, несомненно, успешный вариант ежегодного выставочного сериала – фестиваль «Современное искусство в традиционном музее» (проект «Института ПРО АРТЕ»), уже седьмой год начинающий свою работу в последний уик-энд сентября.

Вместе с тем серийные выставки (временные проекты с претензией на постоянство), как правило, с годами утрачивают энергию актуального высказывания. Видимо, исчерпываются тема, силы кураторов, потенциал творческой группы. Так, многолетние проекты ЦВЗ «Манеж» («Петербург», «Диалоги», «Фестиваль экспериментальных искусств и перформанса», весенняя, осенняя выставки членов Союза художников) представляют сегодня удручающее зрелище. Задача этих масштабных мероприятий – осветить положение дел в текущей художественной жизни Петербурга и активизировать ее – решается достаточно прямолинейно. Например, идея «Петербургов», проводимых в «Манеже» с 1993 г., состоит в том, чтобы выставлять только одну работу от каждого художника, выполненную в этом году. Ежегодно выставка представляет около 500 произведений, объединенных, по словам организаторов, «отсутствием концепции», демонстрирующих «эстетический плюрализм». Куратор проекта Л. Скобина пишет: «Мы не выделяем никаких „предпочтительных“ направлений-стилей-течений. Все, что существует в городе, вправе существовать на выставке. Единственное ограничение – отбор творческих (курсив Л. Скобиной) работ, выражающих настрой автора»¹⁰. «Петербур-

ги» в «Манеже» как еда во время авиаперелета: без вариантов. Наличие собственной экспозиционной территории с постоянным зрителем и многолетней репутацией обеспечивает этому проекту жизнь. Но кураторская всеядность и неразборчивость грозят обернуться провалом.

Особое внимание привлекает выставочная практика музеев, институций по определению гиподинамичных – направленных на фиксацию, сохранение, педантичное моделирование меняющегося мира. На сегодняшний день, как показывает отечественная и зарубежная практика, и они вступили в выставочную гонку: организация временных выставок становится одним из доминирующих направлений деятельности музея. Русский музей в год организует более 40 выставок¹¹. Выставочная деятельность называется и «одним из главных разделов в функциональной структуре Эрмитажа»: ежегодно музей делает около 100 временных выставок за рубежом и в музеях России¹². Треть подготавливаемых Эрмитажем выставочных проектов демонстрируется в самом музее.

Музейные выставки отличает больший профессионализм и тщательность. Однако общий выставочный темп сказывается и здесь. Музей, традиционно ограниченный в часах своей работы рамками светового дня, идя навстречу посетителям выставок, вынужден менять режим. (По специальному расписанию вечерами работала выставка «Встреча с Модильяни» в ГМИИ им. А. С. Пушкина). Для посетителей выставок открываются специальные проходы, дабы они не тратили время, минуя постоянную экспозицию.

Ощущаются изменения и содержательного порядка, судить о которых можно лишь косвенным образом, поскольку внутренняя выставочная политика конкретного музея – информация закрытая. Музеи, привлекая в свои залы горожан, стремятся открывать как можно больше выставок самой разной тематики, зачастую не имея ни времени, ни кадровых сил, ни финансовых оснований серьезно их готовить. В большинстве своем эти выставочные проекты не нацелены на открытие новых имен, представление новых произведений. Им свойственно репрезентировать известное, переигрывая его по-новому, отыскивая оригинальные содержательные аспекты. Основная работа ведется над темой и контекстом, в который знакомое произведение переносится, обретая новые смыслы. Так «популярными хитами» петербургской выставочной жизни последних лет стали тематические выставки Русского музея из серии «нечто в русском искусстве»: «Красный цвет в русском искусстве» (1997), «Игра и страсть в русском изобразительном искусстве» (1999), «Иисус Христос в христианском искусстве и культуре XIV–XX вв.», «Греческий мир в русском искусстве» (2001), «Абстракция в России. XX в.» (2002), «Санкт-Петербург. Портрет города и горожан», «Портрет жены художника», «Двое» (2003), «Домашние и дикие. Анималистика в русском искусстве XVIII–XX вв.», «Большая картина. Большие произведения из фондов Русского музея», «Дорога в русском искусстве» (2004), «Времена года. Пейзаж в России XIX–XX вв.» (2006). Основа выставок, по преимуществу, собственная коллекция музея, прошедшая тематическую селекцию. Причем источниками экспонатов являются как фонды музея, так и постоянная экспозиция. Рецепт создания этих выставок один: быстрое и смелое моделирование сюжетов из имеющихся в наличии произведений; эффек-

тные декораторские приемы (цветные панели, ткани, меняющие облик залов), масштабные реконструкции (от танцплощадки послевоенных лет до квартиры времен застоя), обязательный видеоряд по теме, звуковое сопровождение, ошарашивающие экспозиционные приемы. «Каждый раз делай новый показ, крои из того, что есть, новую выставку. <...> Главное – музеи современного искусства не замкнулись в сознании величия своей современности, а музеи с хронологическими многообразными коллекциями не замкнулись в сознании величия своей историчности»¹³. Тематические выставки Русского музея последних лет имеют несомненный успех у широкой публики и реализуют просветительские и коммерческие устремления музея.

Однако сегодня эти популистские приемы становятся основополагающими почти для всех выставочных проектов музея. Визуальные эффекты экспозиции вытеснили содержание выставки «Павел Филонов – очевидец незримого» (2006)¹⁴. Другой пример – выставка к 150-летию М. А. Врубеля, проходившая в Русском музее с декабря 2006 по май 2007 гг., не продемонстрировавшая, несмотря на значительный повод, ни полной ретроспективы творчества художника, ни серьезного исследовательского его прочтения. Организаторы не привлекали фонды Третьяковской галереи и киевского Музея русского искусства (основных держателей произведений М. А. Врубеля), а ограничились ресурсами петербургского собрания, представив достаточно выборочно и его¹⁵. В экспозиции не прослеживалось оригинальной научной концепции. Художественное решение так же не потребовало от музея особых затрат: в характерный врубелевский цвет были перекрашены конструкции, оставшиеся от прошедшей ранее в этих залах выставки П. Н. Филонова.

Итак, скороспелые модифицированные экспонаты, высокая скорость подачи новых художественных впечатлений, несложный и занимательный их ассортимент, так или иначе удовлетворяющий запросы каждого, оптимальное время работы в удобном месте и минимальная стоимость посещения – вот черты, позволяющие видеть в петербургской выставочной жизни подавляющий культурный фастфуд.

Целевая аудитория системы быстрого питания – это мобильные люди с ограниченными финансовыми и временными ресурсами, которые не могут себе позволить тратить деньги на посещение дорогого ресторана и время на прием пищи, приготовленной в домашних условиях. Согласно законам рынка, наряду с общедоступным, массовым продуктом (как и положено, в несоизмеримо меньших количествах), потребителю должно делаться и совершенно иное предложение – особое, для избранных, продолжая сравнение, «слоуфуд». Параллельно арт-фастфуду должен показываться художественный эксклюзив. Если в отечественной системе торговли и общественного питания этот баланс уже найден, то в культурной практике пока еще нет. Тщательно подготовленные, сделанные на высоком концептуальном и художественном уровне и требующие подготовленного зрителя выставки крайне редко проводятся в Петербурге. В основном их организуют закрытые галереи. Но в действительности это ниша музеев. Российские музеи целенаправленно стремятся стать более открытыми, привлекательными и доступными для широкой публики, постепенно избавляясь от своих элитарных претензий. Возможно, на-

оборот, такие качества музейной среды, как консерватизм и закрытость, педантичный профессионализм музейных сотрудников, должны сохраняться и получать реализацию в актуальных проектах. Ведь тишина, скука и пыль музейных залов противопоказаны фастфуду?

¹ В течение 1989–1994 гг. комплекс Русского музея дополнили Строгановский и Мраморный дворцы и Михайловский замок, залы которых задействованы в основном для проведения выставок. Переданное Эрмитажу здание Главного штаба также планируется использовать под показ временных проектов.

² Например, одна из наиболее посещаемых площадок Второй московской биеннале современного искусства – ЦУМ.

³ Например, в августе 2007 г. в корпусе Бенуа Русского музея зрителям предлагались четыре выставочных проекта: «Два века русской литографии», «Приключения „Черного Квадрата“ К. Малевича», «Общество „Круг художников“», «Александр Андреевич Иванов. 1806–1858», а всего в музее были открыты восемь временных выставок.

⁴ Адрес официального сайта ЦВЗ «Манеж» – <http://www.manege.spb.ru>.

⁵ Северюхин, Д. «Выставочная проза» Петербурга. Из истории художественного рынка. – СПб., 2003. – С. 54.

⁶ Гройс, Б. Скорость искусства // Мир дизайна. – 1999. – № 33. – С. 19.

⁷ Вальран, В. Ленинградский андеграунд: Живопись, фотография, рок-музыка. – СПб., 2003. – С. 11.

⁸ См.: Гройс, Б. Медиа-искусство в музее // Гройс Б. Комментарии к искусству. – М., 2003. – С. 149.

⁹ Сиквел (англ. sequel) – книга, фильм или любое другое произведение искусства, являющееся прямым продолжением какого-нибудь более раннего произведения, построенное на его сюжете, персонажах и т. д.

¹⁰ Скобина, Л. «Петербург» в Манеже: К истории одной ежегодной выставки. – С. 175.

¹¹ Потапова, М. В. Публика художественного музея в ракурсе социальных перемен // Триумф музея? – СПб., 2005. – С. 218–226.

¹² Торшина, Л. Е. «Вокруг выставки». Временная выставка как культурно-образовательная акция // Управление музеями: Музейная деятельность в XXI веке. – СПб., 2005. – С. 46–47.

¹³ Боровский, А. Д. Современное искусство и музей // Искусство XX века : Итоги столетия : Избранные материалы конференции. – СПб., 2003. – С. 40.

¹⁴ Обозреватель газеты «Петербургский дневник» А. Матвеева так характеризовала экспозицию выставки «Павел Филонов – очевидец незримого»: «Не то дискотека до начала выступления музыкантов, не то пещера ужасов в чешском луна-парке... невиданный аттракцион» (Матвеева, А. Ох! // Петербургский дневник. – 2006. – 24 июля).

¹⁵ Петрова, Е. Мы решили, что каждый музей по-своему отметит день рождения художника : Интервью заместителя директора Государственного Русского музея по научной части. – Режим доступа: http://www.vtbmagazine.ru/number_detail.asp?aid=316.

УДК 78.03
ББК 85.313(2)

Е. Н. Демченко

ЛЮБИТЕЛЬСКОЕ МУЗИЦИРОВАНИЕ В ИМПЕРАТОРСКОМ УЧИЛИЩЕ ПРАВОВЕДЕНИЯ

Любительское музицирование рассматривается как средство индивидуально-личностного развития воспитанников элитарного учебного заведения. Приводятся сведения о формах музыкальной деятельности, о педагогах-музыкантах, их учениках, среди которых А. Н. Серов, В. В. Стасов, С. И. Танеев.

Императорское училище правоведения – высшее учебное заведение закрытого типа, было учреждено в 1835 г. Тогда же вышел указ Сената об опубликовании устава и штата Училища правоведения, после чего был назначен директор училища – статский советник С. А. Пошман, а также первый инспектор, им стал профессор лицея барон Е. В. Врангель.

Училище открылось 5 декабря 1835 г. Создавалось оно по инициативе племянника императора, принца П. Г. Ольденбургского. Он же стал попечителем училища, на его средства был приобретен и обустроен дом, в котором оно помещалось вплоть до своего закрытия в 1918 г. По оценке современников, дом с переделкой и «первоначальным обзаведением» стоил более 1000000 рублей, но «принц не останавливался перед денежными тратами и впоследствии»¹.

Училище правоведения было названо императорским, поскольку оно было поставлено под особое покровительство императора Николая I. Цель учреждения училища – «для образования юношества на службу по части судебной»². Воспитанников принимали «только из сословия потомственного российского дворянства». В дополненном уставе от 1838 г. требования по приему ужесточаются: прием воспитанников осуществлялся «только из сословия древнего потомственного российского дворянства, внесенного в VI часть родословной книги»³. С 1868 г. стали принимать детей военных чинов не ниже полковника, а гражданских – пятого класса или статского советника.

Воспитанники принимались в низший, 7 класс, с 12 лет, а в подготовительное отделение, созданное в 1847 г., с 10 лет.

Училище, окруженное особыми заботами императора, в отношении прав и преимуществ, получаемых при выпуске, было уравнено с Царско-сельским лицеем. Выпускались с чином 9-го, 10-го, 12-го класса (титулярный советник – губернский секретарь). Лучшие выпускники определялись, в основном, в Министерство юстиции и правительственный Сенат, а другие – в «прочие судебные места по губерниям, сообразно успехам в науках каждого из них»⁴. После лицея и Пажеского корпуса Училище правоведения считалось самым престижным учебным заведением в Санкт-Петербурге.

В жизни каждого учебного заведения искусство играло далеко не последнюю роль. В Училище правоведения со времени основания в течение пятнадцати лет музыка занимала исключительное место в жизни воспитанников. Любителями музыки были принц П. Г. Ольденбургский и первый директор С. А. Пошман (1835–1847). При открытии в училище поступило много одаренных мальчиков, до этого учившихся играть на музыкальных инструментах, в их числе А. Н. Серов и В. В. Стасов. А. Н. Серов с первого года обучения возглавил музыкальный кружок воспитанников. Бывший воспитанник училища М. М. Молчанов писал: «Принц, одаренный от природы нежной, чувствительной душой, любил все изящные искусства и особенно музыку. Он сам сочинял музыкальные пьесы и хорошо играл на фортепиано, а поэтому неудивительно, что музыка в Правоведении процветала... А что врезалось о Серове в память, так это удовольствие, которое тогда доставляла мне (а конечно, и другим) его игра на виолончели... Когда небольшая фигура Серова поднималась на эстраду и смычок в его руке касался струн виолончели, тогда водворялась тишина, напрягались общее внимание и слух и не хотелось верить, что слушаешь игру ученика, а не опытного, известного уже артиста»⁵. А. Н. Серов действительно привлекал своей игрой большое количество слушателей, поэтому не удивительно, что вокруг него вскоре образовался музыкальный кружок. Одни из его членов принимали личное участие в выступлениях, другие были только слушателями. Входивший в кружок В. В. Стасов называет фамилии основных исполнителей тех лет: на фортепиано играли С. Танеев и Н. Полянский, на скрипке – Н. Коржевский и В. Клебек; А. Волоцкой, П. Зубов и Н. Погуляев были регентами хора, остальные участники под впечатлением от успехов своих товарищей тоже начали брать уроки игры на разных инструментах, так, например, князь Д. Оболенский играл на контрабасе, а Л. Вистингаузен – на флейте⁶.

Коллектив юных музыкантов собирался по вечерам, слушателей приходило довольно много, около сорока человек, что составляло почти половину воспитанников. Конечно, начальство вскоре заметило столь страстную увлеченность учащихся музыкой – принц Ольденбургский, часто посещавший училище, стал проявлять большую заинтересованность в творческих успехах своих воспитанников.

Первый учитель музыки К. Я. Карелль (1835–1853), финн по происхождению, по словам В. В. Стасова, отличался небольшим талантом, но музыку любил «страстно, до самозабвения». С большим энтузиазмом учил он воспитанников игре на всех музыкальных инструментах, однако вскоре

понял, что одному человеку весьма трудно справиться с такой задачей, поэтому администрация пригласила нескольких внештатных преподавателей музыки. Почти сразу по прибытии в Петербург (в 1838 г.) знаменитый педагог, композитор А. Л. Гензельт начал учить лучших воспитанников училища игре на фортепиано. Практически он стал инспектором музыкального образования в училище. Игре на виолончели учил К. Кнехт, первый солист театрального оркестра, позже его сменил профессор Петербургской консерватории К. Б. Шуберт, игре на других струнных и духовых инструментах обучали солисты театрального оркестра. В. В. Стасов писал о А. Л. Гензельте, что его ученики «восхищались, как умели и могли, его сочинениями и игрой, и считали себя счастливыми, что у нас такой учитель»⁷. Помимо обучения воспитанники брали уроки на дому у иных музыкантов, например, В. В. Стасов – у А. А. Герке. Пению учил Ф. М. Линицкий (1835–1838), затем Г. Я. Ломакин (1838–1871, 1879–1882). Со временем количество музыкантов увеличилось так, что в перерывах между лекциями в училище отовсюду раздавались звуки музыки – «играли на нескольких фортепиано, на скрипках, флейтах, виолончелях, контрабасах» не только в специальных комнатах, а везде, где только можно. Такое увлечение музыкой имело и отрицательные стороны. Некоторые из обучавшихся музыке не были в этом заинтересованы, и они то бросали занятия, то возобновляли их. Поэтому С. А. Пошман в 1839 г. отдал такое распоряжение учителю музыки К. Я. Кареллю: «Признав нужным постановить, чтобы воспитанники без разрешения моего ни начинали учения музыки, ни оставляли оного по своему только произволу, я извещаю Вас о том для надлежащего исполнения, об учащихся же пению и музыке воспитанников прошу Вас представить ко мне ведомость по прилагаемой форме»⁸.

Поощряя музыкальные успехи воспитанников, принц П. Г. Ольденбургский организовал серьезные концерты, в которых вместе с лучшими учениками выступали известные русские и иностранные артисты – С. Тальберг, Г. Росси, К. Липинский, О. Буль, А. Дрейшок, Л. Мейер и другие. Эти концерты проводились в апартаментах принца, в помещении училища, или на квартире директора, сестра которого была замечательной пианисткой. У принца такие вечера устраивались всегда неожиданно, и были очень теплыми, «семейными». Вот как описывает один из них выпускник училища М. М. Молчанов: «В высоких, ярко освещенных залах было так тепло, так весело, так уютно. Было много цветов. Пахло гиацинтами. Все правоведа разбрелись по комнатам. Принц, довольный, молодой и счастливый, ходил между нами с С. А. Пошманом под руку. Супруга принца, окруженная семейством, сидела тут же. Кто-то из лучших училищных пианистов, если не ошибаюсь, Платон Вакар, играл на рояле»⁹. Воспитанники любили посещать такие вечера, «семейному» их характеру способствовало еще и то, что здесь они освобождались от строгого придворного этикета. Вечера стимулировали интерес воспитанников к посещению театров и концертов. В. В. Стасов отмечает, что, стоило воспитанникам лишь один раз услышать игру З. Тальберга, как они старались получить пропуск на другие его концерты. Помимо приглашений на вечера, принц часто присылал воспитанникам билеты на оперы и балеты, шедшие в то время в Петербурге, о чем упоминают К. П. Победоносцев и Л. И. Бутовский.

Музыкальные вечера у принца проводились «для образования и развития вкуса» воспитанников, тогда как на концертах в училище они уже сами формировали вкус слушателей, выступая в качестве артистов. В. В. Стасов вспоминает, что к концертам готовились «с замиранием сердца», а после долго их обсуждали. Сюда съезжалось множество титулованных особ, среди них был даже министр юстиции В. Н. Панин. Программы печатались на французском языке. Иногда приглашали небольшой оркестр, выступали солисты, воспитанники играли ансамблем на нескольких роялях, пел хор училища. М. М. Молчанов вспоминает, что порой играл военный духовой оркестр, а если приглашали воспитанниц других учебных заведений, то после концерта обязательно были танцы. В учебных планах училища танцам вообще отводилась значительная роль, поэтому обучали им специально приглашенные педагоги.

После выпуска В. В. Стасова, примерно до начала 1850-х гг. музыкальная жизнь в училище протекала очень бурно. К. П. Победоносцев, поступивший в училище в 1842 г., в своих воспоминаниях говорит об увлечении хорovým и сольным пением. Пели романсы, цыганские, гусарские песни, большим успехом также пользовались итальянские арии, которыми «все бредили» после появления в Петербурге Д. Рубини и П. Виардо¹⁰. Количество инструментов, которыми владели воспитанники, увеличилось – появился английский рожок. Весной пели хором в саду, превосходно звучал церковный хор под управлением Г. Я. Ломакина. Концерты в училище и у принца продолжались. На них выступали известные музыканты (например, К. Шуман). Продолжали участвовать и талантливые воспитанники – в их числе будущий композитор Н. Ф. Христианович, бравший уроки у А. Л. Гензельта.

В 1848–1849-х гг. директора С. А. Пошмана сменил князь Н. С. Голицын. Позднее у одного из воспитанников нашли какие-то «вольнодумные записки», и на пост директора был назначен генерал-майор А. П. Языков, который требовал строгой солдатской дисциплины, ввел наказание учащихся розгами. Штатских воспитателей заменили военными, которые завели в училище очень строгие порядки.

К началу 1850-х гг. концерты у принца, а потом и в училище постепенно прекратились, так как интерес П. Г. Ольденбургского к училищу заметно угас, и он занялся другими учебными заведениями. С введением строгой дисциплины отношение начальства к искусству сменилось: «Уроки музыки приобретают характер казенный, а отсутствие концертов лишает их своей притягательной силы. Даже посещение воспитанниками театров и концертов в педагогических целях ограничивается праздничными днями, и ни о каких экстренных отпусках не могло быть и речи»¹¹. Примерно до конца 1880-х гг. искусство было под властью строгой дисциплины, существовали лишь небольшие музыкальные кружки, деятельность которых не выходила за их пределы. В число воспитанников тех лет входили П. И. Чайковский, М. И. Чайковский, А. Н. Апухтин, А. Н. Молчанов, В. Л. Величко, князь М. Н. Волконский – все они внесли немалый вклад в развитие русского и мирового искусства.

В годы учебы П. И. Чайковского учителем музыки был владелец фортепианной фабрики Ф. Беккер (1853–1863). Тогда только пение входило в обязательную программу – воспитанники пели в хоре церкви при учи-

лице под управлением Г. Я. Ломакина. Параллельно П. И. Чайковский брал уроки у Р. Кюндингера, придворного пианиста.

С 1880-х гг. казенная атмосфера постепенно исчезла: опять начинаются концерты, воспитанники увлекаются драматическим искусством – в училище ставятся любительские спектакли по произведениям И. Гете, Ф. Шиллера, М. Майкова и др. В 1886 г. был поставлен первый спектакль. Выпускник училища Г. П. Сюзор отмечает, что спектакли и концерты отличались высоким мастерством, «большой художественностью и вкусом», так как в те годы училось много воспитанников, обладавших «драматическим и вокальным талантом»¹². В 1893 г. был поставлен отрывок из оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила», ставший, правда, единственным случаем постановки в училище оперы в сопровождении хора и оркестра. С 1863 г. до начала 1900-х гг. учителем фортепиано был Ф. Ф. Дей, с 1901 г. – Э. В. Клозе, с 1910 г. – Г. И. Романовский. Классное пение с 1901 г. преподавал Г. А. Казаченко, церковному пению обучал А. И. Громов.

Таким образом, музыка была неотъемлемой частью жизни воспитанников училища правоведения. Любительское музицирование осуществлялось в формах инструментального исполнительства (индивидуальных уроков, выступлений на концертах и музыкальных вечерах); вокального исполнительства (индивидуального пения, пения в ансамбле, пения в хоре); театральных постановок. Любительское музицирование оказывало существенное положительное влияние на становление личности воспитанников, многие из которых (композиторы, музыкальные критики, просвещенные любители) внесли огромный вклад в развитие отечественного музыкального искусства. По сути музыкальное воспитание в Императорском училище правоведения являлось одним из прообразов инновационного подхода в образовании.

¹ Сюзор, Г. П. Ко дню LXXV юбилея Императорского училища правоведения. – СПб., 1910. – С. 26.

² Там же. – С. 116.

³ Там же. – С. 121.

⁴ Там же. – С. 118.

⁵ Молчанов, М. М. Полвека назад. Первые годы Училища правоведения в Санкт-Петербурге. – СПб., 1892. – С. 15.

⁶ Сюзор, Г. П. Ко дню LXXV юбилея Императорского училища правоведения. – СПб., 1910. – С. 217.

⁷ Стасов, В. В. В день юбилея Гензельта // Статьи о музыке. – Вып. 4. – М., 1978. – С. 60.

⁸ Сюзор, Г. П. Ко дню LXXV юбилея Императорского училища правоведения. – СПб., 1910. – С. 219.

⁹ Там же. – С. 220.

¹⁰ Победоносцев, К. П. Отрывки из школьного дневника. 1842–1845. – СПб., 1886. – С. 98.

¹¹ Сюзор, Г. П. Ко дню LXXV юбилея Императорского училища правоведения. – СПб., 1910. – С. 224.

¹² Там же. – С. 227.

УДК 74.268.53
ББК 489.518.567

Г. А. Праслова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ В МЕТОДИКЕ ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГОВ-МУЗЫКАНТОВ

Анализируются психолого-педагогические, дидактические и методические условия историко-педагогической подготовки будущих педагогов-музыкантов. Принципы, методы и формы организации образовательного процесса рассмотрены в контексте компетентностного подхода к вузовскому музыкально-педагогическому образованию.

Осмысление педагогического потенциала взаимодействия традиций и инноваций в историко-педагогической подготовке педагога-музыканта создает предпосылки для разработки методики преподавания музыкальных историко-педагогических дисциплин, базирующейся на интеграции традиций и инноваций. Эффективность использования данной методики обусловлена следующими важнейшими условиями:

- психолого-педагогическими, отражающими характер взаимодействия субъектов образовательного процесса, а также особенности формирования исторического сознания, развития эмоционально-личностной сферы и познавательной деятельности обучающихся;
- дидактическими, включающими разработку принципов систематизации музыкальной историко-педагогической информации, способов работы с ней, приемов индивидуального и группового контроля усвоенных знаний, сформированных умений и навыков;
- методическими, характеризующими выбор образовательных технологий, использование приемов и методов организации учебной деятельности.

Цель историко-педагогической подготовки будущих педагогов-музыкантов по предлагаемой методике заключается в содействии становлению профессиональной компетентности будущего педагога-музыканта посредством изучения истории музыкального образования и ее осмысления в контексте современных музыкально-педагогических проблем.

В современных исследованиях компетентностного подхода к профессиональному педагогическому образованию обосновывается положение о том, что «компетентность всегда проявляется в деятельности». Нельзя «увидеть непроявленную компетентность»¹. В данном контексте результатом историко-педагогической подготовки студентов в соответствии с применяемой методикой будет выступать сформировавшийся у них комплекс универсальных и личностно-профессиональных компетенций.

Универсальные компетенции, сформировавшиеся у студентов в результате успешной историко-педагогической подготовки, проявляются в том, что будущий педагог-музыкант сможет:

- анализировать различные источники историко-педагогической информации с точки зрения ее педагогической ценности в современных условиях;

- выявлять сущность проблем, возникающих в процессе профессиональной музыкальной деятельности, и решать их с учетом историко-педагогического опыта в области музыкального образования;

- использовать теоретические и практические историко-педагогические знания (о тенденциях развития историко-педагогического процесса в области музыкального образования, о методах изучения истории музыкального образования, о наиболее значимых (отечественных и зарубежных) авторских концепциях музыкального образования и др.) для проектирования педагогического процесса в области музыкального образования на современном этапе его развития;

- пополнять профессиональные знания на основе использования различных источников историко-педагогической информации, сведений из различных областей музыкально-педагогического наследия;

- сознательно ориентироваться в многообразных подходах к постановке целей и организации музыкального образования с применением историко-педагогического опыта.

Благодаря сформировавшимся в процессе историко-педагогической подготовки личностно-профессиональным компетенциям студент сможет:

- ориентироваться в современной социокультурной ситуации на основе осмысления историко-педагогического опыта в области музыкального образования, использовать возможности интеграции традиций и инноваций в музыкальном образовании для обеспечения его качества (*социальные личностно-профессиональные компетенции*);

- вступать во взаимодействие со всеми субъектами музыкально-образовательного процесса, руководствуясь принципами гуманизма, диалогичности и сотрудничества, мотивированно отстаивать собственную позицию и уважать мнение коллег, вступать в опосредованное общение с представителями других специальностей в процессе обращения к историко-педагогическим первоисточникам и соответствующей учебной и научной литературе (*коммуникативные личностно-профессиональные компетенции*);

- применять исследовательские подходы к изучению историко-педагогического процесса в области музыкального образования; использовать информационные технологии в деятельности, направленной на исследование историко-педагогических проблем в области музыкального образования; выявлять взаимосвязь между развитием историко-педагогического

ческого процесса в области музыкального образования и особенностями развития музыкальной культуры, философскими, художественно-эстетическими течениями в различные исторические периоды; анализировать историко-педагогическую информацию с точки зрения ее профессиональной ценности для музыкального образования (*информационные личностно-профессиональные компетенции*);

– проявлять рефлексивно-аналитические компоненты исторического мышления, сознания и самосознания при решении актуальных проблем музыкального образования в триаде «прошлое-настоящее-будущее»; критически оценивать результаты своего историко-педагогического образования и определять пути самосовершенствования в этой области; осознавать личностную значимость музыкально-педагогического наследия; проявлять эмоционально-ценностное отношение к миру, людям и самому себе на основе осмысления историко-педагогического опыта; интерпретировать процессы преемственности в области музыкального образования с точки зрения взаимодействия традиций и инноваций (*аналитико-рефлексивные личностно-профессиональные компетенции*);

– использовать историко-педагогический опыт для преобразования и обогащения собственной теоретической и практической деятельности; применять историко-педагогические знания для обоснования собственной точки зрения на инновации в области музыкального образования на современном этапе его развития; учитывать историко-педагогический опыт при внедрении инноваций в работу музыкально-образовательных учреждений (*креативно-деятельностные личностно-профессиональные компетенции*).

Таким образом, ожидаемые результаты применения методики соотносятся с целью профессионально ориентированной историко-педагогической подготовки будущих педагогов-музыкантов, а именно: становление у обучающихся профессиональной компетентности, проявляющейся в готовности решать профессиональные задачи с использованием историко-педагогического и жизненного опыта, ценностей и наклонностей.

Основные принципы методики базируются на теоретических положениях, призванных организовать содержание и формы вузовской историко-педагогической подготовки таким образом, чтобы обеспечить ее эффективность и плодотворность. К ним относятся:

- *принцип практикоориентированности* предполагает отбор историко-педагогического содержания, направленного на решение практических музыкально-педагогических задач;
- *принцип профессиональной направленности* ориентирует образовательный процесс на становление личностной профессиональной позиции будущих педагогов-музыкантов, формирование у них опыта эмоционально-ценностного отношения к музыкально-педагогическому наследию и осознание его значимости для личностного и профессионального самоопределения;
- *принцип адаптивности* базируется на учете актуальных потребностей субъектов образовательного процесса, всех тех, кто включен в освоение содержания дисциплины;
- *принцип межпредметных связей* ориентирует педагога на формирование в сознании студентов межсистемных ассоциаций, отражающих диалек-

тическую взаимосвязь научного знания в различных областях. Этот принцип предполагает опору историко-педагогической подготовки будущего педагога-музыканта на знания теории, методики музыкального образования, истории искусств, эстетики, музыкознания и других наук в их взаимосвязи. Тенденция к интеграции знания отражает современные интеграционные процессы в науке и культуре, характерна для современного образования на всех ступенях его развития;

- *принцип преемственности* предполагает опору приобретаемых историко-педагогических знаний на полученный опыт, предусматривающий динамизм и усложнение задач по мере накопления этого опыта. Продуктивным подходом при интерпретации преемственности является осмысление традиций и инноваций в их взаимосвязи;
- *принцип индивидуально-личностного подхода к студентам* ориентирует педагога на учет индивидуальных возможностей каждого студента в профессионально ориентированной историко-педагогической подготовке. К принципам освоения содержания музыкального историко-педагогического материала относятся:
 - *сравнительно-сопоставительный принцип* ориентирует на выявление нового и традиционного, общего и особенного в развитии музыкального образования в различные исторические эпохи;
 - *спиралевидный принцип* способствует последовательному вовлечению студентов в процесс освоения историко-педагогического опыта в области музыкального образования в триаде «прошлое-настоящее-будущее» на основе повышения уровня его осознания и актуализации полученных знаний за счет постепенного усложнения образовательных задач;
 - *блочно-модульный принцип* направлен на формирование у студентов целостного представления об узловых проблемах музыкального образования в динамике его исторического развития;
 - *аналитико-рефлексивный принцип* предполагает освоение историко-педагогической информации на основе осознания студентами собственных возможностей самореализации в образовательном процессе и собственного аргументированного представления об изучаемом.

Методы организации учебно-познавательной деятельности студентов в процессе историко-педагогической подготовки. Под организацией учебно-познавательной деятельности студентов в процессе их историко-педагогической подготовки понимается система действий педагога, регламентирующая деятельность обучающихся по освоению музыкально-педагогического наследия. Действия педагога при этом опираются на ряд методов, использование которых базируется на взаимодействии традиционных и инновационных подходов к музыкальному историко-педагогическому образованию. Наряду с традиционными методами (*репродуктивными, объяснительно-иллюстративными, частично-поисковыми и др.*) в процессе историко-педагогической подготовки используются инновационные методы организации образовательного процесса, ориентированные на актуализацию деятельностной позиции обучающихся (*методы активизации творческих проявлений студентов, метод проблематизации содержания историко-педагогической подготовки, метод развития критического мышления, методы моделирования и прогнозирования историко-педагогического процесса в области музыкального образования, проектные методы*

обучения). Представим краткую характеристику инновационных методов музыкальной историко-педагогической подготовки студентов;

– *метод активизации творческих проявлений студентов.* Данный метод нацелен на индивидуально-творческое осмысление полученных историко-педагогических знаний, их активную переработку и использование в новых условиях практической деятельности;

– *метод проблематизации содержания* историко-педагогической подготовки будущего педагога-музыканта. Использование данного метода создает предпосылки для формирования у студентов теоретического мышления, основой которого выступает способность человека выявлять наиболее значимые проблемы в развитии музыкального образования и применять исторический опыт их решения для аргументации и обоснования собственной личностно-профессиональной позиции по отношению к различным историко-педагогическим феноменам;

– *метод развития критического мышления.* Данный метод направлен на повышение активности освоения историко-педагогической информации, на развитие мыслительной деятельности студентов, их умений анализировать музыкальный историко-педагогический материал, делать самостоятельные выводы с экстраполяцией полученных данных на современный этап развития музыкального образования.

Рассмотрим исследовательские методы изучения истории музыкального образования:

– *метод моделирования историко-педагогического процесса.* Использование данного метода в историко-педагогической подготовке педагога-музыканта нацелено на формирование у студентов способности к разработке музыкально-педагогических моделей-концепций того или иного исторического времени на основе выявления основных тенденций развития музыкального образования;

– *метод прогнозирования историко-педагогического процесса в области музыкального образования.* Смысл этого метода заключается в том, чтобы сформировать у студентов умения определять перспективы развития музыкального образования на основе осмысления закономерностей и тенденций его эволюции;

– *метод проектного обучения.* Данный метод опирается на практико-ориентированную модель музыкально-педагогического образования, способствует актуализации его деятельностной направленности. Историко-педагогическая подготовка будущего педагога-музыканта с использованием метода проектного обучения базируется на организации определенной последовательности действий студентов по исследованию различных проблем музыкального историко-педагогического процесса. Использование данного метода в вузовской историко-педагогической подготовке расширяет возможности применения теоретических знаний в практической исследовательской деятельности студентов непосредственно в процессе обучения.

Формы организации историко-педагогической подготовки. Организация историко-педагогической подготовки в рамках рассматриваемой методики базируется на традиционных формах – это лекции, групповые практические занятия, индивидуальные и групповые консультации, самостоятельная работа студента.

Вместе с тем предлагаемая методика предусматривает наполнение традиционных организационных форм инновационным содержанием.

Лекция. Традиционная классическая лекция, как отмечают современные исследователи, «способствует не осознанному восприятию материала, а лишь его записи; малы возможности оперативного контроля за степенью усвоения материала, слаба обратная связь „преподаватель-студент”»². В этой связи в современных условиях бытует точка зрения, согласно которой лекция как форма организации учебного процесса устарела. Вместе с тем творческий подход к организации лекций позволяет обновить эту традиционную форму организации вузовского образования. Наполнение традиционной лекционной формы организации историко-педагогической подготовки будущих педагогов-музыкантов новым содержанием возможно на основе:

- инициирования в процессе занятия дискуссий по узловым проблемам предлагаемого информационного материала лекции;
- совместной выработки позиций по отношению к различным авторским музыкально-педагогическим концепциям на определенном историческом отрезке времени;
- совместного поиска путей решения различных проблем музыкального образования и др.

Такой подход к построению лекции способствует изменению позиции студентов в процессе восприятия историко-педагогической информации, создает условия для проживания ими учебного процесса в роли активного его участника, развивает рефлексивные навыки будущих педагогов-музыкантов.

Групповые практические занятия. Помимо традиционной формы их проведения (выступление участников практического занятия с докладом по предложенным для рассмотрения вопросам) возможны следующие варианты участия студентов в занятии:

- совместное обсуждение историко-педагогических проблем во взаимодействии «студент-студент», «преподаватель-студент», «студент-преподаватель-студент»;
- участие в игровом моделировании (например, в аргументации различных мнений на одну и ту же историко-педагогическую проблему);
- осуществление самостоятельной поисковой деятельности в процессе анализа предложенных педагогом историко-педагогических источников;
- презентация учебно-исследовательского задания с обоснованием собственной точки зрения на исследуемую проблему и др.

При этом важно инициировать включение в учебный процесс не только познавательной, но и эмоционально-личностной сферы студента, его целостного личностного опыта. В процессе таких практических занятий у студентов формируются межличностные компетенции, социальные умения (умение работать в команде, группе и т. д.), инструментальные компетенции, включающие когнитивные, методологические способности, технологические и лингвистические умения.

Индивидуальные и групповые консультации. В процессе организации этой формы историко-педагогической подготовки предусматриваются:

- информационно-методическая поддержка самостоятельной работы студентов;

- инструктаж по содержанию и алгоритму выполнения учебно-исследовательских заданий;
- оказание помощи в разработке плана и программы выполнения задания;
- выявление проблем в осуществлении образовательной деятельности и определение способов их решения;
- проверка и обсуждение письменных работ студента и т. д.

Педагог при этом может выступать в роли тьютора, партнера, координатора, наставника, академического консультанта. В рамках этих ролей преподаватель осуществляет работу с малыми группами студентов, выполняющих групповые задания (исследовательские проекты и др.), ориентирует студентов в содержании процесса становления и развития музыкального образования на различных исторических этапах, дает рекомендации по корректировке письменных работ, консультирует студентов по использованию информационно-коммуникативных технологий, акцентирует внимание обучающихся на обеспечении преемственных связей курса «Истории музыкального образования» с другими дисциплинами образовательной программы.

Самостоятельная работа студентов. Формированию профессиональной компетентности, развитию личностного и профессионального потенциала студентов во многом способствует аналитико-рефлексивный компонент в профессиональной подготовке будущего педагога-музыканта. Именно аналитико-рефлексивное освоение изучаемого историко-педагогического материала способствует становлению субъектной позиции обучающихся, формирует у них опыт эмоционально-ценностного отношения к музыкально-педагогическому наследию с точки зрения его значимости для личного и профессионального самоопределения, регулирует образовательную деятельность студентов в соответствии с профессиональными требованиями. В качестве важнейшего условия формирования и развития аналитико-рефлексивных умений выступает готовность студента самостоятельно решать профессиональные задачи, опираясь на осознание историко-педагогической информации и понимание ее личностного смысла.

Система контроля знаний студентов. Интеграция традиций и инноваций в системе контроля знаний студентов обусловлена обогащением представлений о результатах историко-педагогической подготовки. Информационный подход к оценке деятельности обучающихся в современных условиях все более заменяется деятельностным подходом. Это означает, что в качестве результата историко-педагогической подготовки будущего педагога-музыканта должны выступать не только его информационная осведомленность в области становления и развития музыкального образования в контексте всемирного историко-педагогического процесса, но и сформированные в ходе обучения личностные качества, мировоззренческие установки и готовность применять полученные знания в своей будущей профессиональной деятельности в качестве педагога-музыканта.

Участие России в Болонском процессе (с 2003 г.) обусловило разработку и внедрение в сферу отечественного вузовского образования балльно-рейтинговой системы оценки качества освоения образовательных программ и входящих в нее учебных дисциплин.

Использование балльно-рейтинговой системы оценки деятельности студентов имеет ряд преимуществ:

- способствует активизации учебной деятельности студентов;
- помогает студентам рационально распределять силы и время для достижения определенных рейтинговых показателей;
- повышает мотивацию к постоянному контролю и планированию своей успеваемости;
- способствует выявлению индивидуально-личностного отношения студента к обучению;
- стимулирует регулярную работу студента в процессе обучения;
- позволяет преподавателю объективно оценивать результаты образовательной деятельности студентов;
- предусматривает вариативность результатов образования в зависимости от выбранных студентом видов образовательной деятельности.

Система балльного оценивания по дисциплине отражается в технологической карте дисциплины. В технологическую карту дисциплины вносятся все виды работы студента, подлежащие оценке, а также то количество баллов, которое получает студент за их выполнение. В технологической карте «...преподаватель должен использовать те формы оценки знаний студентов, которые направлены на выявление не объема знаний студента, а уровня развития профессиональной компетентности студента, степени его подготовки к продолжению образования по программам более высокого уровня»³. В традиционном оценивании используется балльная шкала от 1 до 5, которая характеризуется малыми возможностями дифференциации и не позволяет в полной мере осуществить качественную оценку деятельности студента в процессе всего срока обучения. Субъектом оценивания при этом выступает педагог, что создает ситуацию отчуждения обучающегося от своей работы и не исключает субъективных аспектов в процессе оценивания. При балльно-рейтинговой оценке результатов образовательной деятельности субъектом оценивания выступает сам обучающийся, который самостоятельно может оценить свои образовательные результаты и достигать желаемого рейтинга в процессе образования в соответствии с личностными запросами и притязаниями. Рейтинг определяет место образовательного результата каждого студента в его группе (потоке, факультете) и оценку качества освоения дисциплины с учетом условий образовательного процесса.

Успеваемость студентов на основе балльно-рейтинговой системы определяется в балльных оценках обычно от 0 до 100 баллов с последующим их переводом в традиционную для России пятибалльную систему (см. табл. 1). Изучение дисциплины оценивается суммой набранных баллов:

- в процессе учебной деятельности студентов в течение всего срока изучения дисциплины;
- в результате оценки знаний студентов на зачетах и экзаменах.

При разработке технологической карты и определении требований к экзаменационным оценкам и зачетам по дисциплине «История музыкального образования» предлагается руководствоваться следующими показателями, приведенными в табл. 1.

**Система оценивания знаний и умений студента по дисциплине
«История музыкального образования» (в интерпретации автора)**

Оценка успеваемости студента	Пятибалльная система	Балльная оценка (по 100-балльной системе)
Не зачтено	Неудовлетворительно	От 0 до 69 баллов включительно
Зачтено	Удовлетворительно	От 70 до 79 баллов включительно
	Хорошо	От 80 до 89 баллов включительно
	Отлично	От 90 до 100 баллов включительно

Преподаватель сам определяет количество баллов за выполнение различных заданий, предусмотренных технологической картой дисциплины за весь период ее изучения.

Технологическая карта по дисциплине «История музыкального образования» может включать следующие виды работ студента: 1) посещение занятий; 2) выполнение учебно-исследовательских заданий; 3) выступление на практических занятиях с докладом; 4) участие в совместном обсуждении проблемы; 5) анализ и реферирование рекомендованной литературы; 6) презентация научно-исследовательской работы; 7) участие в разработке проекта; 8) презентация проекта; 9) создание тематического каталога информационных источников по истории музыкального образования (книг, ссылок в Интернете и т. д.); 10) выполнение тестовых заданий; 11) доклад на научной студенческой конференции (по одной из тем дисциплины); 12) написание статьи в рамках студенческого научного общества по тематике дисциплины; 13) помощь преподавателю в подготовке и проведении деловых игр, круглых столов и др.; 14) написание отзывов на прочитанные статьи и разделы пособий; 15) защита портфолио; 16) самостоятельная работа.

Из этого перечня преподаватель определяет обязательные и дополнительные виды учебной деятельности, устанавливает минимальное и максимальное количество баллов для аттестации, необходимый минимум баллов для допуска к промежуточной аттестации, а также нижний предел количества баллов, при котором студент не допускается к промежуточной аттестации.

Система баллов по дисциплине может ежегодно корректироваться. Количество набранных студентом баллов в течение всего срока освоения дисциплины может превышать максимальное число (100), что будет свидетельствовать о высоком рейтинге студента в освоении дисциплины.

Таким образом, традиционная пятибалльная система оценки знаний студентов в современных условиях обогащается применением балльно-рейтинговой системы, позволяющей фиксировать уровень не только усвоенных студентом знаний, но и личностные качества обучающегося (его умение планировать работу, выбирать задания в соответствии со своими индивидуальными возможностями, проектировать индивидуальный маршрут в освоении дисциплины, проявлять творческий подход к решению задач и др.).

Интеграция традиций и инноваций в историко-педагогической подготовке будущих педагогов-музыкантов проявляется в следующих условиях:

- единстве познавательной и аналитико-рефлексивной позиций студентов в освоении музыкального историко-педагогического опыта;
- проблемно-модульной систематизации историко-педагогического учебного материала;
- в использовании интегративных образовательных технологий;
- в развивающем взаимодействии педагога и студентов.

Интегрируя традиции и инновации в историко-педагогической подготовке будущего педагога-музыканта, эти условия отражают важнейшую закономерность в современных подходах к образовательному процессу в вузе, а именно – «...учет накопленного опыта в целом и использование его аксиологического содержания, в частности при выработке инновационных подходов, идей и концепций, а также методик и технологий...»⁴ При этом, как отмечают современные исследователи, «...назначение традиции в области вузовского образования состоит в обеспечении возможности решать новые задачи на основе прошлого опыта. Однако традиция не может быть буквально противопоставлена инновации – она не является чем-то статичным, неподвижным. По мере накопления новых данных выдвигаются новые интерпретации известных явлений и процессов. В каждой традиции есть разновременные по своему происхождению элементы, в том числе ценностные ориентации, и далеко не всегда самые старые из них менее актуальны и значимы»⁵.

Охарактеризуем взаимодействие нового и традиционного в вышеперечисленных условиях интеграции традиций и инноваций.

Единство познавательной и аналитико-рефлексивной позиций студентов в освоении музыкального историко-педагогического опыта отражает современные подходы к музыкально-педагогическому образованию в целом, базирующиеся на взаимообусловленности процессов освоения знаний, умений и навыков с аналитической рефлексией полученного опыта. Подобный подход к образовательному процессу, в том числе и к историко-педагогической подготовке будущих педагогов-музыкантов, позволяет наделять освоенные знания, умения и навыки личностным и профессионально-значимым смыслом, формирует субъектную позицию студентов, позволяет им выстраивать свой образовательный маршрут в аспекте историко-педагогической подготовки на основе личностно-профессионального самопознания. Как отмечают современные исследователи, «смысл рефлексии как особого познавательного действия заключается в уточнении человеком своих знаний, выяснении оснований своих знаний, выяснении того, как вырабатывались те или иные знания и представления. <...> Рефлексия – один из инновационных путей раскрытия и выявления духовного потенциала человека, а также особая нравственная деятельность, заключающаяся в духовном самоанализе как способе отношения к жизни, в борьбе с собственными недостатками и преодолении сомнений в собственных силах и возможностях»⁶.

В процессе рефлексии традиционная ориентация вузовского образования на определенный запас знаний, умений и навыков обогащается личностным содержанием. Что дает мне, будущему педагогу-музыканту,

знание истории музыкального образования? Каковы мои собственные возможности самореализации в процессе освоения музыкального историко-педагогического опыта? В чем причины позитивных и негативных явлений в историческом развитии музыкального образования и как они влияют на его современное состояние? Эти и другие вопросы, на которые студент ищет ответы в процессе историко-педагогической подготовки, позволяют ему реализоваться в нескольких аспектах: мировоззренческом, творческом, научно-исследовательском, операциональном и др.

В итоге единство познавательной и аналитико-рефлексивной позиций студентов в процессе историко-педагогической подготовки выступает не только условием интеграции традиций и инноваций, но и условием становления профессиональной компетентности будущего педагога-музыканта, способствует накоплению у него не только определенного запаса знаний, но и формированию важнейших универсальных и личностно-профессиональных компетенций.

Проблемно-модульная систематизация историко-педагогического учебного материала позволяет интегрировать традиционный подход к систематизации историко-педагогической информации на основе последовательно-хронологического принципа с проблемно-модульным изложением учебного материала. Освоение историко-педагогической информации каждого модуля предусматривается в триаде «прошлое-настоящее-будущее» на основе сравнительно-сопоставительного анализа. Благодаря такому подходу к осмыслению музыкально-педагогического наследия у студентов не просто накапливаются знания исторических фактов, событий и явлений в области музыкального образования, а формируется целостное представление об узловых проблемах музыкального образования в динамике их исторического развития, складывается собственное видение исторического эволюционного процесса в области музыкального образования, устанавливается последовательность стадий формирования и развития определенного явления, осознаются закономерности его эволюции, связь и причинная обусловленность исторических событий и явлений как в рамках одного и того же исторического периода, так и в процессе их эволюционного развития, активизируется осознание личностной и профессиональной ценности музыкально-педагогического наследия.

Условия интеграции традиций и инноваций в систематизации учебного историко-педагогического материала позволяют преодолеть дискретность в формировании у студентов целостной картины развития историко-педагогического процесса в области музыкального образования, способствуют определению связей и причинной обусловленности наиболее важных процессов и явлений в его эволюции.

Интегративные образовательные технологии в историко-педагогической подготовке будущего педагога-музыканта базируются на использовании аксиологического содержания накопленного опыта в области вузовского музыкального образования с выработкой инновационных подходов к его организации.

Комплекс образовательных технологий, интегрирующих педагогические традиции и инновации в историко-образовательном процессе, включает:

а) *технологии рефлексивного обучения*, ориентирующие студента на переход от репродуктивной деятельности к накоплению опыта самопознания в контексте осваиваемой историко-педагогической информации;

б) *технологии контекстного обучения*, способствующие формированию у студентов умений решать профессиональные задачи с использованием историко-педагогического опыта в области музыкального образования. В рамках этой технологии традиционная актуализация предметной подготовки специалиста приобретает новую направленность за счет практико-ориентированного подхода к музыкально-педагогическому образованию;

в) *технологии проектного обучения*, основанные на сочетании индивидуальной и групповой форм работы. Проекты, выполняемые в процессе историко-педагогической подготовки будущего педагога-музыканта, сохраняя преемственность с проектным обучением первых десятилетий XX в., носят, в основном, исследовательский характер. Они направлены на развитие познавательной активности, самостоятельности, творческого потенциала и коммуникативных качеств участников проекта. Вместе с тем обновление традиционных подходов к проектному обучению проявляется в отходе от жесткого манипулирования сознанием участников проекта, в формировании у них опыта эмоционально-ценностных отношений к исследуемым историко-педагогическим проблемам;

г) *технологии работы с различными источниками информации*, сочетающие активное использование функциональных возможностей компьютера и получение историко-педагогического материала из традиционных письменных источников (архивов, научных работ, учебных пособий и др.).

Развивающее взаимодействие педагога и студентов в процессе историко-педагогической подготовки будущих педагогов-музыкантов предусматривает такое сотрудничество субъектов образовательного процесса, при котором формирование и развитие профессионально значимых качеств происходит не только у студентов, но и у самого преподавателя.

Развивающее взаимодействие педагога и студентов способствует личностному развитию субъектов образовательного процесса, актуализации деятельностной направленности профессионального музыкально-педагогического образования, ориентации историко-педагогической подготовки не только на усвоение историко-педагогических знаний, но и на поиск возможностей соединения теоретических знаний студентов с их практическими потребностями и ценностными ориентациями. Этот вид взаимодействия педагога и студентов основывается на переходе от информативных к активным методам и формам обучения с включением в деятельность обучающихся элементов проблемности и научного поиска, разнообразных форм самостоятельной работы, нацеленной на развитие у студентов исторического мышления, исторического сознания и самосознания.

В то же время, развивающее взаимодействие субъектов образовательного процесса способствует изменению деятельности преподавателя, который:

– *осваивает новые роли* (тьютора, куратора историко-педагогических образовательных программ, академического консультанта);

– *развивает у себя критический стиль мышления*, проявляющийся в умении проектировать содержание вузовской историко-педагогической подготовки будущего педагога-музыканта, выявлять причинную обусловленность образовательных результатов, достигаемых студентами в процессе историко-педагогического музыкального образования;

- применяет широкий спектр традиционных и инновационных методик оценки образовательных результатов студентов;
- осуществляет систематический анализ образовательного процесса с точки зрения эффективности разработанных моделей общения, обучения и воспитания.

Эффективность инноваций в историко-педагогической подготовке будущего педагога-музыканта определяется рядом условий, а именно:

- опорой образовательного процесса на принцип преемственности и сохранением важной роли накопленных традиций в образовательном процессе;
- разработкой механизмов интеграции традиций и инноваций в историко-педагогической подготовке студентов;
- повышением ответственности преподавателей за результаты историко-педагогической подготовки в вузе, изменением характера их деятельности.

Интеграция традиций и инноваций в организации вузовского образовательного процесса позволяет обеспечить его эффективность и направленность на становление профессиональной компетентности будущих выпускников вуза.

¹ Компетентностный подход в педагогическом образовании : Коллективная монография / Под ред. В. А. Козырева и др. – СПб., 2005. – С. 8.

² Коржуев, А. В. Традиции и инновации в высшем профессиональном образовании / А. В. Коржуев, В. А. Попков. – М., 2003. – С. 58.

³ Российский вуз в европейском образовательном пространстве : Методическое пособие по организации опытно-экспериментальной работы в контексте идей Болонской декларации / Под ред. А. П. Тряпицыной. – СПб., 2006. – С. 64.

⁴ Коржуев, А. В. Традиции и инновации в высшем профессиональном образовании / А. В. Коржуев, В. А. Попков. – М., 2003. – С. 60.

⁵ Там же. – С. 60.

⁶ Там же. – С. 178–179.

УДК 61:78
ББК 5:85.31

А. Г. Юсфин

ПУТЬ К ГАРМОНИИ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ, НАРОДАМИ, КУЛЬТУРАМИ И РЕЛИГИЯМИ НА О СНОВЕ ПЕРИНАТАЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

Предлагается метод гармонизации отношений в любых социальных структурах на основе предельно раннего музыкального воспитания человека (на перинатальном этапе его развития). Метод опирается на реальную возможность музыкального искусства быть действенным инструментом формирования толерантной личности и установления взаимопонимания между людьми различных религий и национальностей.

Все попытки структурированного диалога (межнационального, межкультурного, межконфессионального) до сих пор не дали сколько-нибудь ощутимых результатов. Не удалось не только гармонизовать отношения, но и установить минимальное взаимопонимание, (хотя иллюзии подобного взаимопонимания по-прежнему устойчиво вводят нас в заблуждение). Подобное положение явно не случайно, а, по-видимому, связано с противоречиями, порожденными как непереваемостью базовых понятий, определяющих сущность контакта, так и изначальной убежденностью в негативном отношении к самой идее такого диалога как разрушительного для «моей» религии и «моей» культуры (тем более, что это обычно подтверждается историческими реалиями и практическими результатами подобных попыток).

Учитывая исторический опыт, а именно – печальный результат большого числа попыток установления контактов (чему свидетельством являются многие трагические события в мире), а также изначальную несоизмеримость исходных понятий, можно говорить о том, что, по-видимому, еще не скоро будет достигнуто взаимопонимание между представителями разных культур.

Оглядываясь на прискорбную безрезультатность почти всех попыток в прошлом (если, разумеется, не считать таковой агрессивную абсорбцию одной культуры или религии другой насильственным путем), человечеству, вроде бы, остается прекратить бессмысленные поиски путей

взаимопонимания и предоставить судьбе решение этой проблемы. Или все-таки попытаться поискать нетривиальные пути, которые позволят обойти возникающие тупики, проявляющиеся за границами вербально выраженного взаимопонимания, для того, чтобы снять проблемы – и языковые, и, возможно, иные.

Этот поиск представляется уместным тогда, когда для человека еще не сформировались понятия «народ», «вера», «культура». При этом необходимо миновать любые вербальные контакты как дискредитировавшие себя за прошедшие десятилетия.

Как свидетельствует историческая практика, среди возможных *невербальных средств* гармонизации отношений оптимальным является *музыка*, представляя собой один из универсальных инструментов эмоциональной и интеллектуальной коммуникации. И, в то же время, следует признать, что ее универсализм ограничен пределами вполне определенных культурных ареалов, связанных с типологическими различиями (структурными, семантическими, прагматическими), не позволяющими полноценно воспринимать музыку иного ареала, (хотя и до настоящего времени живуч миф о том, что язык музыки не нуждается в переводе). А так как музыка – искусство принципиально непереводимое (так, например, невозможно представить перевод с китайского музыкального языка на немецкий), то на этом пути вроде бы возникают непреодолимые препятствия. Возможно ли их преодолеть?

Как показала практика, реальное и полноценное преодоление этих ограничений оказалось возможным посредством *введения музыки на предельно раннем этапе формирования* человека. Этим этапом является *дородовый период* от зарождения до рождения.

Сегодня уже нет необходимости доказывать наличие у плода возможностей и способностей к запечатлению всей поступающей информации, так как этому убедительно свидетельствуют многие авторитетные исследования А. Бертина¹, Ж. Уитвелл², Л. Земке, Х. Дженни и др.

Мой многолетний опыт введения музыки в перинатальном (дородовом) периоде развития человека подтвердил, что формирующийся человек не только воспринимает, но и навсегда сохраняет музыкальную информацию, которую он получает. Эта музыкальная информация (я могу говорить только о ней, хотя известно, что нечто подобное происходит и с любой другой информацией) оказывает глубочайшее воздействие на человека. Она существенно влияет на формирование личности, стимулирует развитие интеллекта и памяти, участвует в становлении положительных черт характера, воли, толерантности, интересов, развивает воображение и пр. При этом все эти черты личности становятся устойчивыми свойствами человека на протяжении всей его жизни.

Опыт убедительно показывает, что на перинатальном этапе развития человек с *одинаковым интересом* воспринимает музыку любых культурных ареалов – индоевропейского, арабского, китайского, центрально-африканского, Океании и др., которая становится для него *равно приемлемой*, не вызывая никакого отторжения. И впоследствии этот человек вполне терпимо относится к музыке любого региона, любого стиля, любого жанра, любой структуры и любого предназначения.

А так как музыка, предлагаемая ребенку, должна быть заведомо *высококачественной* (что является необходимым условием), безотносительно к тому, является ли она светской или религиозной, народной или авторской, старинной или современной, то он и в будущей своей жизни будет

принимать как музыку *только такую*. То же «музыкальное бесовство», которое нередко выдает сейчас себя за музыку, для него не будет принадлежать к музыкальному искусству и, следовательно, не будет порождать желания общаться с ним, (как для ненаркомана наркотики не существуют как предмет потребления).

Не касаясь специальных проблем – составления музыкальных программ, особенностей технологии введения музыки, учета при этом особенностей личности матери и т. п. (о чем идет речь в моих работах³), отмечу только, что при всем необходимом разнообразии предлагаемой музыки доминантной должна быть музыка, этнически близкая ребенку, а вся остальная является дополнением, хотя и существенным по объему.

Такое *введение музыки*, как об этом свидетельствуют опыты в различных регионах мира, в *высокой степени способствует не только формированию музыкально-эстетической толерантности, но и толерантности вообще* как особой психической установки личности. Более того, музыка участвует в устойчивой самогармонизации физического, психического и духовного бытия человека, а также в установлении контролируемой гармонии с внешним миром, при этом под гармонией понимается не только терпимое, лояльное к нему отношение, но и устойчиво сохраняющееся на протяжении всей жизни стремление к взаимопониманию.

Возможно, что такое свойство, сформированное под воздействием музыки, обусловлено ее природой: гармоническими отношениями на всех уровнях структуры и семантики, что, в свою очередь, порождено не до конца ясной по своему происхождению вселенской гармонией (тем, что И. Кеплер определял как «*Harmonie der Welt*» – гармония Мира). Не потому ли музыка во всех известных цивилизациях есть искусство гармонии? И, разумеется, невозможно зафиксировать никаким нотным письмом или зарегистрировать с помощью приборов особые психоэнергетические поля, которые делают музыку одним из могущественнейших инструментов воздействия на человека и социум, а также на всю живую природу.

Но сегодня для нас, в конце концов, не так существенно познание природы и внутреннего механизма функционирования широкопрофильного воздействия музыки, как установление самого этого факта, его реальности и действенности в интересующем нас направлении. Надежность этого воздействия сегодня не вызывает никаких сомнений, как и его многоплановость.

Среди различных сторон этого воздействия следует выделить формирование особого психического состояния, создающего установку на открытость любым чувствам, идеям, представлениям, интересам других людей и национальных, социальных, конфессиональных, культурных групп, их способность восприятия без отторжения, негативных эмоций и вообще способность и умение услышать и понять другого.

Эта способность вызывает к жизни *диалог*, который может быть результативным, приводя, в конечном счете, к взаимопониманию, которое, собственно, и есть основа гармонизации отношений.

Чем вызвано такое, казалось бы, немислимое свойство музыки, вводимой в слуховое сознание ребенка в перинатальном периоде его существования?

Сразу же нужно оговориться, что подобное воздействие связано не только с природными свойствами музыки, но и с особенностями ее восприятия ребенком.

Введение музыки на *предельно раннем этапе* становления человека, когда у него еще не было никаких звуковых впечатлений, формирует его *музыкаль-*

ный тезаурус, который запечатлевается навсегда. И никакие новые звуковые воздействия, с которыми человек встретится в течение своей жизни, возникающие *поверх тех*, которые являются *фундаментальными и смыслоориентирующими*, не смогут ни подавить, ни обесценить, ни обесмыслить те, что закрепились вначале. Эти музыкальные впечатления, как об этом свидетельствуют исследования, не только запоминаются и закрепляются навсегда, но и определенным образом встраиваются в психосоматику, *направленно* модифицируя ее; и, таким образом, фиксируются в *памяти организма* на всех его структурных уровнях, начиная едва ли не с субклеточного.

Из этого можно заключить, что музыка, воспринятая человеком, становится не только эстетическим регулятором его восприятия, но, прежде всего, значимой частью всего его существа как биосоциальной целостности. Иначе говоря, происходит реальное *сотворение человека* с активным участием музыки, в результате чего многие из потенциальных негативных его свойств и качеств (вызванных наследственностью, условиями жизни, средой существования и т. п.) исчезают или, по крайней мере, существенно ослабляются, а позитивные – стимулируются и закрепляются.

Настоящая музыка (думаю, что нет необходимости ее определять) любого стиля и жанра *никогда* не несет в себе негативных чувств и идей. Более того, музыка принципиально не может их воплотить ни в каком виде. Поэтому всегда заведомо гарантируется ее положительное воздействие и следование принципу Гиппократата: если не можешь помочь – не навреди.

Упомяну и еще один аспект воздействия музыки. Любое общение с ней – это в существенной мере и общение с ее автором. Не рискну настаивать, что при таком общении происходит реальное отождествление с личностью композитора, но какая-то часть его духовного мира *соприкасается* с миром слушателя, для которого это не проходит бесследно. Другое дело, что реализации такого рода контактов нужно учиться. Но это, насколько могу судить, достижимо для любого слушателя.

Уместно обратить внимание на явление, ставшее уже в двадцатом веке едва ли не всепланетным помешательством. Речь идет о патологическом расцвете и торжестве так называемой «попсы», или «массовой культуры». Она порождает разрушение психической целостности как личности отдельного человека, так и различных социальных групп, превращая их в обездушенное стадо. Это общеизвестное явление любопытно, пожалуй, только как красноречивое свидетельство невероятной, не имеющей аналога в других культурных феноменах *эпидемичности музыки*, ее способности быть всепланетной заразой, причинившей, и продолжающей причинять все еще не сосчитанный и по-настоящему не осмысленный по своим последствиям вред ничем не повинным жителям Земли.

И в этой трагической ситуации высококлассная музыка, звучащая в перинатальном периоде развития человека, может стать надежным барьером на пути заражения псевдомузыкальной аудиоотравой. И тем, кстати, избавит его от многих соматических, психологических и социальных проблем, ставших в наше время грозными факторами формирования *массового измененного сознания*, что многосторонне исследовано в известной книге Д. Л. Спивака⁴.

Очевидно, что предлагаемый путь гармонизации межнациональных, межконфессиональных и межкультурных контактов – дело будущего.

Даже если удастся реализовать этот проект – а для его осуществления нужно много времени, средств, доброй воли и простого энтузиазма, – пройдут десятилетия, прежде чем удастся достигнуть желаемых результатов. Конечно, это весьма прискорбно.

Но давайте вспомним, *сколько десятилетий* – а если начать со времен усилий царя Ашоки, то и *столетий*, – идут непрекращающиеся разговоры о путях достижения взаимопонимания и мирного сосуществования? Сколько времени, сил и средств было на это израсходовано? И с каким результатом? Каждый год все мы начинаем с самого начала: говорим о том, что нам жизненно необходимо взаимопонимание, терпимость и понимание чужих намерений, идей и верований и, в конечном счете, гармония. Ну и где они – терпимость и взаимопонимание? Пока только мы сумели – общими усилиями – добиться войны всех против всех: людей, государств, идеологий, религий.

Кто из нас знает, где и в чем заключается реальный выход из этой жестокой, бессмысленной и перманентной войны, в которой нет и не может быть ни победы, ни победителей?

Насколько можно судить по происходящим в мире процессам, никого никому, по крайней мере, пока, убедить не удалось. И нет никаких, сколько-нибудь внятных, признаков того, что различные культуры склонны к преодолению противоречий между собой и в настоящее время, и в ближайшем будущем.

То, что я предлагаю, да, потребует немало времени и сил. Но это поможет на самом деле решить многие разногласия человечества. Предлагаемое средство не требует никого уговаривать и ни в чем убеждать. Оно ничего не говорит ни о зле, ни о добре, ни о каких-либо концептуальных основаниях установления взаимопонимания в мире; ни о том, как не следует поступать, ни о том, какими нам следует быть, чтобы достичь мировой гармонии. Все это – прерогатива вербальных контактов, логически неопровержимых (или опровержимых?) аргументов, которым почему-то не следуют ни государства, ни религии (может быть, кроме буддизма), ни отдельные люди.

Музыка – высокоорганизованная вибрация, несущая словоневыразимый смысл, вбираемая и осознаваемая рождающимся человеком. Она самонастраивает его на восприятие этого мира как блага и добра, а людей – как составляющих неотъемлемую часть вселенской гармонии.

Человек навсегда останется с музыкой, которая своей красотой, силой, волей и властью откроет ему, может быть, самую глубокую и значительную истину в том, что он, человек, богоподобен. И что гармония с собой и с миром есть необходимое условие для того, чтобы быть человеком.

И, в заключение, несколько практических предложений. Сегодня все мы находимся в положении, не позволяющем ограничиваться общими соображениями (или, если угодно идеями и концепциями), которые, без их использования, остаются не более чем благими пожеланиями.

Поэтому рискну высказать несколько вполне конкретных предложений, реализация которых в известной степени может изменить ситуацию в мире не слишком далекого будущего. Ситуацию, в которой мы все находимся сейчас. Ситуацию всеобщей глухоты и слепоты.

Коротко говоря, какие действия необходимо предпринять? Кратко перечислю основные.

1. Создание полноценных антологий музыкальных записей, учитывающих поставленные задачи применительно к конкретным национально-культурным традициям.

2. Издание популярной литературы о возможных результатах и технологии использования музыки для беременных и их детей.

3. Организация специальных центров, распространяющих музыку, а также идеи и методы ее использования.

4. Возможно, что для осуществления этого предложения необходимо создание специальной международной организации, контролирующей и управляющей этим процессом под совместным руководством ЮНЕСКО, ВОЗ и ЮНИСЕФ.

Не хочу обольщаться – благих последствий от осуществления этого предложения наше поколение не ощутит на себе. Мы в этом смысле безнадежно опоздали. Но у нас есть дети, внуки и вся последующая цепь поколений, кому суждено жить после нас на Земле. Речь идет о них. Их общении. Их взаимопонимании. Их совместном и счастливым гармоническом сосуществовании.

P. S.

Соображения, высказанные в статье, подкреплены моей композиторской работой.

В результате стилистического анализа музыкального фольклора планеты было выделено около двадцати стилистических регионов, в своей совокупности образующих основные типы музыкального мышления. Далее, в каждом регионе были выбраны наиболее репрезентативные культуры, в них – типовые жанры, в которых, в свою очередь – наиболее характерные мелодии (учитывая их эстетическую привлекательность для российского слушателя, удобопонимаемость и воспроизводимость на европейских инструментах).

После тщательной проверки на аутентичность (это было необходимо, потому что очень часто встречались откровенные подделки, в которых воспроизводилась только внешняя форма напева или наигрыша, тогда как его национальная духовно-содержательная сторона отсутствовала) эти мелодии были аранжированы для различных инструментов. Это делалось для того, чтобы одновременно с вхождением в культурно-стилистическую ауру музыки, осваивались и особенности различных тембров. Одновременно с аранжировками в собрание мелодий включены подлинные их записи, так что можно было получить достоверное представление о звучании народных мелодий.

Как показала практика, такая структура музыкальных программ оказалась оптимальной как для восприятия, так и для достижения желаемых результатов.

¹ Бертин, А. Воспитание в утробе матери или рассказ об упущенных возможностях. – СПб., 1992. – 29 с.

² Уитвелл, Ж. Э. Роль музыки в пренатальном и перинатальном развитии // Медико-психологические аспекты современной перинатологии. – М., 2001.

³ Юсфин, А. Г. Музыкальное воспитание в перинатальном периоде: проблема начала // Хрестоматия по перинатальной психологии. – М., 2005; Юсфин, А. Г. Мать и ребенок: интегральная целостность в пространстве музыки // Репродуктивное здоровье общества. – СПб., 2006; Юсфин, А. Г. Музыка – сила жизни. – СПб., 2006.

⁴ Спивак, Д. А. Измененные состояния массового сознания. – СПб., 1996. – 126 с.

СРЕДА ОБИТАНИЯ

ОСМЫСЛЕНИЕ НООСФЕРЫ

УДК 574:316
ББК 20.1:60.5

А. И. Субетто

НАУКИ О ЗЕМЛЕ КАК ПРИОРИТЕТНАЯ ОБЛАСТЬ ЗНАНИЙ В СИСТЕМЕ НООСФЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Анализируется ноосферизм как основа современного образования. По мнению автора, именно науки о Земле, содержащие ноосферные ориентиры, должны гармонично дополнять гуманитарный блок. Приводятся примеры школьных программ, базирующихся на ноосферной парадигме.

XXI век, по оценке автора, будет веком Ноосферизма, т. е. веком начала эпохи «Ноосферы будущего», в котором реализуется императив перехода человечества к управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества¹. Этот императив одновременно несет в себе смысл императива экологического выживания человечества, выхода из «ямы» первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, которая уже состоялась в конце XX в., и «петля» которой все туже сжимается на «шее» человечества, продолжающего упорно исповедовать природорасхитительные формы хозяйствования на базе ценностей частной собственности и рыночной свободы, культа прибыли и наживы, а также гедонистической формы потребления (все для наслаждения, все для удовольствия, все для утехы «тела» и мало для творчества и возвышения духа и сознания!!!).

Мир становится глобально связанным, но глобально связанным в двух полярных «полюсах» такой глобализации:

– на полюсе глобальной связанности через развертывающуюся Глобальную Экологическую Катастрофу и необходимость коллективного, «всечеловеческого» усилия по выходу из исторического тупика такой катастрофы;

– на полюсе империалистической глобализации, глобального империализма мировой финансовой капиталократии США, чья стратегия состоит в постановке ресурсов мира под свой контроль и в реализации медленного «умерщвления» «незолотых миллиардов» в течение XXI в. (эта модель 20 % : 80 % была озвучена на совещании мировых финансовых «олигархов» в отеле Фермонт в США в 1995 г.²

Второй полюс глобализации – полюс глобального империализма – таит в себе «ген» экологической гибели всей человеческой цивилизации на Земле уже к середине XXI в. Путь мондиализма – установления Нового Мирового Порядка по стратегии глобального империализма – утопичен, иллюзорен, он подобен стратегии «раковых клеток», съедающих свой собственный организм-донор, а потом погибающих вместе с ним.

У человечества нет иного выхода из экологического тупика истории (в форме первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы) кроме перехода на стратегию ноосферной, гармоничной социоприродной эволюции, востребующей социализм как форму бытия в новом качестве – качестве Ноосферного (духовного, экологического) Социализма или Ноосферизма, соединяющего в себе ноосферный и социалистический императивы³.

Ноосферизм, таким образом, как категория несет в себе два главных смысла.

Первый смысл – это новый синтез всех наук в XXI в. на основе системообразующей функции «Ноосферы будущего» в форме управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества; этот новый синтез есть развитие учения о ноосфере В. И. Вернадского, расширяющий его натурфилософские, естественнонаучные основания⁴, включающий в себя обществоведческие, человековедческие, техноведческие, гуманистические, глобально-экологические основания⁵.

Второй смысл – это новое качество бытия человечества, выражающееся в реализации принципа управляемости социоприродной эволюцией, вне которого «устойчивое развитие» человечества в XXI в. невозможно, и которое востребует реализацию требований закона опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образовательных систем в обществе, становящихся главным механизмом такого «восходящего, опережающего воспроизводства»; главной формой реализации ноосферного общества становится образовательное общество, в котором образование становится «базисом базиса» социально-экономического развития человечества, сгармонизированного с императивами сохранения и сбережения нетронутой природы, учета законов действия гомеостатических механизмов Биосферы и «Земли-Геи» (или «Гайи» по Дж. Лавлоку) как «суперорганизмов», обладающих всеми признаками самостоятельных «живых систем»⁶.

Эти два смысла взаимосвязаны. «Ноосферизм» как новая парадигма синтеза наук в XXI в., которая кладется в основу фундаментализации и гуманизации образования в XXI в., является условием реализации «Ноосферизма» как управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества.

При этом образование переходит в форму ноосферного образования точно так же, как и образовательное общество приобретает характер основы ноосферного общества. Образовательное общество есть ноосферное общество, т. е. ноосферное образовательное общество⁷.

В этом контексте, по нашей оценке, ноосферное образование есть единственная форма реализации непрерывного образования в России и в мире в целом, в пространстве которого обеспечивается становление ноосферного человека.

Человек космопланетарен и соответственно ноосферен по своей сущности. Именно с этого утверждения формируется исток учения о ноосфере и в целом космоантропоэкологии (в той или иной формулировке на это обращают внимание в своих трудах В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский, П. Тейяр де Шарден, В. П. Казначеев, Н. Н. Моисеев, А. Печчеи, Ф. Капра, Дж. Лавлок, У. Матурана, Ф. Варела и др.). Теперь нужно, чтобы эта космопланетарная сущность человека перешла в его реальное поведение, в его систему ценностей. Именно разрыв между императивом наличия у человека космопланетарного пространства сознания и реальным «обезьяньим пространством сознания» человека, уже не на уровне бытия, а на уровне мещанского быта («куда дотянется рука», цивилизация «ням-ням» в хлесткой характеристике С. Кургиняна), – один из главных гносеологических и аксиологических источников глобальной атропологической катастрофы, индикатором которой и служит первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы. На этом фоне рассуждения «просто так» об образовании, его содержании, компетенциях, профессионализме, без включения в теоретический дискурс этого императива ноосферизации образования, являются неадекватными тем реалиям мира, в которых живет человек, и которые взыскуют к его Ответственности за судьбы жизни на Земле, не только за свое Будущее, но и за Будущее Биосферы в ее современном состоянии, при доминировании жизни на базе окислительных процессов, т. е. «Окси-Биосферы».

Именно контекст такого императивного взгляда на бытие российско-го образования и на бытие человека в XXI в. определяет новый взгляд на место наук о Земле в системе современного непрерывного образования, в системе его фундаментальных оснований, а не только в тех секторах профессионального образования, которые готовят специалистов в области геологии, географии, геополитики, геоэкономики, геоэкологии и т. п.

Заметим, что само распространение приставки «гео» в разных направлениях рефлексии над интеграционными явлениями в современной науке⁸ отражает усиление процесса роста взаимосвязи «геофактора», т. е. фактора Земли и ее регионов как «геосистем», со всеми процессами социобиосферного развития человечества. Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы есть отражение этой растущей связанности.

Фритъор Капра, известный физик-теоретик, серьезно занимающийся глобальными проблемами феномена жизни на Земле и ее развития, создатель концепции «паутины жизни», подчеркивает, что *«основной конфликт приходится на взаимоотношение частей и целого»*⁹, который по отношению к человечеству («часть») и Биосфере и Земле-Гее, приобрел характер глобального экологического конфликта, приобретающего характер первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы. Помочь выйти из этого конфликта может только холистическое, системное мышление, формируемое интегративными, проблемно-ориентированными комплексами наук. Синтез таких комплексов в XXI в. носит ноосферно-ориентированный характер¹⁰. Академическое сообщество высшей школы, вся система Просвещения в России должны осознать прискорбный факт – факт «прощания с простотой»¹¹.

Таким образом, система наук о Земле, ее общетеоретические комплексы в виде геонимии, общей теории Земли¹², концептуальной и глобальной

экологии¹³, геополитики и геоэкономики, общей или синтетической географии, геоэкологии, геодезии, геофизики, теории геоэволюции и т. д. – в XXI в. приобретают ноосферные ориентиры в своем содержании. Думаю, что в заданном контексте можно и нужно говорить о становящихся новых парадигмах организации знаний о Земле, таких как ноосферная геология (или геономия), ноосферная география, ноосферная глобальная экология, ноосферная геофизика и т. п. Атрибут «ноосферная» означает, что в рамках этих наук, в «потоках научных идей»¹⁴ внутри этих наук формируется ноосферно-ориентированный проблемный синтез, происходит переориентация всех знаний наук о Земле на обеспечение социоприродной, сгармонизированной эволюции на базе принципа управляемости.

Комплекс наук о Земле, в нашей оценке, в новой ноосферной парадигме фундаментализации и гуманизации всех ступеней непрерывного образования в России должен приобрести высший приоритет.

Примером начала в становлении такой ноосферной парадигмы служит учебное пособие Н. М. Никифоровой для помощи учителям и ученикам в «элементарной школе» (1–6 классы) в якутской системе образования. Ряд школ Республики Саха (Якутия) в разных «улусах» начали внедрять ноосферно-экологическое образование с первого класса, где системно-комплексные знания о Земле в синтезе с астрономическими (космогоническими) знаниями, с учетом уровня и механизмов восприятия учеников в классах «элементарной школы», становятся системообразующими¹⁵. Вот как в предисловии «Совет учителям» пишет автор: *«Человек – дитя природы: природа дает человеку тепло, воду, пищу, укрытие. Ребенок становится человеком, познавая силы и тайны природы, придерживаясь законов поведения. С первого класса дети изучают начальные понятия географии, например, средний мир: родная мать – Земля (в учебном пособии, с учетом мифологических воззрений якутского эпоса, выделены: «верхний мир» – Солнце, звезды, планеты, Луна, мелкие тела солнечной системы, «средний мир» – Земля. – А. Субетто). Легенды, стихи, благословения, посвященные матери-земле.*

- Земля-планета.
- Форма Земли – шар, глобус.
- Океаны, континенты.
- Горы и равнины.
- Разнообразиие вещества на Земле: полезные ископаемые, воздух и вода»¹⁶.

Программа для 1–6 классов школы, с учетом возрастных особенностей детей, имеет разные уровни углубленного изучения. Их всего три: первому уровню соответствуют дети 7–8 лет, то есть учащиеся 1–2 классов; второму уровню – учащиеся 3–4 классов; третьему уровню – учащиеся 5–6 классов. Учебное пособие заканчивается словами: *«Ноосферное образование нацелено на восстановление экологического равновесия на планете и воспитание нового человека, отличительной чертой которого будет новое качество мышления – целостное мышление, определяющее ноосферное сознание»¹⁷*. Так пишет якутский учитель-методист, сформировавший в себе ноосферного человека, ноосферного учителя.

Думаю, настало время заговорить о всеобщей «геономизации» (и соответственно «географизации») фундаментального блока образования по всем направлениям и специальностям. Но при этом само содержание наук о Земле, при его трансформации в учебные дисциплины, должно

стать, во-первых, внутри себя системным, и во-вторых, ноосферно-системным, т. е. системным с позиции решения глобальных региональных экологических проблем и создания ноосферных регионов («провинций») при переходе к конкретным механизмам ноосферного социально-экономического управления (разные подходы представлены в монографиях М. И. Демчука и А. Т. Юркевича (2003), В. Н. Василенко (1997), Н. Н. Лукьянчикова, А. А. Улитина, Л. Д. Гагут (2006), А. М. Немчина, А. И. Субетто, Е. Ю. Сулова, Ю. Е. Сулова (2006) и др.). Подчеркнем, что систематизация содержания наук о земле должна опираться на современные достижения в области теории системной или структурной гармонии, гомеостатики, метатаксономии, общей теории классифицирования, системогенетики, теории циклов и циклометрии, синтетической квалиметрии, квалиметрии экологического риска и т. п.¹⁸

Сами науки о Земле также должны пройти свой синтез. Он уже осуществляется. Здесь необходимо отметить вклад в этот процесс В. И. Вернадского, А. Д. Анучина, А. Е. Ферсмана, И. В. Крутя, А. Н. Ласточкина, Н. Ф. Реймерса и др.

Сам процесс структуризации таких сверхсложных систем, каковыми являются Земля и Биосфера, требует использования на основе «принципов дополнения» разных подходов, в которых ключевыми понятиями являются «сферы», «регионы», «таксоны», «комплексы», «ареалы», «системы» («экосистемы») и т. д. Работа эта идет, но она далека от «идеала». Здесь важное место должен занять системно-эволюционный или системогенетический подход, позволяющий соединить системный и эволюционный подходы.

Комплекс наук о Земле не противостоит гуманитарному блоку наук, а его дополняет. С нашей позиции действует Принцип Большого Эколого-Антропоного Дополнения¹⁹, в соответствии с которым проблемы глобальной экологии, выхода человечества из глобального экологического кризиса не могут быть решены без решения проблем бытия «Человека-Наблюдателя», без развития его Разума, превращения в Ноосферный разум, без решения вопросов социальной справедливости, включая вопрос глобальной социальной справедливости. О. Д. Волчек назвала свою монографию «Геокосмос и человек» (2006), подчеркивая процесс геокосмизации наук, без которой человек не сможет правильно решить проблемы своего бытия на Земле. А это и означает формирование в пространстве ноосферного образования «космопланетарного пространства сознания», которое позволило бы человеку выполнить в XXI в. ноосферный императив.

Еще в 1930-х гг. В. И. Вернадский выступал против господствующего механистического воззрения, основанного на методах и выводах физико-математических дисциплин. И считал, что преодоление механистической формы научного мышления связано с учением о биосфере и ноосфере²⁰, поскольку сверхсложные организмические системы требуют нелинейного, циклогенного, холистического метода мышления и в целом познания. Теория автопоэза У. Матураны и Ф. Варелы, концепция «паутины жизни» Ф. Капры, концепция живого пространства и феномена интеллекта В. П. Казначеева и А. В. Трофимова развивают учение о ноосфере Вернадского и опираются на сугубо нелинейную системную методологию. Н. Н. Моисеев в работе «Расставание с простотой» писал:

«Многие уже начинают понимать, что мы живем не только в эпоху заката PAX AMERIKANA, но и той рыночной системы, которая установилась в последние десятилетия XX века. Но для этого в эволюцию МИРА ТНК должен ворваться Коллективный Интеллект...»²¹.

Ноосферизм и диктуемый им высший приоритет наук о Земле в становлении современного профессионализма трудно переоценить.

В настоящее время снова главы стран Запада поднимают вопрос о «парниковом эффекте», связанном с выбросами газа CO₂. А так ли это? И Е. П. Борисенков, и К. Я. Кондратьев показывали, что вклад углеродного цикла в потепление климата незначителен. А вот поступление метана в атмосферу в северных широтах из болот (эффект «самоусиления»), по данным Г. С. Голицина, директора Института физики атмосферы РАН, интенсифицируемое потеплением, может стать источником климатической катастрофы²². Ю. Н. Гладкий назвал свою последнюю монографию «Россия в лабиринтах географической судьбы» (2006), которая уже своим названием указывает на особую значимость наук о Земле, в данном случае экономической и геополитической географии, для правильного выбора стратегии развития такой страны, как Россия. И это закономерно. Россия – самая холодная евразийская цивилизация с общинным, коллективистским укладом жизни (кстати, обусловленным суровым климатом), в которой действие географического детерминизма, в частности закона энергетической стоимости, особенно «выпукло» проявляется²³. Поэтому именно в России появились и Русский Космизм, и учение о ноосфере В. И. Вернадского, и советский социализм, и произошел первый прорыв человека в Космос в лице Юрия Гагарина.

Россия, я думаю, первой осуществит и прорыв в ноосферное образование, в котором науки о Земле получают высший приоритет, поскольку только ноосферный человек и ноосферный учитель смогут поднять на своих плечах проблему прорыва человечества к Новой Ноосферной Истории.

¹ Субетто, А. И. Сочинения. Ноосферизм. Т. 1. Введение в ноосферизм. Ноосферизм: движение или новая мировоззренческая система? / Под ред. Л. А. Зеленова. – СПб.; Кострома, 2006. – 644 с.; Субетто, А. И. Сочинения. Ноосферизм. Т. 2. Капиталократия. Мифы либерализма и судьба России. Глобальный империализм. Ноосферно-социалистическая альтернатива. Разум и Анти-Разум / Под ред. Л. А. Зеленова. – СПб., 2006. – 694 с.; Субетто, А. И. Сочинения. Ноосферизм. Т. 3. Россия в XXI веке в контексте действия ноосферного и социалистического императивов / Под ред. Л. А. Зеленова. – СПб.; Кострома, 2006. – 482 с.; Субетто, А. И. Сочинения. Ноосферизм. Т. 4. Ноосферное или Неклассическое Человековедение: поиск оснований / Под ред. Л. А. Зеленова. – Кострома, 2006. – 1000 с.; Субетто, А. И. Сочинения. Ноосферизм. Т. 5. Ноосферное или Неклассическое Обществоведение: поиск оснований / Под ред. Л. А. Зеленова. – Кострома, 2007. – 1148 с.

² Мартин, Г. П. Западная глобализация. Атака на процветание и демократию / Г. П. Мартин, Х. Шуман. – М., 2001. – С. 53.

³ Субетто, А. И. Ноосферизм. Т. 1. Введение в ноосферизм. – СПб., 2001. – 537 с.; Субетто, А. И. Сочинения. Ноосферизм. Т. 1. Введение в ноосферизм. Ноосферизм: движение или новая мировоззренческая система? / Под ред. Л. А. Зеленова. – СПб.; Кострома, 2006. – 644 с.; Субетто, А. И. Сочинения. Ноосферизм. Т. 2. Капиталократия. Мифы либерализма и судьба России. Глобальный империализм. Ноосферно-социалистическая альтернатива. Разум и Анти-Разум / Под ред. Л. А. Зеленова. – СПб., 2006. – 694 с.; Субетто, А. И. Сочинения. Ноосферизм. Т. 3. Россия в XXI веке в контексте действия но-

осферного и социалистического императивов / Под ред. Л. А. Зеленова. – СПб.; Кострома, 2006. – 482 с.; Субетто, А. И. Сочинения. Ноосферизм. Т. 4. Ноосферное или Неклассическое Человековедение: поиск оснований / Под ред. Л. А. Зеленова. – Кострома, 2006. – 1000 с.; Субетто, А. И. Сочинения. Ноосферизм. Т. 5. Ноосферное или Неклассическое Обществоведение: поиск оснований / Под ред. Л. А. Зеленова. – Кострома, 2007. – 1148 с.

⁴ Вернадский, В. И. Философские мысли натуралиста. – М., 1988. – 520 с.; В. И. Вернадский: pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент. А. В. Лапо. – СПб., 2000. – 872 с.; Владимир Вернадский : Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. – М., 1993. – 688 с.

⁵ Субетто, А. И. Сочинения. Ноосферизм. Т. 1. Введение в ноосферизм. Ноосферизм: движение или новая мировоззренческая система? / Под ред. Л. А. Зеленова. – СПб.; Кострома, 2006. – 644 с.; Субетто, А. И. Сочинения. Ноосферизм. Т. 4. Ноосферное или Неклассическое Человековедение: поиск оснований / Под ред. Л. А. Зеленова. – Кострома, 2006. – 1000 с.; Субетто, А. И. Сочинения. Ноосферизм. Т. 5. Ноосферное или Неклассическое Обществоведение: поиск оснований / Под ред. Л. А. Зеленова. – Кострома, 2007. – 1148 с.

⁶ Капра, Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Пер. с англ. под ред. В. Г. Трилиса. – К.; М., 2003. – 336 с.; Казначеев, В. П. Космопланетарный феномен человека : Проблемы комплексного изучения / В. П. Казначеев, Е. А. Спириг; отв. ред. Л. М. Непомнящих. – Новосибирск, 1991. – 304 с.; Вернадскианская революция в системе научного мировоззрения – поиск ноосферной модели будущего человечества в XXI веке / Под науч. ред. А. И. Субетто. – СПб., 2003. – 592 с.; Куликович, А. Е. «Мироздание витем» и ритмогенез // Циклы природы и общества : Материалы 3-й междунар. конференции «Циклы природы и общества», Ставрополь, 16–21 октября 1995 г. Вып. 1–2. – Ставрополь, 1995. – С. 206–208; Субетто, А. И. Человековедческие основания российского образования и императива его гуманизации // Казначеев, В. П. Проблемы человековедения. – М.; Новосибирск, 1997. – С. 300–349; Антонович, Е. Третий путь развития философии и общества. Кн. 1. Философия триединого синтеза. – СПб., 2007. – 528 с.; Петров, Н. В. Светомбр : Свето-магнито-биологический ритм жизни Вселенной / Н. В. Петров, М. М. Третьяков. – СПб., 2006. – 440 с. и др.

⁷ Субетто, А. И. Образовательное общество как форма бытия ноосферного общества. – СПб.; Кострома, 2006. – 178 с.

⁸ Проектирование геосистемы: от философии к практике / Под ред. В. Б. Самсонова и Д. В. Прохорова. – Саратов, 2007. – 240 с.; Демчук, М. И. Республика Беларусь: системные принципы устойчивого развития / М. И. Демчук, А. Т. Юркевич. – Минск, 2003 – 342 с.; Кондратьев, К. Я. Экодинамика и геополитика. Т. 1. Глобальные проблемы / К. Я. Кондратьев, В. К. Донченко. – СПб., 1999. – 1032 с.; Григорьев, А. А. Экодинамика и геополитика. Т. 2. Экологические катастрофы / А. А. Григорьев, К. Я. Кондратьев. – СПб., 2001. – 687 с.; Реймерс, Н. Ф. Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология. – М., 1992. – 367 с.; Реймерс, Н. Ф. Экология. Теории, законы, правила, принципы и гипотезы. – М., 1994. – 307 с.; Круть, И. В. Введение в общую теорию земли. Уровни организации геосистем. – М., 1978. – 340 с.; Круть, И. В. Очерки истории представлений о взаимоотношениях природы и общества / И. В. Круть, И. М. Забелин; предисл. Б. С. Соколова, Р. С. Карпинской. – М., 1988. – 416 с.; Нурышев, Г. Н. Регионы современной России: геополитические детерминанты. – СПб., 2005. – 399 с.; Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Вып. 1. – СПб., 2001. – 378 с.

⁹ Капра, Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Пер. с англ. под ред. В. Г. Трилиса. – К.; М., 2003. – 336 с.

¹⁰ Субетто, А. И. Ноосферизм. Т. 1. Введение в ноосферизм. – СПб., 2001. – 537 с.; Субетто, А. И. Образовательное общество как форма бытия ноосферного общества. – СПб.; Кострома, 2006. – 178 с.; Субетто, А. И. Основы системологии образования : В 2-х кн. – 2-е изд. – М., 2006; Лукьянчиков, Н. Н. Экономико-организационный механизм ноосферного развития / Н. Н. Лукьянчиков, А. А. Улитин, Л. Д. Гагут. – М., 2006. – 320 с.; Василенко, В. Н. На пути к ноосфере. Стратегия развития общества переходного периода (проблемы природопользования Казахстана). Методологии, институты, критерии, менеджмент. – Алматы, 1997. – 387 с.; Немчин, А. М. Теоретические основы и методология социально-экономического управления России XXI века: ноосферный аспект / А. М. Немчин, А. И. Субетто, Е. Ю. Сулов, Ю. Е. Сулов; под общ. ред. А. И. Субетто. – СПб., 2006. – 320 с.; Демчук, М. И. Республика Беларусь: системные принципы устойчивого развития / М. И. Демчук, А. Т. Юркевич. – Минск, 2003 – 342 с.

¹¹ Моисеев, Н. Н. Расставание с простой. – М., 1998. – 480 с.

¹² Круть, И. В. Введение в общую теорию земли. Уровни организации геосистем. – М., 1978. – 340 с.; Развитие учения о времени в геологии / [В. И. Оноприенко, К. В. Симаков, С. В. Мейен и др.; отв. ред. А. С. Поваренных, В. И. Оноприенко]. – Киев, 1982. – 413 с. и др.

¹³ Реймерс, Н. Ф. Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология. – М., 1992. – 367 с.; Реймерс, Н. Ф. Экология. Теории, законы, правила, принципы и гипотезы. – М., 1994. – 307 с. и др.

¹⁴ Елисеев, Э. Н. Потоки идей и закономерности развития естествознания / Э. Н. Елисеев, Ю. В. Сачков, Н. В. Белов. – Л., 1982. – 300 с.

¹⁵ Никифорова, Н. М. Темы астрономии и географии в обучении интегрированному курсу «Природа и человек» в 1–6 классах ноосферно-экологической системы образования (в помощь учителям и учащимся). Якутск, 2006. – 200 с.

¹⁶ Там же. – С. 5.

¹⁷ Там же. – С. 193.

¹⁸ Приведу только ссылки на ряд авторов, далеко не исчерпывающие перечень работ в этих областях: Сороко, Э. М. Структурная гармония систем / Э. М. Сороко; под ред. Е. М. Бабосова. – Минск, 1984. – 264 с.; Потапов, А. И. Мониторинг, контроль, управление качеством окружающей среды : В 3 ч. Ч. 3. Оценка и управление качеством окружающей среды / А. И. Потапов, В. Н. Воробьев, Л. Н. Карлин, А. А. Музалевский. – СПб., 2005. – 600 с.; Реймерс, Н. Ф. Экология. Теории, законы, правила, принципы и гипотезы. – М., 1994. – 307 с.; Круть, И. В. Введение в общую теорию земли. Уровни организации геосистем. – М., 1978. – 340 с.; Елисеев, Э. Н. Потоки идей и закономерности развития естествознания / Э. Н. Елисеев, Ю. В. Сачков, Н. В. Белов. – Л., 1982. – 300 с.; Субетто, А. И. «Метаклассификация» – наука о механизмах и закономерностях классифицирования. В 2-х кн. – М., 1994; Субетто, А. И. Системогенетика и теория циклов. В 2-х кн. – М., 1994; Субетто, А. И. Системологические основы образовательных систем. В 2-х кн. – М., 1994; Субетто, А. И. Квалиметрия. – СПб., 2002. – 288 с.; Субетто, А. И. Основы системологии образования. В 2-х кн. – 2-е изд. – М., 2006; Смирнов, В. С. Пространственная теория материи. Основания геометрической физики. – СПб., 2005. – 612 с.; Развитие учения о времени в геологии / [В. И. Оноприенко, К. В. Симаков, С. В. Мейен и др.; отв. ред. А. С. Поваренных, В. И. Оноприенко]. – Киев, 1982. – 413 с.; Ходьков, А. Е. Основы космогонии. О рождении миров, Солнца и Земли / А. Е. Ходьков, М. Г. Виноградова. – СПб., 2004. – 335 с.; Петров, Н. В. Светомбр : Свето-магнито-биологический ритм жизни Вселенной / Н. В. Петров, М. М. Третьяков. – СПб., 2006. – 440 с.; Гомеостатика живых, технических, социальных и экологических систем : Коллективная монография / Отв. ред. Ю. М. Горский. – Новосибирск, 1990. – 350 с.

¹⁹ Субетто, А. И. Ноосферизм. Т. 1. Введение в ноосферизм. – СПб., 2001. – 537 с.

²⁰ Вернадский, В. И. Философские мысли натуралиста. – М., 1988. – 520 с.

²¹ Моисеев, Н. Н. Расставание с простой. – М., 1998. – С. 387.

²² Баландин, Р. К. Цивилизация против природы. Что происходит с погодой и климатом?. – М., 2004. – 384 с.

²³ Субетто, А. И. Сочинения. Ноосферизм. Т. 3. Россия в XXI веке в контексте действия ноосферного и социалистического императивов / Под ред. Л. А. Зеленова. – СПб.; Кострома, 2006. – 482 с.

УДК 574
ББК 20.1

В. С. Ермолаев, М. В. Иночкин,
И. П. Пузык, М. В. Пузык

ПАРНИКОВЫЙ ЭФФЕКТ: ДИОКСИД УГЛЕРОДА И АНТРОПОГЕННЫЙ ФАКТОР

Представлены анализ ряда свойств углекислого газа и мнение авторов о том, что Киотский протокол и мероприятия, с ним связанные, не имеют серьезного научного обоснования.

Научно-технический прогресс существенным образом изменил человеческое общество. Прежде всего, вооружив его значительным количеством теорий, методик, приборов, которые позволяют осуществлять мониторинг различных сфер нашей жизни. Со второй половины XX в. стало формироваться экологическое сознание человеческого общества, что привело к запрещению ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой (1963 г.), чуть позже – к защите озонового слоя Земли (1987 г.). Новый всплеск активности по охране окружающей среды привел к созданию Киотского протокола (1997 г.), который является первым международным соглашением об охране окружающей среды, основанным на рыночных механизмах регулирования, в том числе – механизме международной торговли квотами на выбросы парниковых газов. Страны протокола определили для себя количественные обязательства по ограничению либо сокращению выбросов парниковых газов на период с 1 января 2008 г. по 31 декабря 2012 г. Цель ограничений – снижение в этот период совокупного среднего уровня выбросов 6 газов (CO_2 , CH_4 , гидрофторуглеродов, перфторуглеродов, N_2O , SF_6) на 6 % по сравнению с уровнем 1990 г.

Однако, на наш взгляд, в средствах массовой информации не корректно освещаются научные данные, касающиеся той части Киотского протокола, в которой говорится о влиянии деятельности человека, газов антропогенного происхождения (CO_2) на парниковый эффект. Ниже мы приводим аргументы, основанные на различных источниках, и свою точку зрения на влияние деятельности человека на объем углекислого

газа в атмосфере планеты (количество выбросов других пяти газов столь мало по сравнению с CO_2 , что мы эти данные не рассматриваем).

Газовая оболочка планеты Земля – атмосфера – всегда вызывала повышенный исследовательский интерес у геологов, химиков, физиков, экологов. Со второй половины XX в. возможность изучения планет Солнечной системы открыла новую страницу в области изучения атмосферы, но уже других космических объектов: Венеры, Марса, Луны...

Скрупулезный анализ осадочных и иных пород позволяет реконструировать атмосферные особенности нашей планеты в разные геологические эпохи. Причем самая древняя атмосфера¹ очень схожа с венерианской или марсианской: значительная концентрация диоксида углерода (CO_2 более 90 %), содержание молекулярного азота не более 10 %, и незначительное количество аргона ($\text{Ar} \approx 1$ %). Согласно существующим гипотезам, это объясняется тем, что в течение первых миллиардов лет происходила интенсивная дегазация земных недр, в том числе и благодаря вулканической деятельности, что и привело к формированию первичной атмосферы с доминированием именно диоксида углерода.

Появление на Земле жизни, а именно зеленых (хлорофиллсодержащих) растений, привело к существенному изменению количественного и качественного состава атмосферных газов (табл. 1). Уже многие миллионы лет на Земле преобладают молекулярные азот и кислород, а углекислый газ выполняет лишь роль активного компонента, массовая доля которого в настоящее не превышает нескольких сотых процента².

Таблица 1

Современный состав (об. %) сухого воздуха тропосферы

Газ	Формула	Содержание
Молекулярный азот	N_2	78,09
Молекулярный кислород	O_2	20,95
Аргон	Ar	0,93
Углекислый газ (диоксид углерода)	CO_2	0,034
Неон	Ne	$5,24 \cdot 10^{-4}$
Гелий	He	$1,0 \cdot 10^{-4}$
Криптон	Kr	$5,0 \cdot 10^{-5}$
Ксенон	Xe	$8,0 \cdot 10^{-6}$
Озон	O_3	$1,0 \cdot 10^{-6}$

Известно, что молекула CO_2 малореакционная, имеет линейную конфигурацию, состоит преимущественно из стабильных изотопов (^{12}C и ^{16}O). В ней имеются две двойные химические связи, обуславливающие эффективное поглощение излучения Земли в ИК-диапазоне: 4,15 мкм, 7,4 мкм и 14,9 мкм. Часть этой поглощенной энергии может передаваться другим молекулам атмосферы при столкновении³. Все эти процессы могут приводить к повышению температуры атмосферы. Поэтому данный газ (и ему подобные пары воды, метан, оксиды азота и т. п.) и называют парниковым.

При обычных температурах и давлении углекислый газ не поддерживает ни горение, ни дыхание. Он ограниченно растворим в воде: как и

для любого газа, с повышением температуры растворимость уменьшается, а с уменьшением температуры повышается: в 1 л H_2O при $0\text{ }^\circ C$ растворяется 1,7 л CO_2 , а при $15\text{ }^\circ C$ – 1 л⁴. Представим идеальную ситуацию: средняя температура мирового океана $+15\text{ }^\circ C$, его площадь более 360 млн км². Следовательно, слой мирового океана толщиной 1 м может содержать около $3,6 \cdot 10^{17}$ л CO_2 , что соответствует 710 млрд т газа (1 л CO_2 весит около 2 г при этих условиях). Однако известно⁵, что средняя концентрация углекислого газа в мировом океане около 2,3 ммоль/л. Это соответствует тому, что выбранный нами слой мирового океана реально содержит 36 млрд т газа, то есть в 20 раз меньше, чем насыщенный раствор. И понятно, почему. Концентрация газа в растворе описывается законом Рауля, то есть определяется его парциальным давлением: будет давление (содержание) газа над раствором больше, больше будет и концентрация в растворе – мировом океане.

С 70-х гг. XX в. в области экологии наблюдается тенденция создания пессимистических прогнозов на основе анализа данных современного развития промышленности. Рост промышленности, или, как его называют некоторые экологи, «антропогенный, или индустриальный фактор», обуславливает, якобы, повышение температуры атмосферы и ухудшение общей экологической обстановки. Приводимые ими цифры действительно указывают на значительный рост промышленности даже в некогда отсталых районах планеты (например, Юго-Восточной Азии). Наиболее красноречиво об этом может свидетельствовать рост потребляемой нефти⁶, (табл. 2). На наш взгляд, именно нефть является наиболее используемым энергетическим сырьем. Данные табл. 2 указывают на плавное увеличение экспорта, а следовательно, и потребления нефти за последние 20 лет. Более того, с начала 1980-х гг. до настоящего времени эти цифры возросли в 2 раза.

Для дальнейших рассуждений округлим величину добычи нефти за 2003 г. (1986 млн т) до 2 млрд т и увеличим ее в 2 раза; то есть предположим, что добыча превышает экспорт в 2 раза, это будет соответствовать мировой добыче нефти – 4 млрд т. Значительная доля этого углеводородного сырья расходуется, прежде всего, на производство топлива (бензина, керосина или дизельного топлива).

Таблица 2

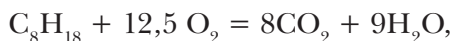
Мировой экспорт нефти (10 барр. = 1,36 т)

Год	Млн барр. в день	Млн т в день	Млн т в год
1983	21	2,9	1059
1985	21	2,9	1059
1987	22,6	3,1	1131
1989	25,9	3,5	1278
1991	27,9	3,8	1387
1993	30	4,1	1489
1995	32	4,4	1606
1997	34,8	4,7	1716
1999	36,2	4,9	1789
2001	38,2	5,2	1898
2003	40	5,4	1986

Попробуем проанализировать эти числа, сделав опять некоторые допущения:

1) пусть из всей массы нефти получается со 100%-ным выходом только бензин, т. е. 4 млрд т изооктана (C_8H_{18});

2) пусть получаемый бензин на 100 % сгорает до CO_2 и H_2O , т. е. справедливо будет следующее уравнение:

согласно которому, из 4 млрд т C_8H_{18} получится примерно 12 млрд т CO_2 , который естественным образом обогатит атмосферу.

На наш взгляд, данное количество с лихвой перекрывает иные источники органического топлива, используемые человечеством (газ, уголь, дрова и т. д.).

Известно⁷, что масса атмосферы составляет $5,15 \cdot 10^{15}$ т. В ней на долю CO_2 приходится по массе 0,04 %, т. е. 206000 млрд т. Таким образом, сравнению подлежат суммированные в табл. 3 следующие данные, касающиеся диоксида углерода.

Таблица 3

Местонахождение углекислого газа и его масса

Местонахождение	Масса, млрд т
Современная атмосфера	206000
Может быть в слое мирового океана толщиной 1 м	720
Реально существует в слое мирового океана толщиной 1 м	36
Гипотетически выбрасываемый в атмосферу при сжигании всей нефти (бензина) в год	12

Как следует из табл. 3, антропогенный углекислый газ (12 млрд т) не составляет и одной сотой доли процента по сравнению с CO_2 , находящимся в атмосфере. Поэтому эта бесконечно малая величина не может оказать существенное влияние на парниковый эффект на Земле.

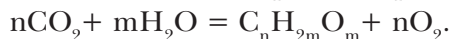
Сегодняшние взгляды и дискуссии о планетарном влиянии CO_2 на климат имеют исторические корни. Так, в 1903 г. великий ученый Сванте Аррениус, рассуждая о чередовании оледенений и потеплений, высказал гипотезу о том, что эти явления связаны с интенсивностью вулканической деятельности. Ибо вулканическая деятельность в значительной степени ответственна за генерацию парниковых газов. С. Аррениус подсчитал, что утроение содержания CO_2 в атмосфере приведет к повышению температуры на 8–9 градусов⁸. После этого появилось много теорий за и против. Но мы бы обратили внимание и на другой факт – на данные геологии⁹, указывающие на различное содержание в атмосфере углекислого газа в разные периоды времени (табл. 4).

Содержание CO₂ в атмосфере Земли в разные геологические периоды

Эра	Период	Продолжительность, млн лет назад	Содержание CO ₂ , % об.
Архейская	–	4000–3000	более 90
Палеозойская	Кембрийский	570–500	0,19
	Ордовикский	500–443	–
	Силурийский	443–405	–
	Девонский	405–350	0,40
	Каменноугольный	350–285	0,25
	Пермский	285–235	0,25
Мезозойская	Триасовый	235–65	0,11*
	Юрский		
	Меловой		
Кайнозойская	Палеогеновый	65–25	0,12
	Неогеновый	25–2	0,19
	Голоценовый (антропогеновый)	2–настоящее время	0,055–0,034

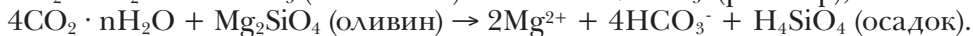
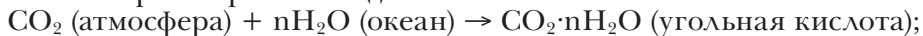
* Данные по периодам отсутствуют.

Как нетрудно заметить, в предыдущие периоды в атмосфере Земли было в несколько раз больше (!) диоксида углерода, но тогда не было человека и его влияния. Куда же исчез этот избыточный диоксид углерода? Как утверждают специалисты-биологи, повышение содержания CO₂ в атмосфере (и гидросфере одновременно) приводит к росту биомассы, преимущественно фитомассы, за счет процесса фотосинтеза:

Изменение климатических условий может привести к последующей частичной «консервации» биомассы в виде торфа, нефти, угля, карбонатов (мрамор, мел и т. п.).

Существуют и иные пути связывания диоксида углерода. Это растворение его в воде мирового океана (помним, что на долю мирового океана приходится более 70 % поверхности планеты), в том числе и за счет «химического» растворения осадков:

Хорошо известно¹⁰, что осадочные породы в основном представлены кварцитами (70 %), известняками (CaCO₃) и доломитами (CaMg(CO₃)₂) – около 20 %. Таким образом, можно утверждать, что планета Земля является саморегулирующейся системой как с точки зрения живой, так и неживой природы, хотя наличие локальных экологических проблем никто не отрицает и с фактом загрязнения гидросферы и атмосферы да и в целом биосферы никто не спорит.

Иногда в обычных водоемах осенью в результате инверсии температур (резкого снижения температуры атмосферы) происходит смена придонных и приповерхностных слоев водоема. Как правило, придонные слои более насыщены углекислым газом, чем приповерхностные, и сильно

обеднены (а порой и не содержат) молекулярным кислородом. В результате смены давления происходит дегазация новых поверхностных вод и обогащение атмосферы CO_2 . Известна катастрофа¹¹, произошедшая 21 августа 1986 г. в окрестностях вулканического озера Ниос (Камерун). Из придонных слоев вышло облако CO_2 объемом около 1 млрд м^3 и накрыло близлежащую долину (CO_2 в 1,5 раза тяжелее воздуха), вызывая удушье у тысячи людей и животных. Эта катастрофа, вероятно, связана с дегазацией магмы на небольшой глубине земной коры и просачиванием диоксида углерода в придонные воды, где газ накапливался до концентраций, близких к насыщению. Отсюда следует, что масштаб деятельности человека в настоящее время не сопоставим с природными явлениями ни по энергии, ни по массе. Поэтому постоянное исследование своей малой и большой родины должно оставаться приоритетным.

Анализ информации о свойствах углекислого газа, имеющейся в открытой печати, вызывает, мягко говоря, недоумение у авторов, особенно когда российские чиновники с радостью говорят о ратификации Киотского протокола. Тогда как парламенты ряда ведущих экономических держав (США, Китая, Индии, Австралии), после консультаций со своими научными сообществами, отказались его ратифицировать. Возможно, существуют какие-то иные (например, политико-экономические) аспекты, не известные авторам, и вряд ли это те антропогенные 12 млрд т CO_2 , которые не превышают 0,006 % от всей массы диоксида углерода атмосферы. Вероятно, отечественных чиновников «беспокоит» та часть Киотского протокола, которая позволяет торговать квотами на парниковые газы. Но тогда правительство об этом должно говорить прямо, не вводя в заблуждение своих граждан.

Кроме того, Монреальский протокол об охране озонового слоя был подписан в 1987 г. только потому, на наш взгляд, что мониторинг количества озона однозначно показал наличие озоновых дыр и увеличение числа фреонов в атмосфере над Антарктидой. В какой-то степени этот факт был установлен экспериментально. На наш взгляд, увеличение количества углекислого газа за последние 300 лет, о котором говорят в последние десятилетия, необходимо соотносить, прежде всего, с колебаниями концентрации углекислого газа на большем временном отрезке, а также с изменением концентрации молекулярного кислорода, активностью Солнца, сдвигами земной коры, деятельностью вулканов. К сожалению, сводный анализ этих показателей и информация о них в соответствующей литературе отсутствует.

¹ Тугаринов, А. И. Общая геохимия. – М., 1973. – 288 с.; Андруз, Д. Введение в химию окружающей среды : Пер. с англ. / Д. Андруз и др. – М., 1999. – 271 с.

² Андруз, Д. Введение в химию окружающей среды : Пер. с англ. / Д. Андруз и др. – М., 1999. – 271 с.

³ Ахметов, Н. С. Общая и неорганическая химия. – М., 1998. – 743 с.; Роговая, О. Г. Основы экологической химии / О. Г. Роговая, Ю. Б. Яковлев. – СПб., 2000. – 177 с.

⁴ Ахметов, Н. С. Общая и неорганическая химия. – М., 1998. – 743 с.

⁵ Мияки, Я. Основы геохимии. – Л., 1969. – 328 с.

⁶ Прокофьев, И. В. Нефть и газ в оценках ОПЕК // Мировая экономика. – № 10. – 2004.

⁷ Тугаринов, А. И. Общая геохимия. – М., 1973. – 288 с.

⁸ Мияки, Я. Основы геохимии. – Л., 1969. – 328 с.

⁹ Роговая, О. Г. Основы экологической химии / О. Г. Роговая, Ю. Б. Яковлев. – СПб., 2000. – 177 с.

¹⁰ Андруз, Д. Введение в химию окружающей среды : Пер. с англ. / Д. Андруз и др. – М., 1999. – 271 с.

¹¹ Там же.

УДК 614.2
ББК 51.1

А. В. Карпов

ТУБЕРКУЛЕЗ В РОССИИ: ПРОГНОЗ НА БУДУЩЕЕ

Дается оценка современному состоянию заболеваемости туберкулезом в России. Обсуждаются причины роста заболеваемости и возможности преодоления негативной тенденции.

С 6 по 8 июня 2007 г. в Москве прошел VIII съезд фтизиатров России. Говорили много, путано, обо всем и сразу. И хотя в редких выступлениях звучала тревога за состояние дел с туберкулезом, за будущее фтизиатрии как науки и ветви отечественного здравоохранения, но в общем хоре славословия она тонула, как камешки, брошенные в бескрайнее море.

Что же на самом деле происходит сегодня в России с туберкулезом? Каковы реальные шансы справиться с этой бедой в масштабах всей страны? И самое главное, что же нас ожидает в будущем?

Вот на эти вопросы я и попытаюсь дать ответы в своей статье.

А дело с туберкулезом в современной России обстоит очень и очень непросто. Вот официальные данные, приведенные в письме первого заместителя генерального прокурора России А. Э. Буксмана к первому вице-премьеру Правительства Российской Федерации Д. И. Медведеву «О необходимости принятия мер по исполнению законодательства о предупреждении распространения туберкулеза», составленные по результатам проверки, проведенной противотуберкулезной службой России. В частности, он пишет: «Устойчивая тенденция к росту в России заболеваемости туберкулезом вызывает серьезную обеспокоенность. В 2006 году уровень впервые зарегистрированных случаев туберкулеза составил 117646, или 84,2 случая на 100 тысяч населения. Контингент больных составил 289015, или 202,5 на 100 тысяч населения. Число инфицированных туберкулезом детей за последнее десятилетие увеличилось в два раза»¹.

Далее он приводит неутешительную статистику по заболеваемости туберкулезом в пенитенциарных учреждениях: «Несмотря на меры, принимаемые Федеральной службой исполнения наказаний, в последние годы количество больных туберкулезом, содержащихся в учреждениях

уголовно-исполнительной системы, снизилось незначительно. По данным ФСИН, в 2006 году их количество составило 47431 человек (в 2005 году – 48370, 2004 году – 50915). Ежегодно в места лишения свободы поступают около 20 тысяч больных туберкулезом. Остается высоким показателем распространенности больных с лекарственно-устойчивыми формами туберкулеза. Особую тревогу вызывает то, что лишь 60 % больных туберкулезом, освобожденных из мест лишения свободы, впоследствии обращаются за противотуберкулезной помощью в учреждения здравоохранения»².

И делает вывод: «Основной причиной сложившейся ситуации является недостаточное бюджетное финансирование и ненадлежащее материально-техническое оснащение противотуберкулезных лечебных учреждений»³.

Здесь я бы хотел обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, фактически уже на протяжении десяти лет уровень заболеваемости и смертности от туберкулеза не имеет тенденции к снижению. Все цифры «снижения» этих показателей в последние годы, о чем так лихо рапортовали на съезде фтизиатров, с научной точки зрения не имеют достоверной значимости, то есть находятся в интервале доверительных связей. Таким образом, легко развеивается миф о наступившем переломе в борьбе с туберкулезом в России. Об этом говорят и эксперты ВОЗ. Они утверждают, что число случаев заболеваний туберкулезом в России будет расти⁴.

Во-вторых, и это существенно, растет инфицированность детского населения страны, а вслед за этим возможен всплеск заболеваемости детей. Это очень тревожный симптом. Строго говоря, понятие инфицированности у детей очень запутанное. В том смысле, что все или почти все дети в стране от рождения прививаются вакциной БЦЖ и ревакцинируются по мере ослабления иммунитета. То есть фактически все дети искусственно инфицированы туберкулезом. Но тем не менее на этом фоне защиты детского организма ежегодно регистрируются случаи «истинной» инфицированности, то есть заражение туберкулезом от окружающих людей в результате суперинфекции, которая прорывает оборону, создаваемую вакциной БЦЖ.

В результате идет незначительный рост удельного веса детского населения, зараженного болезнетворными микобактериями туберкулеза. Чаще всего это определяется виражом туберкулиновых проб или гиперергической реакцией на пробу Манту, которая ежегодно ставится детскому населению страны. Если пятнадцать лет назад удельный вес таких детей не превышал по стране 1,5–3 %, то сейчас ситуация резко изменилась и количество виражей и гиперергических реакций превышает в некоторых регионах страны уже 10 %.

Это очень настораживает и подсказывает, что ситуация по туберкулезу может полностью выйти из-под контроля, что чревато всплеском заболеваемости туберкулезом среди детей и, естественно, среди взрослых. И такая ситуация не просто прогнозируема, а она реально существует в некоторых регионах страны. Лет пять-семь назад в Калининградской области заболеваемость детей стала превышать заболеваемость взрослых. К сожалению, эти тенденции прослеживаются и в благополучных по туберкулезу территориях. В Новгородской области, где заболеваемость туберкулезом была существенно ниже, чем в среднем по России, наметилась тенденция к росту числа инфицированных детей и их заболеваемости.

Почему так? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Заболеваемость детей, как, впрочем, и взрослых, зависит не только от уровня иммунизации, но и от целого комплекса социальных мер профилактики, например, предоставления изолированного жилья бациллярным больным. Закон этот действует еще с 1937 г., переходя из одного постановления правительства в другое, сейчас данная мера социальной защиты предусмотрена Федеральным законом № 77⁵. Но на практике последние 10–15 лет он фактически не исполняется. По Новгородской области ежегодное количество нуждающихся в переселении бациллярных больных достигает 20–30 человек, а жилье предоставляется одному, в лучшем случае двоим. Остальные живут, как и прежде, в многонаселенных квартирах, коммуналках, в общежитиях и т. д. И так по всей стране. Детям при таких жилищных условиях оказаться неинфицированными туберкулезом нереально, разве только если их день и ночь кормить противотуберкулезными препаратами.

Но инфекция часто оказывается сильнее. Туберкулезная палочка преодолевает лекарственный барьер, и, кроме того, возникает привыкание к препаратам, которое вырабатывается путем мутации генного набора хромосом микобактерии и называется лекарственной устойчивостью. Это еще одна проблема, которая реально нависла над Россией. По последним данным, лекарственная устойчивость возросла в России за последние пятнадцать лет среди впервые заболевших в три раза, с 5,6 до 17 %, среди больных хроническим туберкулезом – с 21 до 75 %, а по данным некоторых авторов – до 90 %.

Что в такой ситуации делать?

Зарубежные эксперты говорят и доказывают, что лечить таких больных нужно препаратами более сильными, так называемого резервного ряда⁶. С этим трудно не согласиться. Но тут есть одна существенная деталь, без понимания которой все разговоры о лечении препаратами резервного ряда принимают черты схоластики. Суть в том, что человеческий организм не может вынести такой агрессивной интенсивной терапии без последствий. Представьте себе, что обычный человек заболевает пневмонией. При ее лечении, получая даже один антибиотик в течение недели или даже чуть больше, он зачастую сталкивается с проблемами лекарственной непереносимости. А когда больному хроническим туберкулезом предлагают одновременно принимать не менее четырех, а то и пяти, шести, и даже семи противотуберкулезных препаратов, в течение года или даже восемнадцати месяцев? Согласитесь, далеко не каждый человек сможет вынести такую токсическую нагрузку. Кстати говоря, эффективность такого лечения в отдаленных результатах пока не доказана. Принесет ли пациенту такая химиотерапия излечение от туберкулеза? Я как фтизиатр с более чем тридцатилетним стажем работы глубоко убежден: убить туберкулезную палочку, находящуюся в организме человека, невозможно. Ее можно похоронить лишь вместе с человеком.

Однако добиться длительной ремиссии, или клинического излечения, реально. Для этого нужен комплекс лечебных мероприятий. В связи с этим, многие отечественные ученые и практические фтизиатры предлагают вернуться к старым, хорошо забытым методикам лечения туберкулеза. Прежде всего, больным туберкулезом необходимо хорошо

продуманное питание⁷. Сегодня во многих стационарах России для лечения туберкулеза стоимость питания одного больного в день составляет 40–50 рублей, тогда как минимальная потребность – 96–120 рублей. Все зависит от характера туберкулезного процесса, в соответствии с которым и нужно выстраивать индивидуальную диету для лечения.

Вторым важным моментом в лечении является патогенная терапия, то есть применение препаратов, направленных на повышение общего иммунитета организма. Таких препаратов много. Какие-то получше, какие-то похуже, но выбор все же есть и на российском рынке лекарственных препаратов, в том числе их предлагают наши отечественные научные и фармацевтические центры. В частности, в Санкт-Петербургской лесотехнической академии ученые разработали уникальные препараты для антиоксидантной терапии, направленные на повышение иммунитета больных, например, такие как «Цитолон», таблетки «Леснин» из хвойных пород деревьев и многие другие. Но в официальных учебниках по фтизиатрии вы упоминаний о таких препаратах не найдете. Более того, средства на патогенную терапию для защиты организма от агрессивного воздействия противотуберкулезных препаратов, как правило, в бюджет лечебного учреждения не закладываются. Дескать, пусть сами больные на свои средства покупают мед, прополис и прочие хвойные таблетки.

Но больные туберкулезом не только не могут что-либо купить для себя, но и не хотят. После проведенного в Новгородской области научного исследования выяснилось, что лишь 38 % больных туберкулезом адекватно относятся к своему заболеванию и действительно хотят вылечиться. И только 3 % опрошенных имеют реальную возможность приобрести для себя дополнительное питание и лекарства; 97 % – это больные с низким доходом или вообще бомжи, мигранты и т. п.⁸

Где же выход? Без государственной программы борьбы с бедностью не решить вопросы социально значимых заболеваний, в том числе и туберкулеза. Туберкулез – это болезнь бедных, и нечего это скрывать. Пока не будет ликвидирована бедность и причины, порождающие ее, победить туберкулез будет невозможно. Примеров тому много. Возьмите Китай, Индию, Бразилию и другие развивающиеся государства. Как только экономика этих стран заработала, повысился жизненный уровень населения, так почти сразу же начался спад заболеваемости и смертности от туберкулеза.

Что ждет Россию в ближайшие десять-пятнадцать лет в плане прогноза ситуации по туберкулезу? По мнению зарубежных экспертов, ситуация по туберкулезу в России вышла из-под контроля и впереди рост заболеваемости среди населения, в том числе среди осужденных, находящихся в пенитенциарных учреждениях, и он будет продолжаться и достигнет 110–120 случаев на 100 тыс. населения и от 3 до 5 тыс. среди заключенных. Общее количество больных туберкулезом в России будет составлять около 1 млн человек, то есть примерно 1 % от всего населения России к 2015 г.

Мой прогноз следующий: заболеваемость туберкулезом в России начнет стремительно снижаться, как только в стране будет введена в действие программа борьбы с бедностью. По моим подсчетам, это случится тогда, когда на одного члена семьи доход будет составлять не менее 250 евро в

месяц при сохранении темпов инфляции на уровне 8–9 % в год. Общее число больных туберкулезом сократится до 250–300 тыс. человек в год, уровень заболеваемости к 2015 г. будет составлять не более 40 случаев на 100 тыс. населения и не более 400–500 случаев в пенитенциарных учреждениях. Общее число больных туберкулезом в нашей стране составит не более 0,1–0,2 % от всего населения. Риск заболеть туберкулезом составит менее 1 %.

Реален ли такой прогноз? Да, реален! Но повторюсь, для его претворения в жизнь нужны деньги и государственная поддержка в принятии и выполнении программы по борьбе с бедностью и целевая программа борьбы с туберкулезом. Лишь это поможет сохранить и укрепить отечественную фтизиатрию. Необходима поддержка научных работ в сфере противотуберкулезной медицины, широкая пропаганда здорового образа жизни и политическая поддержка на всех уровнях власти.

¹ Письмо Первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации от 21.06.2007 года № 72/3-103-07 «О необходимости принятия мер по исполнению законодательства о предупреждении распространения туберкулеза».

² Там же.

³ Там же.

⁴ Фармер, П. Е. Новая волна туберкулеза в Российской Федерации / П. Е. Фармер [и др.]. – М., 1999. – С. 9.

⁵ П. 5 ст. 14 Федерального закона от 18 июня 2001 года № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации».

⁶ Фармер, П. Е. Новая волна туберкулеза в Российской Федерации / П. Е. Фармер [и др.]. – М., 1999. – С. 39–40.

⁷ См. напр.: Евстигнеев, А. Р. Применение низкоэнергетического лазерного излучения в комплексном лечении детей с различными формами туберкулеза легких / А. Р. Евстигнеев, А. В. Карпов, В. Н. Уральский // Калужская медицинская газета. – 2002. – № 9. – С. 4; Карпов, А. В. Болезнь, которую можно предупредить полной тарелкой // Медицинская газета. – 2002. – № 32. – С. 7.

⁸ Лебедев, В. Б. Социальный статус больных туберкулезом: его значимость для организации результатов стационарного лечения / В. Б. Лебедев, А. В. Невельская // Вестник фтизиатрии. – 2004. – Вып. 5. – С. 47–52.

К. Г. Исупов

КОСМОС РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ*

Двойник

Автономный дублер «я» в мифопоэтических и литературных традициях; мотив образной памяти мировой культуры; персонаж условных реальностей **тени, зеркала, маски** и др. дериватов замещения; предмет психо- и шизоанализа. Миметическое, жизненно-активное уподобление человеку наблюдается во всех ареалах мировой мифологии, а в обрядовом поведении обслуживается широко разветвленным культом близнецов; отражено в представлениях об инобытийной жизни людей и богов (егип. 'Ка'). История Д. – от условно-овнешненных подобию до метафизических расщеплений личности – есть история самообъективации «я» по обе стороны реальности с уточнением онтологического статуса последней то как монолитно-единой (архаической культуры), то как множественной (мотив дискретного историзма). Волевым источником мифологического двоения может признаваться стихия волшебства, магии или иронической игры персонажей демонического мира (в котором нет ничего, кроме карикатур на факты мира первоначально), а мотивом – иррациональные замыслы непостижимых сил. В сфере исторических культур Д. осознан как: 1) результат избыточного артистизма внутреннего «я»; 2) инструмент и атрибут самоопознавания, личной и родовой памяти; 3) открытие диалогической фактуры мышления и реализованная потребность в собеседнике. В плане религиозном Д. знаменует: а) полуязыческие представления об альтернативном житии («метемпсихоз»; ср. «вечный возврат» у Ницше и в концепциях модерна); б) условие молитвенного общения (Л. Фейербах); в) возможность быть понятым и прощенным Другим здесь-и-теперь, что в плане христианской метаистории сулит сбывание богочеловеческого Завета в финальных акциях искупления и спасения человек. Апокалипсис истории в этом акценте есть достижения свободы от принципиальной двойственности дешнего мира и дольней правды как фундаментального качества грешного и тварного мира, что «лежит во зле». Идеал ангельского пакибытия

достижим в борьбе с тотальным двойничеством ради возврата к исконному «прототипу», т. е. к богоподобию как положительному корреляту всякой дурной множественности и неадекватности, которыми угрожает человеку любая реализация Д. – условная (в грезе мечтателя, в экстазе визионера, в фантазии романтика) или безусловная (в ампула Одинокого, Лишнего, Постороннего и Чужого). С другой стороны, в Д. найден имманентный психике способ и инструмент (само- и взаимо-) отражения как познавательной активности бодрствующего «я», способного на границах своей личности (но при риске потерять эти границы, а с ними – и функцию разума) поставить проблему идентичности, выразить жажду целостного существования, сформулировать гипотезы о своем месте в мире, о смысле истории. В Д. моделируются и обыгрываются возможности и типы общения, возможные репрезентанты **Другого** как продуктивного для эволюции самосознания симметрического соагента в его роли сочувственного совопрошателя и духовного сопричастника на путях самоценного поиска ответов на вечные вопросы бытия. Д. таит и негативные последствия гносеологического перевертыша: из друга-партнера он обращается в насмешливого врага, провокатора-нигилиста, в уничижителя достоинства, в прелестного обманщика и в прочих инициаторов аутособлазна. При этом эмотивный фон присутствия Д. во внутреннем пространстве «я» настолько же плотен и убедителен, насколько громок и риторически неотразим его оппонирующий всем доводам здравого рассудка безапелляционный голос. Д. – перехватчик голосового приоритета и логический оккупант – центральный персонаж ментальных миров Достоевского, в той же мере необходимый его неустанно спорящим идеологам-расщепленцам, в какой он невыносим для человека, взыскующего целостной жизни. Персонифицируя двоящиеся голоса, писатель открывает в Д. принцип самодвижения духовного бытия и трагическую динамику несводимой к последнему единству онтологии: мир людей устроен так, что ко всякому последнему слову пристраивается противословие, и череде двойников нет конца, пока продуцирующее их самосознание привязано к истории, повседневности и одержимой бесами нестроения современности. Мнимость, нимало не отрицающая своей фиктивности, фантом предела и муляж границы, тень присутствия и призрак наличия, гротескный парадоксалист-насмешник, Д. Достоевского стал автором ничтоявствующей в упрямстве самопознания реальности, фундамент которой стоит на зыбкой почве гордыни, сомнения, авантюрного атеизма и мизантропии. Квазимышление Д. роднит его с Антихристом, – и по родству с человеческим миром, и по сознанию своей обреченности в нем на эсхатологическом исходе мирового процесса.

Лит.: 1. Тексты: Анненский И. «Другой». Стихотворения и трагедии. – Л., 1990. – С. 143–144; Ахшарумов Н. Д. Двойник // ОЗ. – 1853. – № 3; Аксаков Н. П. Двойники в литературе и в жизни // Эпоха. – 1886. – № 9; Валсхап Д. Двойник : Роман : бельг.; на нидерл. яз. – 1964; Даль В. И. Савелий Грай, или Двойник // Сказка за сказкой. Т. 2. – СПб., 1842; Липскеров К. Другой. – М., 1922; Малларме С. Осенняя жалоба. – 1864; Пильняк Б. Двойники. Одиннадцать глав классического повествования : Роман. – М., 2003; Расцветиков (Коларов) А. Двойники : Поэма. – 1926; Случевский К. К. К растратчику. **2. Исследования:** Агафонов В. К.

Человек-двойник : Гипотеза о двойственной природе человека // Современный мир. – 1908. – № 9. – С. 1–16; № 10. – С. 1–14; Арамян Л. А. Идея двойничества по некоторым этнографическим и фольклорным данным // Историко-филологический журнал. – М., 1977; Топоров В. Н. Близнечные мифы // Мифы народов мира : В 2 т. Т. 1. – М., 1980; Семенов В. А. Ритуальный «двойник» в похоронном обряде саяно-алтайских скифов (Эволюция погребального обряда кочевников Южной Сибири) // Смерть как феномен культуры. – Сыктывкар, 1994. – С. 135–141; Осипов Н. Е. «Двойник. Петербургская поэма» Ф. М. Достоевского // Прикладная психология и психоанализ. – 1991. – № 1. – С. 68–78; № 2. – С. 67–78; Чижевский Д. И. К проблеме двойника // О Достоевском. – Берлин, 1929; Бицилли П. М. К вопросу о внутренней форме романа Достоевского, 1946 // Избр. труды по филологии. – М., 1996. – С. 483–549; Ломагина М. Ф. К вопросу о позиции автора в «Двойнике» Достоевского // Филолог. науки. – 1971. – № 5; Ермакова М. Н. «Двойничество» в «Бесах» // Достоевский : Матер. и исслед. Т. 2. – Л., 1976. – С. 113–118; Ковач А. О смысле и художественной структуре повести Достоевского «Двойник» // Достоевский : Матер. и исслед. Т. 2. – Л., 1976. – С. 57–64; Поддубная Р. Двойничество и самозванство // Достоевский : Матер. и исслед. Т. 11. – СПб., 1994. – С. 28–40; Силади Ж. Двойное «я» Печорина – фазисы самопознания // Литературоведение XXI века: Анализ текста и результат. – СПб., 1996. – С. 56–61; Мертен С. Психопатология и проблема человеческой личности в «Двойнике» Достоевского // Литературоведение XXI века: Анализ текста и результат. – СПб.; Мюнхен, 2001. – С. 74–86; Григорьева Т. «Двойник» – подражание или переосмысление? // Литературоведение XXI века: Анализ текста и результат. – СПб.; Мюнхен, 2001. – С. 87–108; Люксембург А. М., Рахимулова Г. П. Игровое начало в прозе В. Набокова // Поиск смысла. – Н. Новгород, 1994. – С. 157–168; Шапиро Г. Поместив в своем тексте мириады собственных лиц // Литер. обозр. – 1992. – № 2. – С. 30–37; Ухтомский А. А. Интуиция совести. – М., 1966. – С. 277–281, 348–361, 514; Махлин В. Л. К проблеме Двойника (Прозаика и поэта) // Философия М. М. Бахтина и этика современного мира. – Саранск, 1992. – С. 84–94; Савченкова Н. М. История Двойника (Версии) // Символы в культуре. – СПб., 1992. – С. 105–115; Двойничество : Три варианта статьи / Е. К. Созина, М. В. Загиддулина, В. Н. Захаров // Ф. М. Достоевский: Эстетика и поэтика : Словарь-справочник. – Челябинск, 1997. – С. 149–152; Полухина В. Метафоры «я» в поэзии постмодернизма: Двойники в поэтическом мире Бродского // Модернизм и постмодернизм в русской культуре. – Хельсинки, 1996. – С. 391–408; Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык Средневековья. – М., 1982. – С. 201–235; Мыльников А. С. Испытание чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. – Л., 1991; Тульчинский Г. Л. Самозванство. Феноменология Зла и метафизика свободы. – СПб., 1969; Hildenbrock A. Das andere Künstlicher Mensch und Doppelgänger in der englischsprachigen Literatur. – Tübingen, 1986.

Категория антропологии, эстетики и философии творчества, знаменующая вечное качество дольного человека и онтологический принцип предстояния чад Божьих Творцу и Отчему Промыслу. В литературу и искусство понимание ребенка приходит с романтизмом; им пережит переход от плоских просветительских представлений о детях как уменьшенных копиях взрослых к осознанию детского мира в его специфике и собственной мифологии. В детях раскрыт генезис культуры, «этимология» и «первослово» самой жизни (Н. Берковский). Внимание к «детству человечества», определившее векторы фольклорных, религиоведческих и историко-мифологических штудий романтиков, дало стимул для развития педагогики и философии ребенка. В отечественной традиции долгое время сосуществуют: заданная XVIII веком модель ребенка как агрегата врожденных свойств (так, у Щедрина ребенок еще «Порфиша Головлев», но по облику и манерам – уже «Иудушка»), архетип «поэдитя» (ср. пасторально-буколические «баловень Муз», «Дафнис», «Лель») и романтические («безумцы праздные») дериваты, дидактические клише «примерных детей» или «продуктов среды». Русское традиционное мышление наследует стереотипы «дитя – благословение Божье»; смысловые сцепления детскости, правды и праведности (см. **Юродство**); вовлеченность детей в вину родителей. На православный образ детскости кардинально повлияли новозаветные представления о младенце как Славе Божией («в устах их хвала свершена» (Мф. 21, 16)) и детях как бесспорных наследниках спасения (Мф. 18, 10, 19, 14). Детскости противостоит не взрослость, а греховность. Мир взрослых мыслится как мир утраченных ценностей, ложных кумиров, дискредитированного языка и деформированной истории. «Детскость утрачивается в жизни и восстанавливается в святости» (Ельчанинов А. Записи. – Париж, 1990. – С. 67). В детях жизнь освящается, на них сбывается завет надежды и горние планы Божьего Домостроительства. Так понятая, Д. сближается со святостью, что подчеркнуто участием детей в литургии, в сакральных сюжетах Писания и иконописи, в житиях мучеников за веру и, главное, с Ликом Христа-Младенца (каноническое изображение которого строится на противоречии между телесным образом Отрока и серьезностью неотмирно-всеведающего взгляда). «Князь Христос» (Мышкин) у Достоевского подан в атрибутах ангелической детскости, что не снимает с него трагической вины за события, вызванные его явлением в Петербург. На ребенка у Достоевского возложена функция спасительного присутствия в сплошь зараженном ложью мире. Если человечеству надлежит быть спасенным, оно, по убеждению писателя, должно быть человечеством детей, а собор спасаемых душ – не оргией взрослых, но Детским Собором и «детской церковью» (М. Бахтин). Точку зрения здравого смысла выражают мужик и ребенок у Л. Толстого, призвавшего писателей учиться у крестьянских детей реалистическому письму. Сходное убеждение, усиленное евангельским образом «детей-мудрецов» (Мф. 11, 25), высказал Л. Шестов, призвавший учиться у детей и ждать от них откровений. Отечественная теология детства знает образ «святейшего детства», поданный нам эпизодом вхождения во храм Приснодевы (С. Булгаков). Д. есть

человеческая софийность, просветляющая телесную плотность естества и мистически сопряженная с Софией Небесной. По С. Булгакову, то, что открывается умному видению интуитивно, а не дискурсивно, и есть наиболее софийное и детское. Софиология устанавливает в детскости срединный топос **Встречи**. На языке ангелологии дитя есть человекоангел, что выше самого ангела, бесплотного существа; вместе с тем ребенок – во плоти сущий ангел, ангелочеловек. В детстве Христа С. Булгаков усматривает онтологическое основание для освящения детского мира. Рай населен исключительно детьми; Ад – местообитание взрослых. Авангард начала XX в. создал концепции эстетизованной детскости и инфантилизма, что обернулось массовым переживанием комплекса «мужедевья» (см. детские воспоминания В. Розанова, Б. Пастернака, В. Ильина). Приметой декадентской литературы стали дети-самоубийцы и ребенок, наделенный «взрослым» демонизмом. На этом фоне еще можно расслышать призыв П. Флоренского к пониманию детского мышления как «особого типа мышления». Д. вошла в круг проблем русской философии любви. Герой-эстет романа Ф. Степуна убежден, что ребенок метафизически свидетельствует о творческом бессилии любви («Николай Переслегин», 1929); сходная мысль принадлежит Н. Бердяеву; В. Розанов, проповедник «вечного детства брака», строит образ будущего семьи на хронотопе райской идиллии. Ходовой в эстетических теориях становится аналогия художественного творчества и детской игры (А. Горнфельд, А. Белый, М. Пришвин, ранний А. Луначарский, Л. Выгодский, В.с. Фаусек). Исключительное значение Д. обрела в рамках пришвинской концепции «творческого поведения». В центр картины мира А. Платонова помещен ребенок как центральная ценность Божьего мира и объект культа. Ребенок у него есть абсолютная драгоценность мира, которая больше самого мира, потому что в ней – итог мировой человечности, ценностная колыбель человечества. В духе Достоевского автор «Чевенгура» и «Котлована» говорит, что мир, в котором есть детские могилы, «не готов для жизни». Д. трактуется Платоновым как подлинная (т. е. ответственно поступающая) взрослость и наоборот; думать о «прочих» (здесь: «других») во всей полноте сочувствия, диалогической открытости и понимания способно лишь детское существо: в нем свернуты возможности 'материнства = отцовства = сестринства = братства' («Джан», опубл. 1964; «Река Потудань», 1937). «Дети – спасители Вселенной» – такова формула Платонова. Платоновская мифология детства находит усиление в мистике детского предметного мира у Д. Андреева. В «Розе Мира» (нач. 1950-х гг.) рассказано о последней судьбе детских игрушек: память о тепле детских ладошек пробуждает спящие в игрушках души, и они на своем уровне пакибытия становятся живыми существами. Философию детства развивали Вяч. Иванов («Младенчество», 1918), Ф. Сологуб (в утопиях), Б. Пастернак («Детство Люверс», 1922); В. Шукшин и А. Тарковский как кинорежиссеры, Ю. Норнштейн как анималист-мультипликатор.

Лит.: Аверинцев С. С. Комментарий к публикации: Юнг К.-Г. К пониманию психологии архетипа младенца // Самосознание европейской культуры XX века. – М., 1991. – С. 125–129; Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. – Екатеринбург, 1999; Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. –

М., 1978; Бенчич Ж. Инфантилизм // *Russian Literature*. – 1987. – Vol. 21. – № 1; Социология контркультуры. Инфантилизм как тип мировосприятия и социальная болезнь. – М., 1980; *Культура и мир детства* : Сб. – М., 1988; Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. – Л., 1973. – С. 43; Бороздин А. К. Дети в произведениях Л. Н. Толстого // *Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма*. – 1904. – № 10. – С. 768–786; Булгаков С. Н. Друг Жениха. О православном почитании Предтечи. Экскурс 1. – Париж, 1927. – С. 224; Булгаков С. Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. – М., 1994. – С. 198; Булгаков С. Н. Восхождение ко Христу // *Вестник РХСД*. – 1971. – № 100 (II). – С. 33; Вольф К. О смысле и бессмыслице наивности // В. Криста. От первого лица. – М., 1973 – С. 78–86; Вольтинский (Флексер) А. Л. Детвора // А. Л. Вольтинский. Царство Карамзовых. Лесков. Заметки. – СПб., 1901. – С. 157–161; Волошин М. Откровения детских игр // *Золотое Руно*. – 1907. – № 11–12. – С. 68–75; Вопросы на исповеди детей. – СПб., 1890; Вышеславцев Б. Тайна детства // *Возрождение*. – 1955. – № 46; Гессе Г. Детство волшебника, 1923 // Г. Гессе. Письма по кругу. – М., 1987. – С. 22–35; Горичева Т. М. Детскость // Горичева Т., Мамлеев Ю. Новый Град Китеж. Философский анализ русского бытия. – Париж, 1989. – С. 41–48; Гулыга А. В. Философия детства // *Литературная Грузия*. – Тбилиси, 1985. – № 9; 10; Дворяшина Н. Художественный образ детства в творчестве Ф. Сологуба. – Сургут, 2000; Друскин Я. С. Вблизи вестников. – Вашингтон, 1988. – С. 55–56; 65–67; Гессен С. И. Педаг. соч. – Саранск, 2001; Зеньковский В. В. Психология детства. – Лейпциг, 1924 (М., 1995); Зеньковский В. В. Детская душа в наши дни // *Дети эмиграции*. – Прага, 1925. – С. 138–165; Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – Париж, 1934 (М., 1993); Зеньковский В. В. Педаг. соч. – Саранск, 2002; Евангелие детства (Евангелие от Фомы) // В. В. Мильков. Древнерусские апокрифы. – СПб., 1989; Егоров И. свящ. Христос и дети // *Церковное обновление*. – 1907. – № 7. – С. 52–54; Исапов К. Г. О русской философии и теологии детства // *Ребенок в современном мире* : Тезисы докладов междунар. конф. : В 2 ч. Ч. 1. – СПб., 1994; Канетти Э. Человек нашего столетия. – М., 1990; Кафка Ф. Письмо к отцу, 1919 // Ф. Кафка. Дневники и письма. – М., 1995. – С. 371–445; Кривонос В. Ш. Инфантилизм и инфантильный герой в «Петербургских повестях» Н. В. Гоголя // *Russian Studies*. Т. II. – СПб., 1996. – № 3. – С. 111–130; Ланге К. Художественное воспитание в детской. – М., 1895; Ломброзо Ч. Последовательность мысли у детей // *Вопросы философии и психологии*. Кн. 41. – 1898. – С. 99–108; Малышкин Е. В. Риторика взросления // *Культура на защите детства*. – СПб., 1998. – С. 41–42; Митюрев С. Н. Проблема подростка в творчестве Достоевского 1870-х гг. : Автореф. ... к. филол. н. – Тарту, 1988; Муратов П. Солнечные часы // *Золотое Руно*. – 1908. – № 10. – С. 62; Мухина В. Таинство детства. – М., 1998; Пастернак Б. Л. Охранная грамота. – Л., 1931; Пришвин М. М. Соч. : В 6 т. Т. 6. – М., 1957. – С. 454; Пушкирева В. Дети и детство в творчестве Ф. М. Достоевского и русская литература второй половины 19 в. – Белгород, 1998; Розанов В. В. О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира, 1907; Опавшие листья. Короб второй, 1915; Руднев В. П. «Злые дети» и мотив «инфантильного поведения» в романе «Бесы» // *Проблема автора в художественной литературе*. – Ижевск, 1990. – С. 105–111; Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлевы, 1875–1880; Сартр Ж.-П. Слова. – М., 1966; Семенов-Тянь-Шанский А. О детях // *Вестник РХД*. – Париж, 1954. – № 32 (II). – С. 14–17; Семенова Е. И. Тема детей в литературно-философской концепции Ф. М. Достоевского // *Учен. записки Пермского госпединститута*. Вып. 25. – Пермь,

1964. – С. 168–179; Степун Ф. А. Николай Переслегин. – Париж, 1929. – С. 261; Трэси Ф. Психология первого детства. – М., 1899; Флоренский П. А. Обратная перспектива, 1919 / Соч. : В 2 т. Т. 2. – М., 1990. – С. 61; Флоренский П. А. Детям моим (письмо семье от 11–13 мая 1937 г.). – М., 1992. – С. 438; Ходасевич В. Ф. Младенчество, 1933 // Вл. Ходасевич. Колеблемый треножник. Избранное. – М., 1971. – С. 263–268; Четвериков С. О трудностях религиозной жизни в детстве и юности // Педагогика Российского Зарубежья : Хрестоматия / Сост. Е. Г. Осовский, О. Е. Осовский. – М., 1996; Шестов Л. На весах Иова (Странствования по душам). – Paris, 1975; Эпштейн М., Юркина Ю. Образы детства // Новый мир. – 1979. – № 12. – С. 242–257.

Другой

1. Диалогическая спецификация «ближнего», установленная трудами неокантианцев – сначала в контексте проблем «всеобщего» сознания, а затем, по мере успеха персонализма и экзистенциализма, в плане широкого репертуара проблем общения. 2. Субъект / объект эстетического общения. Типологическим признаком общности отечественных концепций «я / Д.», «я / ты», «я / мы» является их эстетическая насыщенность. Христианская философия Дружбы и Эроса опорной онтологической парадигмой полагает Троицу, а смысловое задание диалогического взаимомораскрытия одного «я» другому мыслит как дольний вариант богообщения. По Флоренскому: 1) личности предостоят друг другу в качестве других, но полнота доверительного дарения «дружеством» достигается, когда собственно другое «снято» перед «лицом третьего, а именно Третьего» («Столп», 1914). В жертвенной отданности Другому «я» освобождается от «личин», обретает свое «лицо» и получает шанс на высший тип самовыявления: на высветление в глубинах своей тварной природы «лика» как свидетельства богоподобия (см. «лик/лицо/личина»); 2) Д. – это внутренняя икона «я», призванная к свободе на путях братотворческой приязни. Это понимание Другого сложилось в борьбе с классическими формами этики, в которых «я» овнешнено и присвоено корпоративным мнением общественной группы (Гегель). Отечественная традиция исходит из презумпции инаковости других, лишь в качестве таковых входящих в соборную Личность нации и в родовое множество человечества. Специально-человеческое творчество в бытии есть внесение рукотворного добра в мир (В. Несмелов). В рамках такого рода убеждения, меж «я» и Другим творится черновик грядущей соборности на путях расширения сознаний «я» и включения в них сознаний других. Русская философия Другого вела поиск такой коммуникативной структуры, которая могла

бы выглядеть универсальной и по сложности своего внутрличеловеческого задания, и по ее возможности оказаться онтологической парадигмой богочеловеческого процесса. Такая структура была найдена в минимуме соборности: «я и Д. в присутствии Третьего» и описана в терминах философии Эроса, Встречи, Сердца и Жертвы. Для В. Соловьева в признании за другим существом безусловного значения состоит «внутренний смысл любви». Философская разработка проблемы еще ранее была предложена рядом писателей. У Достоевского Д. распался на полярные аспекты: диалогическая одержимость другим (кн. Мышкин), рожденная из страха оказаться неуслышанным и неподтвержденным в личном голосовом статусе, с одной стороны («парадоксалисты» и «подпольные человеки»), и эстетская игра масками, юродски-провокационный розыгрыш мнимого доверия (Петр Верховенский, Ставрогин, Федор Павлович Карамазов; ср. Липскеров К. А. Другой : Поэма. – М., 1922; Жюльен Г. Другой : Повесть, 1971). Русский философский ренессанс определяет вектор «другости» в контекстах жертвенного обмена, поэтому идеальной нормой Другого предположен Христос как Абсолютный Д., а идеальной ситуацией – Голгофа в ее мировом трагизме (С. Булгаков). Для Н. Федорова мир других – это мир «родных», преодолевших «небратство» как онтологическую разлуку с родом, почвой и Космосом. Онтологический статус «Симфонической Личности» Л. Карсавин определяет диалектикой умирания / воскрешения «я» в других, а в социальном плане – возможностью взаимоотражающего познания. Категория Другого включается в логические процедуры определения греха как безблагодатного одиночества (П. Флоренский). В мистериальной картине мира А. Мейера человек включен в пространство «зова» и «отклика» в мире других; метаисторическая задача многих «я» – подняться к единомножественному «Верховному Я» (соборному метафизическому Существо), прорвав овнешняющие «я» оболочки природы, общества и культуры. «Симфониям» других Мейера и Карсавина противостоит персонология Н. Бердяева, для которой метафизическое ядро «я» остается неприкосновенным для всех посягательств овнешняющих коммуникаций (включая Эрос и даже свободу в ее избытке); личность выходит на периферийный контакт с другими через голосовое представительство полномочных вестников моего «я» с автономными вестниками (масками, ампула, ролевыми личинами) «я» других («Я и мир объектов», 1934). По Гегелю, «я» есть то, что видят в нем другие; ср. «мнения о нас других людей – вот то зеркало, перед которым позируют почти все без исключения. Человек делает себя таким, каким хочет, чтобы его видели. Настоящий же, как он есть на самом деле, неизвестен никому, включая часто и его самого, а живет и действует некая выдуманная и приукрашенная фигура» (Ельчанинов А. Записи. – Париж, 1990. – С. 25). Позднейшая персонология признала в Д. единственно компетентную точку зрения на чужое «я», с которой оно раскрыто навстречу обмена духовными дарами. В широко разветвленной философии Другого в XX веке (Вяч. Иванов, Я. Друскин, А. Штейнберг, М. Бахтин, А. Ухтомский, М. Пришвин, С. Франк, Ф. Розенцвейг, М. Бубер, Ф. Эбнер, Э. Мунье, Ж.-П. Сартр, Э. Левинас, О. Розеншток-Хюси, Г. Р. Яусс) не без основания видят фундаментальные предпосылки основных направлений мысли третьего тысячелетия.

Лит.: Антон Крайний (З. Н. Гиппиус). Я – не-я // Новый путь. – 1903. – № 7; Апресян Р. Г. Проблема «другого Я» и моральное самосознание личности // Философия науки. – 1986. – № 6; Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1989; Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. – М., 1986; Бердяев Н. А. Я и мир объектов (Опыт философии одиночества). – Париж, 1934; Библихин В. В. К метафизике Другого // Начала. – 1992. – № 3. – С. 52–66; Булгаков С. Н. Свет Невечерний. – М., 1917; Булыгина Т. В. Я, ты и другие в русской грамматике // Res philologica : Филологические исследования памяти акад. Г. В. Соколова. – М.; Л., 1990. – С. 11–126; Бухаркин П. Е. Образ «другого» в русской культуре и мифологема Империи // Вече. Вып. 4. – СПб., 1995. – С. 5–19; Бубер М. Я и Ты. – М., 1993; Вандельфельс Б. Мотив Чужого. – М., 1999; Введенский А. О пределах и признаках одушевления. – СПб., 1882; Венкова А. В. Этика жеста: поиск «я» и борьба с «Другим» // Образ современности: этические и эстетические аспекты. – СПб., 2002. – С. 57–61; Гадамер Г.-Г. Неспособность к разговору // Г.-Г. Гадамер. Актуальность прекрасного. – М., 1991; Гарднер К. Между Востоком и Западом. – М., 1993; Гаспаров Б. В поисках «другого» (Французская и восточноевропейская семиотика на рубеже 1970-х гг.) // НЛО. – 1995. – № 14; Гильдебранд Г. Метафизика коммуникации. – СПб., 2000; Горичева Т. М. Бог как Другой // Ступени. – 1992. – № 2. – С. 5–13; Гоффман Э. Представление себя другим (1959) // Современная зарубежная социальная психология : Тексты. – М., 1984. – С. 188–197; Делез Ж. Логика смысла. – М.; Екатеринбург, 1998; Делез Ж. Мишель Турнье и мир без Другого // Турнье М. Пятница, или Тихоокеанский лимб : Роман. – СПб., 1999. – С. 282–302; Друскин Я. С. Я и ты: Ноуменальное отношение // Я. С. Друскин. Вблизи вестников. – Вашингтон, 1988. – С. 187–179; Исупов К. Г. Смерть Другого // Бахтинология : Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 2. – СПб., 1995; Исупов К. Г. Одиночество в Другом (С. Кьеркегор наедине с собой) // Кьеркегор и современность. – Минск, 1996; Лапшин И. И. Проблема чужого «я» в новейшей философии. – СПб., 1910; Кузин И. В. Кафкианское непризнание Другого и интерсубъективность (Критика чистого социального воображения) // Социальное воображение : Материалы. науч. конф. 17 янв. 2000 г. – СПб., 2000. – С. 33–38; Лазари А. «Я», «мы», солидарность и солидаризм // Посев, 1991; Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. – СПб., 1998; Лосский Н. О. Что не может быть создано эволюцией? // Современные записки. Т. 33. – Париж, 1927. – С. 255–269; Махлин В. Л. Я и Другой (Истоки философии «диалога» XX века). – СПб., 1995; Махлин В. Л. Я и Другой: к истории диалогического принципа в философии XX в. – М., 1997; Махлин В. Л. Другой // Бахтинский тезаурус. – М., 1997. – С. 141–148; Махлин В. Л. Философская парадигма М. М. Бахтина и смена парадигмы в гуманитарном познании : Дисс. ... д. ф. н. – М., 1997; Машевский А. Г. Я и Ты в «теоцентрической антропологии» Якова Друскина // Памяти Павла Флоренского. Философия. Музыка. – СПб., 2002. – С. 107–112; Мейер А. А. Заметки о смысле мистерии (Жертва), 1933 // А. Мейер. Филос. соч. – Париж, 1982; Наторп П. Культура народа и культура личности. – СПб., 1912; Несмелов В. Н. Наука о человеке. Т. 1. – Казань, 1896.; Мандельштам О. О собеседнике // Аполлон. – 1913. – № 2. – С. 49–54; Папуш М. «Я» и «ты» в гештальтпсихологии : Аксиологический анализ концепции невротических механизмов // Московский психотерапевтический журнал. – 1992. – № 2; Пессоа Ф. Другие «я», генезис и оправдание гетеронимов // Преломления : Труды по теории и истории литературы, поэтике, герменевтике и сравнительному литературоведению. Вып. 3. – СПб., 2004. – С.

201–212; Поснов Б. Другой в современной философии. – М., 2001; Пятигорский М. К., Успенский Б. А. Персонологическая классификация как семиотическая система // Труды по знаковым системам. Т. 3. – Тарту, 1967; Розеншток-Хюси О. Речь и действительность. – М., 1994; Слободянюк Н. Проблема «я» и «другой» с точки зрения русского экзистенциализма (Семен Франк и Александр Хургин) // Вестник КРСУ. – 2002. – № 4; Соловьев В. С. Собр. соч. Т. 7. – Изд. 2-е. – СПб., 1912. – С. 125; От Я к Другому : Сборник переводов по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога. – Минск, 1997; От Я к Другому : Проблемы социальной онтологии в постклассической философии. – Минск, 1998; Смагина С. Я и Другой : Тренинги. – СПб., 1999; Толстой Л. Н. ПСС : В 90 т. Т. 87. – М., 1937. – С. 10; Турнье М. Тело // Комментарии. – 1996. – № 10; Ухтомский А. А. Письма // Пути в неизвестное. – М., 1973; Ухтомский А. А. Интуиция совести. – СПб., 1996; Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. – М., 1914; Франк С. Л. Мистическая философия Розенцвейга // Путь. – 1926. – № 2; Франк С. Л. Непостижимое, 1939 // С. Л. Франк. Соч. – М., 1990; Шевцов К. П. Узнавание себя и вера в другого // Образ современности: этические и эстетические аспекты. – СПб., 2002. – С. 209–212; Шпет Г. Г. Сознание и его собственник // Сборник Г. И. Челпанову : Статьи по философии и психологии. – М., 1916; Штейнберг А. З. Система свободы Достоевского, 1923. – Париж, 1980; Marx W. Der Blick des Anderen // Mercur. – Stuttgart, 2000. – Jg. 56. N. 2. – S. 124–133; Emerson C. The First Hundred Years of Bakhtin. – Princeton. 1997; Tauninissen M. Der Andere. Studien zur Sozialontologie der Gegenwart. – В., 1965; переводы ряда текстов Ф. Розенцвейга («Об одном месте из диссертации Мартина Бубера»; «Новое мышление. Несколько дополнительных замечаний к „Звезде спасения”») и Ф. Эбнера («Из записных книжек») см. в кн.: Махлин В. Л. Я и Другой (Истоки философии «диалога» XX века). – СПб., 1995.

М. Н. Дробышева

«БАЛКАНСКОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО» НА ПЕТЕРБУРГСКИХ БЕРЕГАХ

Театр-фестиваль «Балтийский дом», Санкт-Петербургский государственный академический драматический театр им. В. Ф. Комиссаржевской при поддержке Федерального агентства по культуре и кинематографии РФ, Комитета по культуре правительства Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургского отделения Союза театральных деятелей РФ и международной театральной ассоциации НЕТА представили первый международный фестиваль «Балканское театральное пространство».

Фестиваль проходил в Санкт-Петербурге с 11 по 18 мая и познакомил наших соотечественников с театральным миром стран Балканского полуострова: Сербии, Черногории, Хорватии, Болгарии, Албании, Боснии и Герцеговины, Словении.

Долгое время российский зритель был практически не знаком с театральной жизнью Балкан. Сейчас ситуация меняется благодаря созданной в 2005 г. по инициативе министра культуры Македонии Б. Стефановского международной ассоциации «Новая европейская театральная ассоциация (НЕТА)», которая объединила руководителей театров и фестивалей всех Балканских государств, а также Италии, Румынии, Турции и России. Театральное искусство Балкан сегодня находится в состоянии бурного развития: проводятся многочисленные фестивали, отличающиеся разнообразными экспериментами, осваивается европейское наследие прошлого и используется опыт современного театра других стран.

Символично, что фестиваль «Балканское театральное пространство» открылся концертом группы «Балканские ветры», в состав которой вошли музыканты из Болгарии, Греции, Сербии, Хорватии, Македонии и Румынии. Группа исполняет национальные мелодии в джазовой и фолк-обработке.

Театральное искусство Сербии было представлено на фестивале спектаклем «Женитьба» Н. В. Гоголя старейшего театра Сербии – Национального театра, основанного в 1868 г. Режиссер Славенко Салетович следует традиции последних лет, создавая актуальные спектакли острой сатирической направленности. Режиссер не только ставит вопрос о бегстве от близких, но и через иронию показывает зрителям, что же способствует исчезновению духовных ценностей из нашей жизни.

Драматический театр «Адриана Будевска» из города Бургас (Болгария) представил свою трактовку пьесы Н. В. Гоголя «Женитьба» в постановке российского режиссера Юрия Погребничко. Болгарское театральное искусство было также представлено спектаклем «Изгнанники» из репертуара Национального театра им. И. Вазова (София). Режиссер спектакля – Александр Морфов – хорошо известен петербургскому зрителю.

В театре сатиры на Васильевском состоялась открытая репетиция спектакля «Саранча». Пьесу Биляны Срблянович режиссер Анджей Бубень поставил как притчу о том, во что превращаются люди, не способные любить.

Театр Хорватии на фестивале был представлен не столичным театральным коллективом, а театром ХДК (Хорватский дом культуры) из приморского города Риека и постановкой режиссера Лари Заппиа «Представление „Гамлет“ в деревне Мрдуша Донья».

Национальный театр из города Нова Горица (Словения) познакомил зрителей с трагедией Еврипида «Вакханки» (режиссер Вито Тауфер). Эта масштабная постановка раскрывает женскую природу, показывает человека, потерявшего себя в лабиринте страстей и иллюзий.

Театральное искусство Черногории имеет свою специфику, которая проявилась в постановке Бранислава Мичуновича ибсеновской «Норы». Художественный руководитель Национального театра Черногории Бранислав Мичунович неоднократно удостоивался общественного признания и профессиональных наград. Оригинальна и трактовка пьесы, и ее сценическое воплощение: зрители приглашаются на прием, где и разыгрывается семейная трагедия.

Албания и Македония привезли на фестиваль спектакли «Пир во время чумы» А. С. Пушкина (режиссер Лази Сербо) в постановке Национального театра им. А. Чаюпи (Албания) и «Стулья» Э. Ионеску (режиссер Люпче Георгиевски) в постановке Национального театра Битола (Македония).

В день закрытия фестиваля петербургские зрители могли увидеть «Гамлета» в неклассическом прочтении. Продюсерская компания «Space productions» (Босния и Герцеговина) перенесла зрителей в стихию шекспировской трагедии, которая происходит в XX веке в Стамбуле, в атмосфере османского двора. Режиссер Харис Пашович занял в спектакле артистов из всех республик бывшей Югославии.

Политологи, искусствоведы, культурологи а также театральные критики, в частности хорватский критик Х. Иванович, не оставили без внимания фестиваль и приняли участие в дискуссиях круглого стола «Россия и Балканы – пути развития отношений».

В российском обществе сегодня можно отметить рост интереса к культуре Балкан. Прошедший фестиваль представил пеструю картину театрального искусства стран Балканского полуострова, а также познакомил нашего зрителя с новыми именами.

Т. В. Артемьева, М. И. Микешин

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КАРЛ ЛИННЕЙ В РОССИИ: К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ». САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 15–16 ИЮНЯ 2007 Г.*

Имя К. Линнея (1707–1778) стало почти нарицательным в истории науки и натуральной философии. Главным достижением его научной теории было создание всеобъемлющей классификации, позволившей сделать мир природных явлений объектом научного исследования. Наиболее значимой она оказалась для описания системы растительного и животного мира («Системы природы», 1735; «Философия ботаники», 1751). К. Линней классифицировал также почвы, минералы, человеческие расы, болезни («Лекарственные вещества», т. 1–3, 1749–1763; «Роды болезней», 1763; «Ключ к медицине», 1766). Он, как и другие его современники, например, Х. Вольф, стоял у водораздела философии и науки, сформировав научные подходы и методы. Именно создание системы классификации дало возможность совершить колоссальный прорыв и определило направление научных исследований на много десятилетий вперед.

15–16 июня 2007 г. в Санкт-Петербурге, в Российском государственном педагогическом университете имени А. И. Герцена состоялась международная научная конференция «Карл Линней в России: к 300-летию со дня рождения». С приветствием к участникам обратился господин Мартин Хагстрем, представитель Генерального консульства Швеции в Санкт-Петербурге. Личность ученого и значение его открытий были подробно освещены в пленарном докладе проректора РГПУ им. А. И. Герцена В. П. Соломина и Г. А. Воробейкова «К. Линней – ботаник, зоолог, врач и педагог», а также участниками секционного заседания «Карл Линней – человек и ученый» С. Б. Королевой, Н. С. Серпоккрыл, В. Х. Хе, А. С. Червинским, А. А. Вихманом, Л. П. Генераловой, А. В. Мошковым, А. А. Нотовым. Л. В. Рязанова в докладе «Гербарий превыше всех рисунков» рассказала о гербарии кафедры ботаники РГПУ им. А. И. Герцена, насчитывающем более 20000 образцов, собранных известными коллекционерами XIX–XX вв.

* Информация опубликована по материалам официального сайта Санкт-Петербургского центра истории идей (www.ideashistory.org.ru).

Особое значение имели труды К. Линнея для российских ученых, формировавших в эпоху Просвещения систему приоритетов и стратегию исследований. Система Линнея надолго вошла в учебники российских университетов и школ, а переводы книг великого шведского ученого помогли сформировать терминологию естественных наук на русском языке.

Успех развития науки в значительной степени зависит от интенсивности и характера интеллектуальных коммуникаций. И действительно, научное открытие связано с изучением предшествующего опыта, осмыслением его, обсуждением новых рабочих гипотез с коллегами и, наконец, признанием в профессиональной аудитории.

Именно поэтому Петербургская академия наук уже в момент своего создания в 1724 г. была ориентирована на то, чтобы стать научным центром мирового уровня и использовать международную интеграцию для своего развития. Почетным членом Петербургской академии наук был и К. Линней, на примере взаимодействия которого с высшим научным учреждением можно проследить особенности интеллектуальной коммуникации в академической сфере, роль академических контактов для формирования международной европейской культуры. Об этом шла речь в пленарном докладе Т. В. Артемьевой «К. Линней и его интеллектуальные связи с Россией». Этой проблеме был посвящен круглый стол «Проблема интеллектуальных коммуникаций», в котором приняли участие Т. В. Артемьева, А. С. Степанова, М. Н. Щербакова, Т. В. Чумакова, О. Н. Левшина, С. Т. Махлина, М. И. Микешин, А. В. Куприянов и другие.

Открытия К. Линнея являются образцом для исследования механизма и особенностей движения идей, их адаптации и развития в различных социокультурных средах. Особенности развития науки в эпоху, когда работал Линней, был посвящен пленарный доклад М. Ю. Савельевой «Статус естествознания в эпоху Просвещения: Кант и Линней».

На секции «Карл Линней в контексте кросскультурной компаративистики» А. С. Степанова, А. К. Сытин, Б. В. Григорьев, Д. Р. Яворский, Р. Л. Исхаков, О. В. Одаренко, А. А. Оскольский рассматривали различные философские и методологические проблемы осмысления наследия великого шведского ученого в различных сферах науки и культуры.

Специальная секция «Карл Линней и проблемы научного познания» была посвящена роли великого шведского ученого в становлении новой науки. С докладами выступили Г. Л. Тульчинский, Х. П. Тирас, И. Ю. Моисеева, С. Т. Махлина, Н. В. Серов.

Цели и задачи планируемой конференции выходили далеко за пределы простого анализа научной работы Карла Линнея или констатации степени изученности его творчества в России. В центре внимания были проблемы изучения российско-шведских интеллектуальных связей, философской компаративистики, современное состояние и тенденции развития истории и философии науки.

Организаторы надеются, что данная конференция не только активизирует интерес к изучению наследия К. Линнея, но и будет способствовать успешному развитию теории философской компаративистики, философии и истории науки.

Конференция сопровождалась открытием выставки изданий К. Линнея в Библиотеке Академии наук. Куратор выставки – заведующая на-

учно-исследовательским отделом отдела редкой книги БАН Е. А. Савельева. Кроме того, во время конференции работала фотовыставка «Карл Линней – великий шведский натуралист и педагог», созданная Г. А. Воробейковым, заведующим кафедрой ботаники факультета биологии РГПУ им. А. И. Герцена.

Участники конференции посетили Ботанический сад Санкт-Петербургской государственной лесотехнической академии и ознакомились с его коллекциями.

Конференция была организована Институтом международных связей и кафедрой ЮНЕСКО «Теория образования в поликультурном обществе» Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, Санкт-Петербургским отделением Института философии РАН, Объединенным научным советом по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию при президиуме Санкт-Петербургского научного центра РАН, Санкт-Петербургским центром истории идей. Конференция была поддержана Российским гуманитарным научным фондом, грант 07-03-14109.

Материалы конференции опубликованы в альманахе «Философский век», выпуск 33.

SUMMARY

Russian democracy and neoliberal reforms: structural-historical context of civil society development (P. 3)

V. Vinogradov, A. Petrov

The questions of civil society institutes development as one of the basic essence of democratization process in Russia is viewed in the article. Structural-historical context of Russian reforms determines the specific character of democracy development process and of civil society institutes formation. That's why the study of this context is important for contemporary social-political investigations and should be taken into account by those who aim to pass from political rhetoric to real analyzing the particularities of contemporary development of Russia and civil society institutes role in its realization.

Normative-juridic basics of enterprising activity in housing and public complex of megapolis are viewed (P. 10)

V. Pilyavsky

The problems appearing in the course of reforming housing and public utilities program realization are given. It is shown that the main obstacle for the realization of the program is the imperfection of normative-legislative base in housing and public sphere. Main directions of improving the legislation, regulating the main aspectd of economical activities in housing public utility and forming the conditions for developing of enterprising.

Terrorism crimes in Russia: ideological and psychological aspects (P. 18)

O. Bodunova

In modern world the terrorism is one of difficult and actual problem. In this article the main archive records of Russia State are analysed. It explains the reasons of development of some organizations and their terroristic direction.

Main form of production in music industry (P. 29)

V. Treshev

Nowadays the perception of music is closely connected with music industry functioning. An experience of systematization of the main forms of production of this industry through the following categories: "concert", "single", "album".

Unique features of each form stipulating the strategy of perception are distinguished. Comparative analysis is carried out. The question of forms interpenetration and of competition between them is viewed in the light of material media of recorded music dynamics.

Exhibition fast-food: comprehending the contemporary art life appetites (P. 37)

A. Lyashko

The article is dedicated to the changes that happen with the traditional form of art presentation, an exhibition. The main investigation material is the exhibition life of Saint-Petersburg during last years. The common mimicry of art ambient is viewed. With the example of State Museum of Russian Art the exhibition projects are evaluated.

Amateur music playing in Imperial jurisprudence school (P. 45)

E. Demchenko

Amateur music playing is viewed as a means of individual-personal development of pupils of elite school. The information about forms of musical life, pedagogues-musicians, their pupils, A. Serov, V. Stasov, S. Taneev were among them, are given.

Interaction of traditions and innovations in historical-pedagogical methods of teachers-musicians preparation (P. 50)

G. Praslova

Psychological-pedagogical, didactical and methodical conditions of historical-pedagogical preparation of future teachers-musicians is viewed in the article. The principles, methods and forms of organizing the pedagogical process are viewed in the context of competent approach to higher musical-pedagogical education.

Way to harmony between people, nations, cultures and religions on the base of perinatal musical education (P. 63)

A. Yusfin

Both educational function of music at the perinatal period of human development early to the limit, that favours the forming of musical esthetic tolerance as a special personal psychological aim, and sociocultural harmony actualization are viewed in the article.

Earth sciences as a priority field of knowledge in noospheric education system (P. 69)

A. Subetto

Noospherism as the base of contemporary education is analyzed in the article. According to the author's point of view, the earth sciences containing noospheric guideline are those that should amplify in a harmonious way disciplines of humanitarian education course. The examples of school programs basing on noospheric paradigm are given.

Greenhouse effect: carbon dioxide and antropogenic factor (P. 77)

V. Ermolaev, M. Inochkin, I. Puzyk, M. Puzyk

The analysis of a number of properties of carbonic acid gas and authors' opinion on the fact that Kyoto Protocol and the measures connected with it don't have a serious scientific substantiation.

Tuberculosis in Russia: the forecast (P. 83)

A. Karpov

The evaluation of contemporary tuberculosis sickness rate statement in Russia is given in the article. The reasons of sickness rate increase and overcoming this negative tendency possibilities are discussed.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артемьева Татьяна Владимировна – доктор философских наук, профессор, руководитель Санкт-Петербургского центра истории идей, Санкт-Петербург.

Бодунова Ольга Георгиевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории права и государства Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербург.

Виноградов Валерий Дмитриевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии политических и социальных процессов факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель проекта РФФИ 06-06-80311-а, Санкт-Петербург.

Демченко Елена Николаевна – аспирант кафедры музыкального воспитания и образования Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург.

Дробышева Марина Николаевна – кандидат искусствоведения, член Союза театральных деятелей Российской Федерации, член Международного Союза журналистов, Санкт-Петербург.

Ермолаев Владимир Сергеевич – старший научный сотрудник кафедры квантовой электроники и биомедицинской оптики Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики, руководитель межвузовской научно-исследовательской лаборатории «Спектроскопия быстрых химических реакций», Санкт-Петербург.

Иночкин Михаил Владимирович – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры квантовой электроники и биомедицинской оптики Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики, сотрудник межвузовской научно-исследовательской лаборатории «Спектроскопия быстрых химических реакций», Санкт-Петербург.

Исупов Константин Глебович – доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург.

Карпов Анатолий Васильевич – доктор медицинских наук, профессор, главный фтизиатр Новгородской области, главный врач ГУЗ

«Новгородский областной противотуберкулезный диспансер», Великий Новгород.

Ляшко Анна Владимировна – кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры факультета философии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург.

Микешин Михаил Игоревич – доктор философских наук, профессор, руководитель Санкт-Петербургского центра истории идей, Санкт-Петербург.

Петров Александр Викторович – доктор социологических наук, доцент кафедры экономической социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, исполнительный директор Российско-китайского центра сравнительных социальных, экономических и политических исследований факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, научный консультант Школы исследований международных отношений в сфере экономики и торговли Харбинского политехнического университета, Санкт-Петербург.

Пилявский Валерий Павлович – кандидат технических наук, старший научный сотрудник, проректор по инновациям и развитию Государственной полярной академии, Санкт-Петербург.

Праслова Галина Адамовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры музыкального воспитания и образования Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург.

Пузык Ирина Петровна – кандидат химических наук, доцент кафедры квантовой электроники и биомедицинской оптики Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики, сотрудник межвузовской научно-исследовательской лаборатории «Спектроскопия быстрых химических реакций», Санкт-Петербург.

Пузык Михаил Владимирович – кандидат химических наук, доцент кафедры неорганической химии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, заведующий межвузовской научно-исследовательской лабораторией «Спектроскопия быстрых химических реакций», Санкт-Петербург.

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербург.

Трещев Виктор Вячеславович – кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры культурологии Курского государственного университета, Курск.

Юсфин Абрам Григорьевич – доктор искусствоведения, член Союза композиторов России, член правления Союза композиторов Санкт-Петербурга, председатель творческой ассоциации «Мелос», Санкт-Петербург.

- В. Г. Егоркин (главный редактор), доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, заместитель директора по научной работе филиала Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Волхов.
- Н. А. Кривич (зам. главного редактора), кандидат культурологии, доцент кафедры теории и методики философско-культурологического образования Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, главный редактор издательства «Астерион», Санкт-Петербург.
- В. В. Никифоров (председатель ред. совета), кандидат технических наук, директор Центра научно-информационных технологий «Астерион», Санкт-Петербург.
- А. А. Збрицкий, доктор экономических наук, профессор, ректор Государственной академии специалистов инвестиционной сферы, Москва.
- Л. М. Чистов, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет (ИНЖЭКОН), Санкт-Петербург.
- А. И. Субетто, доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербург.
- А. О. Бороноев, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербург.
- Н. В. Ловелиус, доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории географии и природоиспользования, Санкт-Петербург.
- А. А. Алимов, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Российского государственного гидрометеорологического университета, председатель комиссии по охране природы Русского географического общества, Санкт-Петербург.
- Л. В. Никифорова, доктор культурологии, доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, член Союза художников РФ, Санкт-Петербург.
- В. Р. Арсеньев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии Российской академии наук (Кунсткамеры), Санкт-Петербург.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ООО «Центр информационных-технологий „Астерион”»
191015, Санкт-Петербург, а/я 83, ЦНИТ «Астерион»;
(812) 275-73-00, 275-53-92, 970-35-70

УСЛОВИЯ ПОДАЧИ МАТЕРИАЛОВ

1. Материалы к публикации предоставляются на электронном носителе на адрес редакции (191015, Санкт-Петербург, а/я 83, ЦНИТ «Астерион» или по электронной почте: terrahumana@asterion.ru, mail@terrahumana.ru, asterion@asterion.ru. При необходимости прилагается распечатка. Электронная версия должна полностью соответствовать распечатке. Объем статей — не менее 0,5 авторского листа = 20000 знаков (около 10-ти страниц), не включая ссылки и сноски.

Все материалы проходят внутреннее рецензирование, статья может быть возвращена на доработку или отклонена.

2. Текст должен быть набран в редакторе Microsoft Word.

Шрифт Times New Roman, кегль 14, междустрочный интервал одинарный.

Текст не должен содержать двойные и более пробелы, табуляции, разбит на колонки.

Кавычки должны выглядеть так: «.....», кавычки внутри цитат так: «... „...” ...».

Иллюстрации должны быть предоставлены отдельно в виде файла с расширением .JPG.

Таблицы, схемы, графики, формулы, рисунки и др. иллюстрации должны быть пронумерованы в порядке их упоминания в тексте и озаглавлены.

Надписи на рисунках даются на русском языке. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

3. Статья должна быть снабжена номерами УДК и ББК.

Статью должны сопровождать аннотация на русском языке и резюме на английском языке.

4. Сведения об авторе статьи включают:

- фамилию, имя, отчество полностью;
- ученое звание / ученую степень;
- должность и место работы / учебы / соискательства;
- город проживания / работы;
- контактные телефоны.

5. Ссылки на источники, а также все поясняющие сноски даются на последней странице текста статьи. Нумерация ссылок и сносок в статье сквозная.

Ссылка на источник оформляется следующим образом: фамилия автора, его инициалы, название издания, номер тома / части (если есть), место издания (город), название издающей организации, год издания, номер страницы; для статей из журналов, газет, сборников необходимо указать основное название издания, из которого взята статья; номер выпуска, тома, части; для журналов и газет — дату выпуска.

Редактор – И. В. Тихтурова
Дизайн обложки – Е. Ю. Абдушукурова
Подготовка оригинал-макета – ЦНИТ «Астерион»

ЦНИТ «АСТЕРИОН»

Заказ № 116. Подписано в печать 20.06.2007. Бумага офсетная.

Формат 70×100^{1/16}. Объем 6,8 п. л. Тираж 800 экз.

Санкт-Петербург, 191015, а/я 83, тел. /факс (812) 275-73-00, 275-53-92, тел. 970-35-70

E-mail: asterion@asterion.ru